ЛУИ БУССЕНАР

ЛЕДЯНОЙ АДЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

ЛЕДЯНОЙ АДЪ

Переводъ А. Сергѣева

Издательство П. П. Сойкина
Спб., Стремянная ул., 12.
1911.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ ВЪ МЕЗОНЪ-ЛАФИТЪ.

ГЛАВА I.

Ужасный контрастъ.—Таинственное письмо.—Шантажъ.—50,000 франковъ или смерть.—Полицейскій агентъ.—Княгиня ожидаетъ.—Потерянная нить.—Дьявольская ловкость.—Лошадь безъ всадника.—Послѣдняя угроза.—Зарѣзанный человѣкъ.—Красная звѣзда.—Самоубійство.

Первыя апрѣльскія ласточки съ веселыми криками преслѣдуютъ другъ друга и, какъ безумныя, кружатся въ лазури неба, гдѣ сіяетъ великолѣпное весеннее солнце. Раскрываются первыя почки, развертываются цвѣточные вѣнчики, и въ прохладномъ воздухѣ носится тонкій и нѣжный ароматъ весны... Хорошо жить на свѣтѣ!

Да, хорошо жить въ двухъ шагахъ отъ превосходнаго Сенъ-Жерменскаго лѣса, въ цвѣтущихъ виллахъ, окаймляющихъ дорогу изъ Мезонъ-Лафита къ древней королевской дубравѣ.

Нѣсколько парижанъ, тосковавшихъ по деревнѣ и считавшихъ за счастіе укрыться отъ сутолоки большого города, наслаждались этимъ поэтическимъ пробужденіемъ природы. Въ числѣ ихъ была семья Грандье, уже двѣ недѣли какъ поселившаяся на виллѣ Карменъ.

Разсказъ начинается 25 апрѣля, въ 8 часовъ утра.

Глава семьи, высокій и красивый мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ непокрытой головой, потнымъ лбомъ и багровыми щеками нервно шагалъ по большой конторѣ, изъ оконъ которой видны рощицы, лужайки и аллеи хорошо расчищеннаго англійскаго сада. На маленькомъ столикѣ стояла нетронутая чашка съ чаемъ. Забывъ о ней, хозяинъ дома тяжело вздыхалъ, произносилъ безсвязныя слова, стискивалъ зубы и ломалъ пальцы. Видно было, что у него страшное горе.

Этотъ романъ написанъ въ 1895 году.

Между тѣмъ въ дверь постучались.

— Войдите!

Вошелъ слуга съ подносомъ, на которомъ грудою лежали журналы, письма и газеты, и произнесъ:

— Почта барину!

— Хорошо; благодарю, Жерменъ!

Едва слуга успѣлъ выйти, какъ господинъ его наклонился надъ подносомъ, порылся между корреспонденцій и нашелъ крѣпкій квадратный конвертъ изъ толстой бумаги желтоватаго цвѣта, на которомъ, вмѣсто печати, была красная звѣзда съ пятью лучами. При видѣ его онъ испустилъ глухой стонъ, поблѣднѣлъ еще болѣе и съ дрожью въ рукахъ, въ ужасѣ пробормоталъ прерывающимся голосомъ:

— Красная звѣзда!.. Ахъ! Я погибъ... это седьмое... послѣднее!..

Трепетавшіе пальцы разорвали конвертъ, и оттуда выпало письмо, также съ красной звѣздой. Послѣ минутнаго убійственнаго молчанія онъ произнесъ глухимъ голосомъ:

— Денегъ!.. Они хотятъ денегъ... огромную сумму... а я разоренъ... не имѣю кредита... эта роскошь только показная... Но они не хотятъ вѣрить... и грозятъ умертвить моихъ дѣтей!.. дорогихъ, любимыхъ, которыхъ такъ долго охраняла моя любовь. Да, они убьютъ всѣхъ... они перерѣжутъ всѣхъ... если я не дамъ денегъ... И сегодня послѣдній срокъ!.. Но денегъ у меня нѣтъ... и попытки мои... вернуть ихъ... убили мой кредитъ... ускорили мое разореніе... Вотъ!.. Я былъ добръ... честенъ... довѣрчивъ... Ахъ!.. Теперь я расплачиваюсь за это!

Между тѣмъ, въ то время, какъ господинъ этотъ предавался наединѣ своему горю, изъ сосѣдней комнаты черезъ открытое окно ворвалось нѣсколько фортепьянныхъ аккордовъ. Въ саду, въ кустахъ, малиновки, зяблики и соловьи заводили свои трели. Бабочки упивались нектаромъ первыхъ цвѣтовъ. И очарованіе, разлитое вездѣ въ природѣ, составляло такой рѣзкій контрастъ съ отчаяніемъ этого человѣка, что несчастный не могъ удержаться отъ рыданій. Вскорѣ, однако, устыдясь своей слабости, онъ протяжно вздохнулъ и сказалъ вполголоса:—Надо съ этимъ покончить!—и порывисто нажалъ кнопку электрическаго звонка.

Тотчасъ же явился слуга.

— Тамъ есть кто-нибудь?—спросилъ господинъ Грандье.

— Да, какой-то человѣкъ дожидается уже добрую четверть часа!

— Введите его немедленно!

Вошелъ незнакомецъ, еще молодой, средняго роста, съ живымъ, проницательнымъ взглядомъ и просто одѣтый. На его физіономіи лежалъ отпечатокъ ума.

— Это вы—агентъ, присланный полицейской префектурой?—спросилъ господинъ Грандье, послѣ короткаго поклона.

— Да, сударь!

— Какъ поздно вы явились!.. Если бы вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ васъ!

— Я былъ въ отлучкѣ и немедленно по полученіи депеши отправился къ вамъ, не заходя даже домой.

— Вы меня спасете?

— Постараюсь сдѣлать все, что возможно. Предупреждаю, однако, что я буду состоять при васъ въ качествѣ офиціальнаго лица... чтобы содѣйствовать Версальскому суду... такъ какъ мы уже не въ департаментѣ Сены!

— Ловки ли вы?

— Вы увидите это на дѣлѣ; на всякій случай я приглашу еще двухъ товарищей. Но прежде познакомьте меня съ сутью дѣла!

— Читайте это письмо: онъ объяснитъ вамъ все!

Агентъ взялъ письмо, пощупалъ бумагу, вглядѣлся въ почеркъ и прочелъ вполголоса:

„Милостивый Государь!

„Пишу вамъ въ седьмой и послѣдній разъ. Въ седьмой и послѣдній разъ повторяю вамъ: вы богаты, а мнѣ нужны деньги. Направляю на васъ это письмо, какъ пистолетъ, и говорю: кошелекъ или жизнь!.. Пятьдесятъ тысячъ франковъ или—я убью васъ, умертвивъ предварительно по одному всѣхъ членовъ вашей семьи.

„Мнѣ нужны эти пятьдесятъ тысячъ франковъ, чтобы сдѣлать карьеру въ Клондикѣ, этой золотой странѣ, гдѣ энергичные люди становятся милліонерами въ нѣсколько недѣль. И вы дадите ихъ мнѣ сегодня же!

„Я предложилъ вамъ недѣлю, чтобы реализовать эту сумму, и такого срока въ вашемъ положеніи совершенно достаточно.

„Не пытайтесь меня обмануть или укрыться отъ меня. Я принялъ всѣ предосторожности, я знаю часъ за часомъ все,

что вы дѣлали за эту недѣлю, и вы всецѣло находитесь въ моей власти!

„Вы ѣздили два раза въ Версальскій судъ и разъ въ полицейскую префектуру. Вы приказали охранять свой домъ ночью и днемъ, что верхъ глупости по отношенію къ человѣку моего пошиба.

„Но, довольно болтать! Вы должны имѣть пятьдесятъ тысячъ франковъ... вы ихъ имѣете, которые и вручите сегодня мнѣ.

„Вложите деньги въ конвертъ и отдайте его лицу, которое ровно въ полдень будетъ у опушки лѣса. Въ назначенный часъ мужчина въ каштановой ливреѣ перейдетъ дорогу въ десяти шагахъ отъ въѣзда въ лѣсъ. Вы скажете ему: „Я—господинъ Грандье". Онъ отвѣтитъ: „Княгиня ожидаетъ", и вы вручите ему выкупъ за себя и свою семью.

„Можетъ быть, вы попытаетесь задержать его. Это было бы глупо, такъ какъ онъ не соучастникъ мой и даже не отвѣтственъ за свою роль. Это наемникъ, считающій себя доставителемъ политической корреспонденціи. Во всякомъ случаѣ,—надо все предвидѣть. Предупреждаю, что если вы измѣните мнѣ,—въ эту же ночь будетъ совершено убійство: я не отступлю ни передъ чѣмъ и готовъ убить человѣка такъ же легко, какъ раздавить улитку.

„Итакъ, въ эту ночь я зарѣжу какого-нибудь гражданина этой страны. Для большей убѣдительности у него будетъ перерѣзано горло отъ одного уха до другого, и вырѣзана ножомъ на кожѣ лѣваго виска моя эмблема—„красная звѣзда".

„Примите это къ свѣдѣнію!"

— Ну, что вы скажете на это? — спросилъ несчастный Грандье слабымъ голосомъ.

— Скажу,—отвѣчалъ съ важностью агентъ,—что все это сводится къ простому шантажу!

— Но эти страшныя угрозы, повторяемыя каждый день въ теченіе цѣлой недѣли?

— Шантажъ, и всѣ эти „красныя звѣзды", бумага неупотребительнаго формата, сильныя выраженія этого письма, не соотвѣтствующія цѣли, все это не больше, какъ сценическая обстановка. Увѣряю васъ, сударь, мой полицейскій нюхъ говоритъ, что вы имѣете дѣло съ простымъ мошенникомъ, котораго мы и поймаемъ... другого я ничего не могу предположить!

ѣзано горло отъ одного уха до другого, и вырѣзана ножомъ а кожѣ лѣваго виска моя эмблема—«красная звѣзда».

«Примите это къ свѣдѣнію!».

— Ну, что вы скажете на это?—спросилъ несчастный рандье слабымъ голосомъ.

— Скажу,—отвѣчалъ съ важностью агентъ,—что все это водится къ простому шантажу!

— Но эти страшныя угрозы, повторяемыя каждый день въ ченіе цѣлой недѣли?

— Шантажъ, и всѣ эти «красныя звѣзды», бумага неупоребительнаго формата, сильныя выраженія этого письма, не отвѣтствующія цѣли, все это не больше, какъ сценическая становка. Увѣряю васъ, сударь, мой полицейскій нюхъ говоть, что вы имѣете дѣло съ простымъ мошенникомъ, котораго и поймаемъ... другого я ничего не могу предположить!

— А если...

— Я отвѣчаю за все; не безпокойтесь: никто не будетъ тъ, объ убійствѣ не кричатъ за цѣлыхъ двѣнадцать часовъ редъ!

— Что же дѣлать?

— Имѣть довѣріе ко мнѣ, вложить въ конвертъ пятьдесятъ льшивыхъ билетовъ и отправиться въ полдень на свиданіе человѣкомъ въ ливреѣ. Остальное—мое дѣло!

Увѣренность полицейскаго ободрила господина Грандье; онъ алъ оживать. Между тѣмъ агентъ продолжалъ:

— Теперь девять часовъ. У меня какъ разъ достаточно мени, чтобы переодѣться и дать знать своимъ помощникамъ омъ мы возьмемъ въ руки нить дѣла и уже не выпумъ ее!

— Дѣлайте, какъ будетъ лучше. Вручаю свою судьбу въ и руки!

— И вы правы,—то, что мы спасемъ васъ, такъ же вѣрно, как мое имя Жерве!

После этого агентъ удалился съ видомъ человѣка, увѣренного в успѣхѣ.

аченный часъ господинъ Грандье находился у

опушки лѣса и отыскивалъ глазами агента, но тщетно. О замѣтилъ только верхового, повидимому, внимательно изучавша планъ лѣса. На минуту только этотъ всадникъ кинулъ нез мѣтный взглядъ въ его сторону, и Грандье скорѣе угадал тѣмъ узналъ въ немъ полицейскаго агента, поразительно удача замаскировавшаго себя. Нѣсколькими шагами далѣе какой-то субъектъ въ короткомъ пиджакѣ и передникѣ пилъ изъ стакан у прилавка съ винами; тамъ же остановился желѣзнодорожны служащій, державшій подъ мышкой небольшой пакетъ, похож на почтовую посылку. Всѣ трое, казалось, совершенно не зна другъ друга.

Съ замираніемъ сердца г-нъ Грандье услышалъ перв ударъ часовъ, бившихъ полдень. Онъ перешелъ дорогу въ лѣс и увидѣлъ человѣка въ ливреѣ, пересѣкавшаго путь. Грандь приблизился къ нему, держа письмо на виду, и проговорилъ

— Я—господинъ Грандье!

— Хорошо! Княгиня ожидаетъ!—отвѣтилъ тотъ.

Не прибавивъ ни слова болѣе, Грандье вручилъ ему письмо повернулся. Незнакомецъ вѣжливо поклонился, опустив письмо въ карманъ и направился по дорогѣ въ лѣсъ.

Между тѣмъ всадникъ успѣлъ уже сложить свою карту очень ловко объѣхалъ таинственнаго посланника: извѣстно, что самый вѣрный и оригинальный пріемъ выслѣдить кого нибудь находиться впереди его. Желѣзнодорожный служащій и таинственный субъектъ слѣдовали въ недалекомъ разстояніи отъ незнакомца, дѣлая видъ, что зѣваютъ по сторонамъ, а на дѣлѣ готовые броситься на него, а тотъ шелъ увѣреннымъ шагомъ гуляющаго, съ видомъ человѣка, имѣющаго спокойную совѣсть и средства къ жизни. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ около трехсотъ метровъ, пока не достигъ перекрестка двухъ пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ дорогъ. На одной изъ нихъ стоялъ лѣсникъ, держа за поводъ осѣдланную лошадь. Незнакомецъ остановился, обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами, потомъ взялъ поводъ, вскочилъ на сѣдло съ быстротою поѣзда.

Жерве, полицейскій агентъ, предвидѣлъ этотъ

пока его помощники стояли въ замѣшательствѣ, пришпорилъ свою лошадь и бросился ускореннымъ галопомъ преслѣдовать бѣглеца. Послѣдній, казалось, не могъ ускользнуть отъ такого превосходнаго наѣздника, какъ Жерве, обладавшаго къ тому же великолѣпнымъ конемъ; а лѣсникъ остался на попеченіи Шелковой Нити и Бабочки—двухъ полицейскихъ, переодѣтыхъ одинъ работникомъ, другой—служащимъ на желѣзной дорогѣ.

Они добросовѣстно слѣдили за подозрительнымъ лѣсникомъ и видѣли, какъ онъ направился къ одной изъ тѣхъ рѣшетокъ, какими отдѣляютъ охотничьи участки. Минутъ десять онъ шелъ вдоль рѣшетки и, наконецъ, остановился передъ маленькою желѣзною дверцей, продѣланной въ полисадѣ. Онъ быстро отперъ дверь ключомъ, проскользнулъ въ нее, опять заперъ и скрылся во рву.

Одураченные такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла, агенты двинулись впередъ и приблизительно черезъ полчаса вышли на лѣсную дорогу, содержимую въ порядкѣ, но совершенно пустынную.

— Постараемся оріентироваться и опредѣлить, гдѣ мы находимся!—сказалъ Бабочка, вынимая изъ кармана планъ лѣса. Неровный лошадиный галопъ отвлекъ его вниманіе и заставилъ поднять голову отъ плана; его товарищъ тоже насторожился. Прямо на нихъ скакала лошадь, вся покрытая пѣной; поводъ былъ закинутъ ей на шею, а стремена болтались по бокамъ. Инстинктивно они бросились на перерѣзъ ей, цѣпляясь за поводъ, за гриву и употребляя всѣ усилія, чтобы остановить обезумѣвшее животное. Когда это удалось, наконецъ, то вопль горести и ярости вылетѣлъ изъ ихъ грудей: они узнали лошадь, которую ихъ начальникъ, Жерве, взялъ для себя за три часа передъ этимъ!

. . . .

Господинъ Грандье былъ немного успокоенъ полицейскимъ агентомъ; хладнокровіе послѣдняго невольно внушало довѣріе. Онъ забылъ безпокойство, мучившее его цѣлую недѣлю, легъ рано въ постель и въ первый разъ его за всю недѣлю уснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ шесть часовъ утра его разбудили

шумъ голосовъ. Лакей его разговаривалъ съ садовникомъ, исполнявшимъ въ то же время должность привратника и жившимъ въ домикѣ близъ рѣшетки.

— Я говорю вамъ, Жерменъ, что письмо заказное и его нужно передать барину во что бы то ни стало, какъ объявилъ человѣкъ, принесшій его и чуть не оборвавшій звонокъ!

— Подайте сюда, Жерменъ, подайте!—сказалъ Грандье, предчувствуя уже катастрофу.

Ледяной холодъ проникъ ему въ грудь; онъ замѣтилъ красную звѣзду, напечатанную на толстомъ конвертѣ изъ желтой бумаги. Лихорадочно разорвавъ его, несчастный прочелъ слѣдующія строки, ходившія ходуномъ передъ его глазами:

«Вы обманули меня! Убѣдившись, что необходимъ трупъ, чтобы побудить васъ къ повиновенію, я совершилъ этою ночью убійство, какъ и предупреждалъ. Отправляйтесь въ улицу Св. Николая и вы увидите тамъ мертвеца съ моею печатью на лѣвомъ вискѣ. Завтра въ полдень вы доставите мои пятьдесятъ тысячъ франковъ, или вашъ сынъ погибнетъ будущею ночью.

«Теперь вы знаете, что я держу свое слово!»

Поспѣшно, самъ не сознавая, что дѣлаетъ, господинъ Г... одѣлся и бросился по указанному адресу.

Вотъ и улица Св. Николая... Взволнованые люди суетятся, кричатъ... открывается дверь... растрепанная женщина испускаетъ за душу хватающіе крики... во дворѣ—безпорядокъ и отчаяніе.

Жандармъ прибѣгаетъ въ тотъ моментъ, какъ Грандье, не понимая, что онъ дѣлаетъ и говоритъ, входитъ въ домъ и произноситъ задыхающимся голосомъ:

— Я хочу видѣть... трупъ!

Толпа расходится, и онъ входитъ въ комнату, гдѣ рыдаютъ какіе-то люди, которыхъ онъ даже не замѣчаетъ. На постели, обагренной кровью, лежитъ блѣдный трупъ зарѣзаннаго, съ большими открытыми глазами. Страшная рана пересѣкаетъ его горло отъ одного уха до другого.

Похолодѣвшій отъ ужаса, но словно влекомый невѣдомой

силой, Грандье наклоняется надъ этимъ трагическимъ, застывшимъ лицомъ...

Лѣвый високъ исполосованъ ножемъ... линіи разрѣзовъ изображаютъ пятилучевую звѣзду...

— Красная звѣзда...—лепечетъ черезъ силу несчастный.—Я также... я долженъ умереть!

Онъ оставляетъ комнату, толкая встрѣчныхъ, и бѣгомъ возвращается на виллу Карменъ; входитъ, задыхаясь, въ контору и запирается тамъ, потомъ, безъ всякихъ размышленій и выжиданій, беретъ листъ бумаги и трепещущею рукою пишетъ:

«Раззоренный, доведенный до отчаянія, не имѣя возможности удовлетворить требованію бандитовъ, угрожающихъ погубить моихъ близкихъ, я умираю, завѣщая дѣтямъ мщеніе.

Ш. Грандье».

Перечтя эти слова, онъ склонилъ голову, открылъ ящикъ бюро, вынулъ изъ него револьверъ и приставилъ его къ виску, потомъ рѣшительно, безъ тѣни колебанія, спустилъ курокъ.

II.

Два друга.—Ученый и репортеръ.—Поль Редонъ и Леонъ Фортенъ.—Какъ теперь убиваютъ.—Кое что о морскихъ свинкахъ.—Чудесное открытіе.—Тайна золота.—Новый металлъ.—Леонъ Фортенъ хочетъ во что бы то ни стало имѣть пятьдесятъ тысячъ франковъ, чтобы стать царемъ золота.—Арестъ.

— Редонъ, дружище! Тебя ли я вижу? Вотъ пріятный сюрпризъ!—вскричалъ Леонъ Фортенъ, увидя входившаго къ нему въ лабораторію, гдѣ онъ занимался какими-то опытами, пріятеля. Тотъ въ свою очередъ радостно привѣтствовалъ его.

Поль Редонъ былъ журналистъ или, вѣрнѣе, репортеръ, но репортеръ высшей школы, дѣйствовавшій по-англійски и американски. Онъ владѣлъ даромъ развѣдчика и соединялъ съ удивительною ловкостью чуткость, какой позавидовалъ бы любой полицейскій. Обладая небольшимъ состояніемъ, онъ работалъ

когда хотѣлъ, и получалъ большія деньги отъ большихъ парижскихъ журналовъ, цѣнившихъ его труды на вѣсъ золота.

Это былъ красавецъ лѣтъ двадцати пяти—шести, съ темными волосами и бородой, съ матовымъ, какъ у креола, цвѣтомъ кожи и голубыми глазами, острыми и проницательными.

Искусный во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, страстно любящій спортъ, до нельзя отважный, Поль Редонъ имѣлъ двѣ оригинальныя слабости: онъ всегда зябъ, кутался цѣлый годъ въ мѣха и воображалъ въ себѣ всевозможныя хроническія болѣзни. Характеръ у него былъ прямой и честь незапятнана. Осмѣивавшій, повидимому, все, онъ способенъ былъ увлекаться великими идеями. Къ этому надо присоединить еще желѣзную волю, какой нельзя было и подозрѣвать въ этомъ человѣкѣ, приходившемъ въ ужасъ отъ сквозняковъ и не пропускавшемъ ни одного объявленія о новооткрытомъ средствѣ, исцѣляющемъ всѣ, даже воображаемыя, болѣзни.

Съ Фортеномъ они подружились еще дѣтьми въ заведеніи Св. Варвары и сохранили эту дружбу до зрѣлаго возраста. Будучи одинаковыхъ лѣтъ со своимъ другомъ, репортеромъ, Леонъ Фортенъ совершенно не походилъ на него какъ съ моральной, такъ и съ физической стороны.

Этотъ здоровякъ съ широкими плечами и выпуклой грудью состоялъ какъ бы изъ однимъ мускуловъ и обладалъ силою атлета. Прекрасная и гордая голова его напоминала орлиныя маски старыхъ галловъ, отъ которыхъ достались ему въ наслѣдство большіе, цвѣта морской воды, глаза, изящно обрисованный носъ, красныя губы и длинные усы. Сильный и смѣлый, какъ левъ, взглянувшій бы, казалось, хладнокровно даже на ниспроверженіе небесъ, онъ обладалъ мягкостью и добротой, привлекавшими къ нему всѣ сердца. По виду его можно было отнести къ героямъ и участникамъ громкихъ приключеній!.. Но въ этомъ единственно его внѣшность была обманчива. Леонъ Фортенъ, сынъ, внукъ, правнукъ и т. д. по нисходящей линіи, былъ потомокъ записныхъ воякъ; но, сохраня ихъ типъ, по занятію не имѣлъ съ ними ничего общаго: это былъ молодой и уже замѣчательный ученый. Да, замѣчательный, оригинальный

и, можетъ быть, геніальный ученый, открытія котораго, еще наполовину только извѣстныя, надѣлали много шума. Вся его жизнь сосредоточивалась на работѣ.

— Скажи же, что привело тебя въ мое скромное убѣжище?— спросилъ онъ пріятеля.

— Помилуй, неужели ты не знаешь, что въ двухъ шагахъ отъ тебя совершенно преступленіе?

— Преступленіе! Здѣсь! Странно!

— Скажи... необыкновенно, ошеломляюще! Я видалъ за время своей репортерской дѣятельности много убійствъ, и всѣ они имѣли мотивы...

— А тебѣ извѣстно, кто жертва?

— Да, погибъ бѣдный, невинный человѣкъ, не имѣвшій даже враговъ; убитъ по какимъ то необъяснимымъ побужденіямъ... я сказалъ бы даже—изъ любви къ искусству.

— Странно,—произнесъ Фортенъ задумчивымъ и печальнымъ тономъ,—какъ нынче мало цѣнятъ человѣческую жизнь! Убиваютъ, кромсаютъ людей ни за что... не зная ихъ... да есть люди, для которыхъ пролить кровь имъ подобнаго значитъ то же, что для меня—кровь моихъ бѣдныхъ маленькихъ свинокъ!

— А ты все еще мучишь индѣйскихъ свинокъ?

— Увы, да!.. я только что открылъ новое анестезирующее средство, которое въ будущемъ вытѣснитъ хлороформъ... Сейчасъ ты о немъ ничего больше не узнаешь!..

— И свинки страдаютъ въ ожиданіи, пока люди воспользуются имъ?

— Да!.. да!.. мой старый филантропъ!

— Но покажи, что ты прячешь на этомъ столѣ!

— А это, голубчикъ, величайшее открытіе! Видишь на столѣ эти опилки? Ну, такъ знай, что я произвожу теперь опыты надъ открытымъ мною, благодаря періодическому закону элементовъ великаго русскаго химика Менделѣева, новымъ металломъ. Этотъ металлъ обладаетъ способностью притягивать къ себѣ золото, какъ магнитъ желѣзо. Я смѣшивалъ здѣсь опилки различныхъ металловъ и приближалъ къ нимъ кусокъ мною

изобрѣтеннаго. Тогда всѣ опилки оставались въ покоѣ, а золотыя притягивались къ нему. Пойми, что если устроить изъ моего металла стрѣлку, на подобіе магнитной, то золотыя розсыпи будутъ оказывать на нее такое же дѣйствіе, какъ на магнитную—желѣзо. Вѣдь съ моимъ изобрѣтеніемъ можно прибрать къ рукамъ всѣ залежи золота на землѣ. Для меня больше не существуетъ тайны, скрывающей золото въ нѣдрахъ земли, и сокровища Клондика, Юкона, Аляски принадлежатъ мнѣ! Свой металлъ я назову «леоніумъ».

— Ну, что, вѣришь ты въ мое открытіе?

— Я восхищенъ имъ!

— Теперь мнѣ нужны во что бы то ни стало пятьдесятъ тысячъ франковъ. Необходимо начать въ широкихъ размѣрахъ изслѣдованія относительно леоніума, получить въ достаточномъ количествѣ чистый металлъ и, когда все это будетъ кончено, организовать подъ большимъ секретомъ экспедицію въ Клондикъ.

— Вотъ что мнѣ особенно по душѣ!

— Но, подумай: я не могъ найти ни единаго су на это такъ восхитившее тебя открытіе.

— О, глупость!... непроходимая глупость нашей денежной буржуазіи!

— Въ Америкѣ, гдѣ обращаются съ деньгами не такъ идіотски, какъ у насъ, я имѣлъ бы уже тысячу долларовъ! Напрасно я обращался къ людямъ интеллигентнымъ,—они не хотѣли даже выслушать меня. Еслибъ ты видѣлъ, что съ ними дѣлалось при словахъ «пятьдесятъ тысячъ франковъ»!

— Да, наша французская бережливость придерживается еще стараго шерстяного чулка!

— Въ отчаяніи я отправился къ богатому промышленнику Грандье, живущему на виллѣ Карменъ, котораго считалъ другомъ прогресса, способнымъ отозваться на все оригинальное и великое. Онъ разсѣянно выслушалъ меня, а когда я попросилъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, то онъ попросту указалъ на дверь, назвавъ сумасшедшимъ.

— Правда, я изложилъ ему дѣло въ нѣсколько рѣзкой формѣ

и только впослѣдствіи вспомнилъ, что онъ имѣлъ всѣ права на мое уваженіе.

— Какъ это?! Какія права?

— Это маленькая тайна, которую ты узнаешь потомъ!

— Ну, если Грандье имѣлъ глупость тебѣ отказать, я ручаюсь, что ты получишь нужную сумму и въ скоромъ времени!

Тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаньемъ шпоръ, прервали ихъ бесѣду.

— Здѣсь!—произнесъ грубый голосъ у самой двери маленькой лабораторіи, устроенной Фортеномъ въ углу сарая.

— Онъ страшно силенъ, и вы должны находиться на разстояніи голоса, не дальше!

Въ дверь раздалось два удара.

— Войдите!—отвѣчалъ молодой ученый удивленнымъ тономъ.

Дверь растворилась, и показался жандармскій унтеръ-офицеръ. Онъ, не кланяясь, приблизился къ Фортену и строгимъ голосомъ спросилъ:

— Вы—Леонъ Фортенъ?

— Да!

— Именемъ закона арестую васъ!

— Меня? Но это безсмыслица!... Въ чемъ же меня обвиняютъ?

— Въ томъ, что вы убили бѣднаго невиннаго человѣка, по имени Мартина Лефевра, проживающаго въ улицѣ Св. Николая!

При этомъ чудовищномъ обвиненіи изъ груди Леона Фортена вырвался крикъ ужаса и негодованія.

— Я!... убійца!.. но вы сами...

— Молчите и повинуйтесь добровольно; въ противномъ случаѣ...

— Но то, что вы сказали, ужасно! Противъ этого безчестія говоритъ вся моя честная жизнь!

— Это меня не касается!—грубо прервалъ жандармъ.— Я имѣю приказъ арестовать васъ и выполняю его!

Поль Редонъ сдѣлалъ было попытку вмѣшаться въ разговоръ, но жандармъ скользнулъ взглядомъ по этому закутанному въ мѣхъ человѣку, котораго онъ видѣлъ утромъ вблизи мѣста преступленія, и пробормоталъ:

— Съ вами я никакихъ дѣлъ не имѣю! Ну, прощайтесь скорѣе,—прибавилъ онъ нетерпѣливо,—а вы, Фортенъ Леонъ, слѣдуйте за мною!

Блѣдный, растерянный Фортенъ окинулъ послѣднимъ взглядомъ свою маленькую лабораторію, гдѣ провелъ столько отрадныхъ минутъ, и сердце его сжалось отъ боли. Ему хотѣлось бы въ эту минуту обнять отца и мать, приласкаться съ безконечной нѣжностью къ своимъ добрымъ старичкамъ, какъ дѣлалъ онъ это въ дѣтствѣ, и заявить имъ о своей невинности. Но они были въ полѣ, занятые обычнымъ трудомъ, и, можетъ быть, такъ было даже лучше.

— Я ихъ увижу... я скажу имъ... поддержу ихъ, какъ сдѣлалъ бы твой братъ, мой дорогой Леонъ!—вскричалъ Редонъ, нервно сжимая руки своего друга.—А ты, будь терпѣливъ!.. Дѣло разъяснится... я похлопочу объ этомъ и сумѣю доказать правду, на зло чиновникамъ и жандармамъ. Теперь же я слѣдую за тобою!

III.

Тягостный путь.—Истинный другъ.—Передъ судомъ.—Вопросы.—Цвѣты обвиненнаго.—Дама въ голубомъ.—Донесеніе агента.—«Это вы—убійца!»

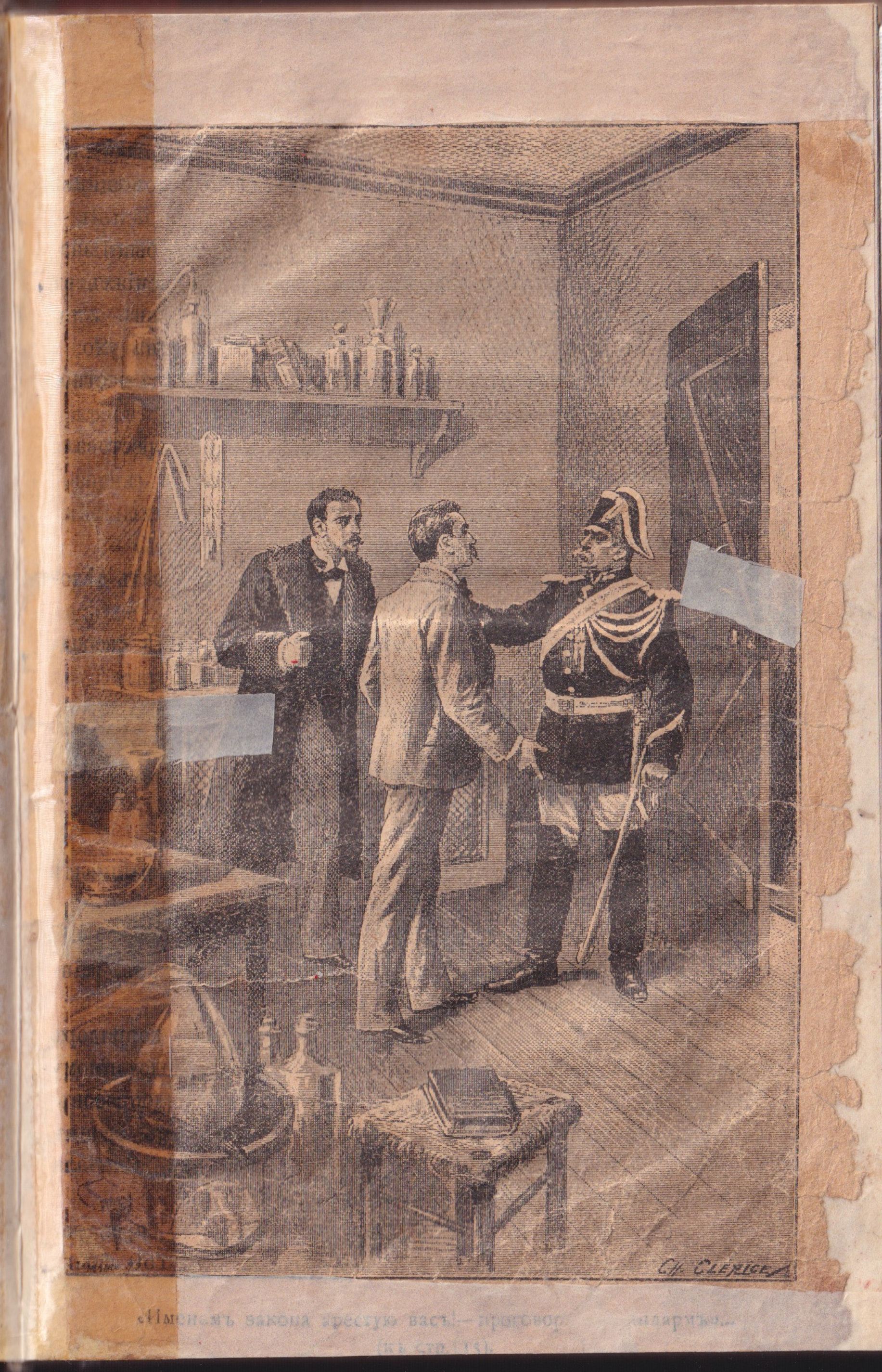
Жандармъ открылъ дверь и повелительнымъ жестомъ пригласилъ молодыхъ людей выйти. На улицѣ другой жандармъ съ трудомъ сдерживалъ шумную толпу. При видѣ Поля и Леона раздался дикій ревъ.

— Убійцы!.. Вотъ они, негодяи!.. бандиты! смерть имъ!.. смерть убійцамъ!

Особенною яростью отличались женщины, готовыя бить и всячески мучить мнимыхъ преступниковъ.

Наконецъ, они прибыли въ мэрію, гдѣ уже находился слѣдователь и помощникъ прокурора Республики, пріѣхавшіе изъ Версаля, и мировой судья изъ Сенъ-Жермена.

Редонъ нѣжно обнялъ своего друга и прошепталъ нѣсколько словъ утѣшенія.

«Именемъ закона арестую васъ!— проговор[illegible] жандармъ».
(къ стр. 15)

— Ну, довольно!—положилъ конецъ ихъ бесѣдѣ жандармъ.

Редонъ понялъ, что пока нужно повиноваться, и собрался уходить, какъ взглядъ его встрѣтился съ глазами помощника прокурора.

Послѣдній дружески протянулъ ему руку. Редонъ былъ знакомъ со всѣми и находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ магистратомъ. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, онъ живо отвелъ въ сторону своего знакомаго и шепнулъ ему на ухо:

— Повѣрьте, вы страшно заблуждаетесь; даю вамъ честное слово, что Фортенъ невиновенъ!

— Я очень бы желалъ этому вѣрить, но мы арестовали его, имѣя важную улику!

— Какую же?

— Этого я не могу сообщить!

— Хорошо; но дадите вы мнѣ возможность изслѣдовать дѣло?

— Охотно!

— Тогда прикажите жандарму предоставить мнѣ свободный доступъ въ домъ, гдѣ совершено преступленіе.

— Это можно!

— Благодарю! Я не останусь въ долгу!

— Совѣтую вамъ не горячиться, чтобы не впасть въ оплошность и не повредить дѣлу

— Еще разъ благодарю васъ!

— Черезъ два часа, послѣ завтрака, мы будемъ допрашивать обвиняемаго. Вы придете?

— Да, до свиданія!

Теперь въ залѣ остались только трое судей, писарь, жандармскій унтеръ-офицеръ и Леонъ Фортенъ.

Слѣдователь приказалъ жандарму удалиться въ корридоръ и не впускать никого, потомъ учтиво предложилъ подсудимому сѣсть и приступилъ къ одному изъ тѣхъ ужасныхъ допросовъ, какіе приводятъ въ замѣшательство даже невинныхъ своимъ числомъ, неожиданностью и странною постановкой. Сначала слѣдуютъ имена, прозванія и занятія.

Фортенъ, Леонъ-Жанъ, 26 лѣтъ, докторъ наукъ, препараторъ парижскаго факультета, получаетъ содержанія 150 фран-

ковъ въ мѣсяцъ, живетъ у родителей въ Мезонъ-Лафитъ, ѣздитъ по дѣламъ своей профессіи три, четыре, иногда пять разъ въ Парижъ, имѣетъ абонементный билетъ 3-го класса Западной желѣзной дороги.

Пока писарь заносилъ эти свѣдѣнія на бумагу, слѣдователь впился глазами въ Фортена и спросилъ его:

— Знаете вы г-на Грандье?

При этомъ вопросѣ, повидимому, ничего общаго не имѣвшемъ съ преступленіемъ въ улицѣ Св. Николая, Фортенъ явно покраснѣлъ и въ замѣшательствѣ отвѣчалъ:

— Да, я знаю г-на Грандье... но очень мало... я съ нимъ говорилъ не больше раза... при затруднительныхъ... или, скорѣе, смѣшныхъ для себя обстоятельствахъ!

— Сообщите, пожалуйста, эти обстоятельства.

— Охотно, такъ какъ это единственное свиданіе не оставило во мнѣ ни стыда, ни упрека! Я—изобрѣтатель и очень бѣдный. Нуждаясь въ большой суммѣ съ цѣлью эксплоатировать открытіе, долженствующее произвести экономическій переворотъ въ цѣломъ свѣтѣ, я ходилъ на прошлой недѣлѣ просить эту сумму у г-на Грандье.

— А какъ она высока?—спросилъ небрежно слѣдователь.

— Пятьдесятъ тысячъ франковъ!

Услышавъ такой отвѣтъ, судейскій чиновникъ слегка повелъ глазами и закусилъ губы, какъ человѣкъ, начинающій убѣждаться въ справедливости своего предположенія.

— Итакъ, вы хотѣли занять пятьдесятъ тысячъ франковъ у Грандье?

— Да, хотя эта попытка оказалась величайшею изъ глупостей, когда-либо сдѣланныхъ мною!

Тогда слѣдователь перешелъ къ другому.

— Гдѣ вы были вчера въ полдень?

— Въ лѣсу!

— Когда завтракаете?

— Въ двѣнадцать часовъ, такъ что я долженъ бы былъ находиться въ это время дома; но я вернулся, противъ обыкновенія, только къ часу!

— Зачѣмъ же вы измѣнили своей привычкѣ?

— Я шелъ своей обычною дорогой, какъ вдругъ увидѣлъ вспѣненную лошадь безъ всадника. Напрасно пытался я ее остановить... Я былъ отброшенъ, сбитъ съ ногъ и получилъ даже легкіе ушибы.

— Сколько было времени тогда?

— Четверть перваго!

— Когда же вы могли вернуться къ родителямъ?

— Для этого потребовалось бы около десяти минутъ!

— Почему же вы вернулись черезъ часъ?

Вторично Леонъ Фортенъ покраснѣлъ и обнаружилъ волненіе.

— Отвѣчайте мнѣ съ полною откровенностью,—прибавилъ слѣдователь,—скажите всю правду!

— Увѣряю васъ, что я занимался очень невиннымъ дѣломъ, совершенно чуждымъ печальному предмету, о которомъ мы говоримъ.

— Я забочусь о вашихъ же интересахъ!

Фортенъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, началъ:

— Хорошо! Въ тотъ моментъ, когда встрѣтилась лошадь, у меня въ рукѣ былъ букетъ изъ фіалокъ и первоцвѣта. Имѣя свободною только одну руку, я не могъ удержать лошадь, и мой букетъ очутился у нея подъ копытомъ. Благодаря этому я долженъ былъ набрать свѣжихъ цвѣтовъ!

Въ отвѣтъ на это слѣдователь иронически улыбнулся, слегка пожавъ плечами.

— Можете вы сказать, кому назначались эти цвѣты?

— Нѣтъ,—возразилъ съ твердостью Леонъ,—не могу и не хочу!

— Подумайте, къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ можетъ повести ваше умалчиваніе при передачѣ этой малоправдоподобной исторіи!

— Это мой секретъ, и вы его не узнаете!

— Какъ угодно... Встрѣтили вы кого-нибудь по дорогѣ?

— Никого, сколько мнѣ извѣстно... или—я не обратилъ вниманія ни на кого. Можетъ быть, я прошелъ даже мимо нѣсколькихъ человѣкъ, не замѣтивъ ихъ!

— Однако, васъ видѣли!

— Возможно: я не прятался. Впрочемъ, видѣвшіе меня могутъ подтвердить справедливость моихъ словъ!

— Да, безъ сомнѣнія, но не всѣхъ!

При этомъ слѣдователь наклонился къ писцу, послѣ чего тотъ положилъ перо и быстро вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ сопровожденіи Шелковой-Нити и Бабочки, двухъ помощниковъ Жерве, все еще одѣтыхъ—одинъ рабочимъ, другой—служащимъ въ Западной Компаніи.

— Узнаете вы этого господина?—обратился безъ всякихъ обиняковъ слѣдователь къ Бабочкѣ.

— Да, я встрѣтилъ его вчера въ лѣсу, когда мы были остановлены лошадью своего начальника, бѣдняжки Жерве. Мой товарищъ, Шелковая-Нить, овладѣлъ лошадью и поѣхалъ на ней въ Мезонъ-Лафитъ, я же возвращался пѣшкомъ, когда замѣтилъ господина, находящагося теперь передъ вами. Онъ привлекъ мое вниманіе потому, что шелъ быстро и казался взволнованнымъ, но особенно меня поразила его запачканная пылью одежда и помятая шляпа. Удивленный исчезновеніемъ своего начальника, я искалъ причины этого исчезновенія и, увидя незнакомца, такъ мало походившаго на гулящаго, принялся его выслѣживать.

— Онъ достигъ Мезонъ Лафита, и я видѣлъ, какъ онъ шелъ вдоль рѣшетки богатой виллы и, наконецъ, остановился и положилъ за столбомъ букетъ, который держалъ въ рукѣ. Послѣ этого онъ удалился отъ виллы, при чемъ я слѣдовалъ за нимъ на разстояніи почти двухсотъ метровъ; однако, мнѣ удалось замѣтить очень элегантную фигуру дамы, одѣтой въ голубое и скрывавшей свое лицо подъ бѣлымъ зонтикомъ, которая торопливо взяла букетъ.

— Извѣстно вамъ названіе этой виллы?

— Оно обозначено золотыми буквами на бѣлой мраморной доскѣ, находящейся надъ главнымъ входомъ. Это — вилла Карменъ!

— Ну-съ, господинъ Фортенъ, что вы скажете на это?—спросилъ съ ироніей слѣдователь.

— Скажу, что это показанія шпіона, которому нечего здѣсь дѣлать! — отвѣтилъ раздраженный молодой человѣкъ.

При словѣ «шпіонъ», неосторожно сорвавшемся съ языка Леона, полицейскій агентъ поблѣднѣлъ и бросилъ на него гнѣвный взглядъ.

По знаку слѣдователя онъ продолжалъ:

— Тогда я прослѣдилъ этого господина до его дома и узналъ, кто онъ такой. Потомъ мы занялись Жерве, котораго нашли вечеромъ того же дня въ Сенъ-Жерменскомъ госпиталѣ въ отчаянномъ положеніи. Онъ не узналъ насъ и не могъ дать никакихъ указаній относительно нападенія, жертвою котораго сдѣлался.

— Вы продолжаете думать, что здѣсь было преступленіе, а не случайность?

— Преступленіе, — утверждаю это! Кромѣ того заявляю, что этотъ господинъ, занятый въ лѣсу собираніемъ маргаритокъ и находившійся такъ близко отъ мѣста преступленія, не чуждъ ему.

Тутъ Леонъ Фортенъ потерялъ свое обычное хладнокровіе и порывисто вскричалъ:

— Что же съ нимъ случилось, и чего вы хотите отъ меня? Какъ! Вы арестовали меня безъ всякаго основанія, какъ убійцу, и вотъ явился этотъ человѣкъ и подъ предлогомъ, что я собиралъ цвѣты въ лѣсу, обвиняетъ меня въ другомъ убійствѣ! И ваша совѣсть, господа, безпристрастные, справедливые люди, не возмущается?! Вы допускаете, что человѣкъ, ознаменовавшій свое прошлое славной работой и неподкупной честностью, можетъ сдѣлаться преступникомъ въ одинъ день! Это чудовищно!.. Я протестую противъ оскорбленія, нанесеннаго моей чести!

Въ отвѣтъ на это слѣдователь молча вынулъ изъ кармана небольшой пакетъ, завернутый въ газетную бумагу, потомъ развернулъ бумагу и открылъ маленькую записную книжку, снабженную карандашемъ и каучуковой тесьмой.

— Узнаете вы эту книжку? — сказалъ онъ ледянымъ тономъ, показывая ее Фортену.

— Да, потому что она принадлежитъ мнѣ! — отвѣчалъ послѣдній безъ малѣйшаго колебанія. — Я потерялъ ее вчера, вѣроятно, въ лѣсу, когда былъ сбитъ съ ногъ лошадью.

— Такъ! А можете вы объяснить происхожденіе кровавыхъ пятенъ на переплетѣ и нѣкоторыхъ листкахъ?

— Очень легко: я изучаю на морскихъ свинкахъ новое анестезирующее средство и, когда произвожу вивисекцію надъ этими маленькими животными, то заношу наблюденія въ эту книжку. Я работаю быстро, рукъ не мою въ это время и не могу такимъ образомъ избѣжать пятенъ на книжкѣ. Вотъ вамъ истинная правда!

— Вы лжете и безсовѣстно нагромождаете обманъ на обманъ!

— Я говорю правду!

— Мотивъ вашихъ преступленій — непомѣрное честолюбіе. Вы просили пятьдесятъ тысячъ франковъ у Грандье; онъ отказалъ вамъ... Тогда вы подвергли этого несчастнаго шантажу и страшнымъ угрозамъ, доведшимъ его до самоубійства.

— Я!.. шантажъ... противъ него... но это клевета!

— Молчите! У насъ въ рукахъ ваши письма. Чтобы запугать Грандье и покорить его своей волѣ, вы совершили убійство въ улицѣ Св. Николая.

— Мои письма!.. мои письма! — пробормоталъ Фортенъ, — я никогда не писалъ Грандье!

— Да, ваши письма съ красною звѣздой, почеркъ которыхъ поразительно напоминаетъ почеркъ вашей записной книжки. А эта книжка для замѣтокъ? — вы не въ лѣсу ее потеряли... Знаете ли, гдѣ она была найдена? У постели вашей жертвы въ улицѣ Св. Николая!

IV.

Редонъ принимается за дѣло.—Первые признаки.—Трудъ Паука.—Западня.—Это—англичанинъ.—Лучъ свѣта.—Возвращеніе въ Парижъ.—Задержаніе багажа.—По телефону.—Ударъ ножомъ.

Допросъ еще долго продолжался, напрасно измучивъ Леона Фортена и вырвавъ отъ него только негодующія возраженія. Затѣмъ весь судебный персоналъ позавтракалъ съ аппетитомъ,

котораго ничуть не уменьшали утреннія волненія. Это заняло добрыхъ два часа, и ни одной минуты изъ нихъ Поль Редонъ не потерялъ безполезно. Получивъ разрѣшеніе товарища прокурора, онъ помчался къ дому, гдѣ совершено было преступленіе. Тамъ у входа стоялъ жандармъ, не пропуская никого безъ формальнаго приказанія.

Все помѣщеніе состояло изъ маленькаго домика, расположеннаго между дворомъ и садомъ, съ прачешной, каретникомъ и дровянымъ сараемъ, упиравшимся въ заборъ, и занимало около ста двадцати квадратныхъ метровъ. Строенія и заборъ находились въ плохомъ состояніи; видно было, что хозяинъ не заботился объ ихъ поддержаніи. Это былъ мужчина за пятьдесятъ лѣтъ, оригиналъ, избѣгавшій общества людей и слывшій скупымъ; съ нимъ жила старая семидесятилѣтняя ключница, глухая и наполовину калѣка. Близъ трупа, строгій и трагическій силуэтъ котораго обрисовывался подъ запятнаннымъ кровью одѣяломъ, дежурила монахиня.

Репортеръ прежде всего тщательно осмотрѣлъ наружную стѣну забора, при чемъ его вниманіе остановилось на кусочкахъ черепицы, валявшихся подъ лѣстницей. Черепица на верхней части стѣны, дѣйствительно, оказалась облупленной, и подъ лѣстницей виденъ былъ слѣдъ ногъ, сильно упиравшихся въ землю. Слѣды были совершенно свѣжіе и отчетливые.

— Здѣсь убійца проникъ во внутрь ограды! — подумалъ репортеръ, изучая отпечатки ногъ съ вниманіемъ краснокожаго, вступившаго на стезю войны. — Стѣна не выше двухъ съ половиною метровъ, и онъ могъ перескочить ее безъ всякой для себя опасности.

Утромъ еще репортеръ рѣшилъ, что убійца пробрался въ домъ, разбивъ стекло террасы, но онъ не замѣтилъ тогда ни малѣйшаго поврежденія витрины. Теперь же онъ подошелъ къ стеклу и сталъ его внимательно разсматривать. Оказалось, что оно было вырѣзано алмазомъ и до такой степени искусно, что Редонъ покачалъ головою и пробормоталъ:

— Чистая работа!

Орудіями послужили, очевидно, кусокъ смолы и алмазъ, упо-

требляемый стекольщиками. Преступникъ, размягчивъ предварительно смолу въ рукахъ, прилѣпилъ ее на средину стекла и около замазки обвелъ его алмазомъ, потомъ лѣвою рукою схватился за кусокъ смолы, сильно приставшій къ стеклу, а правой сталъ легонько ударять по послѣднему до тѣхъ поръ, пока оно не отдѣлилось безъ всякаго почти шума. Благодаря крѣпко державшей его смолѣ, стекло не упало, а входъ освободился.

Редонъ скоро нашелъ и самое стекло; оно находилось вдоль стѣны, надъ окошкомъ и было почти совсѣмъ скрыто кустомъ ревеня.

Онъ поднялъ его и осмотрѣлъ всѣ четыре стороны, обнаружившія работу опытной руки. Затѣмъ взглядъ его остановился на кускѣ смолы, и радостное восклицаніе вырвалось изъ груди: два темные, слегка волнистые волоса, длиною по крайней мѣрѣ въ пятнадцать сантиметровъ, пристали къ смолѣ. При этомъ открытіи въ головѣ репортера сейчасъ же сложилась такая гипотеза:

— Человѣкъ, вынувшій стекло, имѣетъ длинную бороду, волосы изъ которой остались на смолѣ во время производства операціи. Отпечатокъ ногъ и эти волосы, — вотъ ужъ въ моихъ рукахъ недурная парочка документовъ. Крайне необходимо получить отпечатокъ слѣдовъ!

Съ этою мыслью онъ вышелъ изъ ограды и сказалъ дежурному жандарму:

— Я вернусь черезъ минуту... дайте мнѣ, пожалуйста, адресъ ...псовой лавки.

Получивъ адресъ, нашъ импровизированный сыщикъ побѣжалъ въ лавку, купилъ тамъ полмѣшка известки, взялъ лопату и бѣгомъ же вернулся къ мѣсту преступленія. Здѣсь, накачавъ у колодца воды и отыскавъ въ прачешной маленькую кадушку, онъ принялся растворять известь, не обращая вниманія на покрывавшіе его брызги.

Когда растворъ пріобрѣлъ извѣстную густоту, онъ наполнилъ имъ обѣ выемки, образованныя ногами ночного посѣтителя.

Заинтересованный жандармъ, переставшій уже считать помѣшаннымъ этого элегантнаго молодого человѣка, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Ну, хитрецъ же вы, сударь!

— Вы поняли?

— Да, и полагаю, что эти куски будутъ имѣть въ глазахъ суда немаловажное значеніе!

— А вы согласитесь письменно удостовѣрить тожество ихъ со слѣдами?

— Конечно, какъ и все, что вамъ удастся открыть здѣсь для выясненія дѣла!

— Благодарю! Вы—храбрый и благородный человѣкъ!

Пока известка затвердѣвала, Редонъ отправился въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ. Онъ почтительно раскланялся съ монахиней, читавшей молитвы надъ покойникомъ, объяснилъ ей мотивы своего присутствія и приступилъ къ изслѣдованію.

Внутренность жилища, какъ и наружный видъ его, не отличалась привлекательностью: вездѣ лежала пыль и тянулась паутина. Одного изъ прилежныхъ ткачей послѣдней репортеръ увидѣлъ въ складкахъ балдахина, осѣнявшаго кровать. Онъ заботливо исправлялъ свою паутину, очевидно, не особенно давно попорченную. Можетъ быть, въ моментъ преступленія убійца наклонился надъ кроватью несчастнаго старика, потомъ быстро выпрямился и порвалъ паутину.

Редонъ попробовалъ даже воспроизвести эту сцену, какъ она представлялась въ его воображеніи, и нашелъ, что человѣкъ одинаковаго съ нимъ роста долженъ былъ непремѣнно задѣть паутину. Такимъ образомъ серія его доказательствъ увеличилась еще однимъ.

Осмотръ мебели и пыли не далъ никакихъ результатовъ, такъ что репортеръ собирался уже уходить, какъ вдругъ нога его задѣла за что-то твердое. Онъ наклонился и поднялъ пуговицу, простую пуговицу отъ панталонъ. Но Редонъ зналъ, что при производствѣ слѣдствія нельзя пренебрегать никакою мелочью, какъ бы ничтожна она ни казалась на первый взглядъ. Онъ осмотрѣлъ пуговицу и замѣтилъ, что она была съ силою оторвана, такъ что при ней остался кусокъ матеріи. Сама по себѣ пуговица была довольно широкая, очень крѣпкая, имѣла

особенную форму и надпись «Барровъ Т. Лондонъ»,—очевидно, имя портного и его мѣстожительство.

— Итакъ,—сдѣлалъ заключеніе Редонъ,—ночью или утромъ здѣсь былъ мужчина, заказывающій свои костюмы въ Лондонѣ. Не думаю, чтобъ это былъ кто-нибудь изъ судейскихъ, или мой бѣдный Леонъ... Чортъ возьми! Что, если убійца—англичанинъ? Надо посмотрѣть ноги!

Онъ крѣпко завязалъ въ уголокъ носового платка пуговицу и быстро спустился въ садъ. Известка была уже тверда, какъ камень. Съ безконечными предосторожностями Редонъ разрыхлилъ землю, не жалѣя ногтей, и скоро въ его рукахъ очутились два великолѣпныхъ отпечатка, воспроизводившіе съ замѣчательной точностью всѣ детали обуви. Не было сомнѣнія, что ботинки англійской работы, а нога—длинная, плоская и узкая, словомъ, характерная нога англичанина.

Репортеръ торжествовалъ: въ его рукахъ находилась уже руководящая нить, правда, очень непрочная и гадательная, но все-таки нить къ разгадкѣ тайны преступленія.

— Ну,—говорилъ онъ, потирая руки,—ошибка ясна... это англичанинъ... и я найду его! Искать можно только въ Сенъ-Жерменѣ... Итакъ, живѣе туда!

Не теряя времени, онъ направился къ извозчику за каретой, а пока запрягали, стряхнулъ пыль и постарался привести въ порядокъ свой туалетъ. Заботливо отчистивъ известку, онъ нашелъ еще минуту сочинить слѣдующую записку товарищу прокурора:

«Не имѣю возможности присутствовать при допросѣ. Я напалъ на слѣдъ, совершенно чуждый вашему. Завтра подробности къ вашимъ услугамъ. Берегитесь ловушки!

Вашъ Редонъ».

Вотъ онъ крупною рысью мчится въ Сенъ-Жерменъ. По прибытіи туда нашъ слѣдователь первымъ дѣломъ обходитъ всѣ отели, начиная съ самаго шикарнаго Павильона Генриха IV.

Появленіе его въ знаменитомъ отелѣ, какъ человѣка извѣстнаго директору и части служебнаго персонала, вызываетъ только любопытство.

Онъ отводитъ директора въ сторону и, дружески пожимая его руку, спрашиваетъ торопливымъ тономъ:

— Не остановился-ли у васъ джентльменъ приблизительно такого же роста, какъ я, съ длинною темной бородой и ногами поистинѣ англійскаго размѣра?

— У насъ былъ только одинъ англичанинъ, подходящій по вашему описанію, довольно таки неопредѣленному, но...

— Онъ уѣхалъ?

— Да, три часа тому назадъ!

— А, чортъ возьми!.. И не оставилъ адреса?

— Онъ отправился, насколько я могъ догадаться, въ Лондонъ!

— Но можете вы по крайней мѣрѣ назвать его?

— Охотно: его зовутъ Фрэнсисъ Бернеттъ. Онъ прибылъ изъ Индіи и останавливался здѣсь только на двѣ недѣли!

— Благодарю! Какъ досадно... мнѣ крайне необходимо было видѣть его по одному дѣлу. Но... можетъ быть, я могу видѣть человѣка, служившаго ему?

Такому важному кліенту, какъ Поль Редонъ, неловко было отказать. Директоръ велѣлъ позвать лакея Феликса и предоставилъ его въ распоряженіе репортера. Когда они остались одни, Редонъ вынулъ изъ кармана два луидора, опустилъ ихъ въ руку слуги и сказалъ:

— Вы знаете, Феликсъ, что у меня иногда являются странныя фантазіи?

— О, баринъ воленъ имѣть фантазіи, какія ему заблагоразсудится!

Репортеръ продолжалъ легкомысленнымъ тономъ, хотя сердце со страшною силою билось у него въ груди.

— Сегодня утромъ мнѣ попалась пуговица въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она не должна быть... Я подозрѣваю, что владѣлецъ ея господинъ Бернеттъ, и это глубоко интересуетъ меня.

Лакей улыбнулся и наклонилъ голову, какъ человѣкъ, привыкшій понимать все съ полслова.

— И мнѣ думается, Феликсъ, — прибавилъ Редонъ, — что профессіональная тайна не помѣшаетъ вамъ сообщить мнѣ,

насколько основательны мои подозрѣнія? Впрочемъ, вотъ и само доказательство преступленія!

Онъ развязалъ уголокъ своего платка, вынулъ оттуда пуговицу и показалъ ее слугѣ, который сейчасъ же отвѣтилъ:

— Вы правы: это пуговица отъ одежды господина Бернетта. Я видѣлъ у него такія же, съ такой же точно надписью «Барровъ Т. Лондонъ». Я утверждаю это съ тѣмъ большей увѣренностью, что сегодня утромъ господинъ Бернеттъ, замѣтивъ, что не достаетъ у панталонъ одной пуговицы, просилъ меня пришить ему другую на ея мѣсто, которое, впрочемъ, было вырвано вмѣстѣ съ пуговицей.

Эти слова чуть не свели съ ума Редона, но онъ сдержался и произнесъ, наполовину смѣясь, наполовину сердясь.

— Вотъ видите, какой плутъ этотъ англичанинъ. И выглядитъ, вѣрно, хуже меня?

— Еще бы! Ему около сорока лѣтъ, онъ высокъ, напоминаетъ боксера и носитъ дымчатыя очки...

— Такъ онъ уѣхалъ?

— Да, сударь!

— И забралъ свои сундуки, чемоданы?

— Чемоданъ и три англійскихъ ивовыхъ корзины, покрытыя просмоленнымъ полотномъ.

— Хорошо, благодарю!.. Держите, Феликсъ!—сказалъ Редонъ, вручая третій луидоръ слугѣ, разсыпавшемуся въ благодарностяхъ.

Узнавъ все, что ему было нужно, Редонъ вышелъ изъ Павильона, заплатилъ за карету и помчался на станцію. Поѣздъ только что отошелъ, пришлось около получаса дожидаться другого. Кстати, репортеръ вспомнилъ, что, кромѣ чашки чая, у него ничего не было во рту цѣлый день, а время близилось къ четыремъ часамъ. Онъ съѣлъ два сандвича, выпилъ стаканъ малаги, выкурилъ сигару и вскорѣ покатилъ въ Парижъ. Пятьдесятъ минутъ спустя поѣздъ остановился на станціи Сенъ-Лазаръ. Справедливо полагая, что путешественники, ѣдущіе изъ Сенъ-Жермена, рѣдко сами заботятся о багажѣ, онъ опросилъ сейчасъ же всѣхъ носильщиковъ, не принимали-ли они вещей у господина, подходящаго къ Бернетту, владѣльца трехъ иво-

выхъ корзинъ. Никто такого не видалъ. Редонъ не потерял однако, мужества, памятуя, что терпѣніе—необходимая прина лежность всякаго слѣдователя, а продолжалъ расспрашиват щедро давалъ «на чаекъ» и въ концѣ концовъ добился того что господинъ высокаго роста, съ бородой, похожій на англича нина, вышелъ на станціи, но только съ двумя корзинами.

— Это онъ!—сказалъ себѣ Редонъ.—Но гдѣ же третья кор зина?.. А!.. въ кладовую!

При помощи денегъ, открывающихъ всѣ двери, онъ прони въ кладовую и сейчасъ же узналъ корзину. Сомнѣваться бы невозможно, такъ какъ на ней значился адресъ: Френсису Бер нетту, Лондонъ.

— Однако, я играю сегодня счастливо,—подумалъ репор теръ.—Теперь—къ телефону!

Онъ вошелъ въ телефонную будочку и позвонилъ.

— Дзинь... дзинь... прошу соединить съ Версальскимъ су домъ!

Прошло нѣсколько минутъ.

— Дзинь... дзинь... кто вы?

— Поль Редонъ, журналистъ. А вы?

— А! Это Редонъ! Я прибылъ изъ Мезонъ-Лафита съ нашимъ плѣнникомъ... Онъ упорствуетъ... но онъ виновенъ... не пыта тесь что-либо сдѣлать въ его пользу...

— Убійца, мой дорогой прокуроръ, англичанинъ—по имен Френсисъ Бернеттъ, и завтра я докажу вамъ это. А пока пр кажите задержать сундукъ, принадлежащій сэру Бернетту и на ходящійся въ кладовой на станціи Сенъ-Лазаръ.

— Кромѣ того, необходимо справиться во всѣхъ отеляхъ и ар стовать этого Бернетта, примѣты котораго сообщаю. Наконец вы должны еще приказать охранять станціонныя двери. От вѣтственность за всѣ эти мѣры я беру на себя; а что касает моего бѣднаго друга Фортена, то не пройдетъ трехъ суток какъ вы первый заявите объ его невинности. До завтра, въ девять часовъ я буду въ Версали.

— Но, Редонъ, вы съума сошли!

— Сдѣлайте то, что я вамъ сказалъ, и будете благодар

колѣняхъ... Слышите-ли: на колѣняхъ. Прощайте! Я заявить во всѣхъ журналахъ объ юридической ошибкѣ, въ васъ лицо, какъ говорятъ китайцы.

этого Редонъ возвратился къ себѣ, наскоро опра омъ и съ аппетитомъ пообѣдалъ.

омъ онъ побывалъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ и къ вернулся въ улицу Рошфуко, гдѣ занималъ домикъ, рас енный въ саду. Отославъ кучера, онъ позвонилъ, вошелъ, несъ свое имя передъ сторожкой и направился къ своему ицу.

Недалеко отъ послѣдняго на него набросился какой-то че ловѣкъ. Блеснула сталь,—и лезвіе кинжала съ поразительною быстротою погрузилось въ тѣло Редона. Онъ почувствовалъ сильную боль въ груди, потомъ ледяной холодъ. Кричать онъ уже не могъ, хотя въ мозгу его до потери сознанія пронеслась мысль:

— Бѣдный Леонъ! Кто за тебя заступится?

V.

Братъ и сестра у родителей обвиняемаго.—Мадемуазель Марта.—Удивленіе жителей.—Слѣдователь и помощникъ его.—Извѣстіе объ убійствѣ Поля Редонъ.—Что заключалось въ таинственныхъ чемоданахъ.

Въ наше время добрая половина населенія имѣетъ обыкновеніе слѣдить по газетамъ за уголовными процессами. Для многихъ такое чтеніе сдѣлалось необходимостью; они съ жадностью поглощаютъ ужасныя подробности всевозможныхъ преступленій. Это взвинчиваетъ нервы и даетъ возможность пофантазировать.

Понятно, что особенно заинтересованы были обитатели Мезонъ-Лафита, въ предѣлахъ котораго совершено было преступленіе, обѣщавшее для нихъ такъ много таинственно—заманчиваго. Много лѣтъ уже не происходило ничего подобнаго. Само собою разумѣется, что захватывающимъ пунктомъ для любите

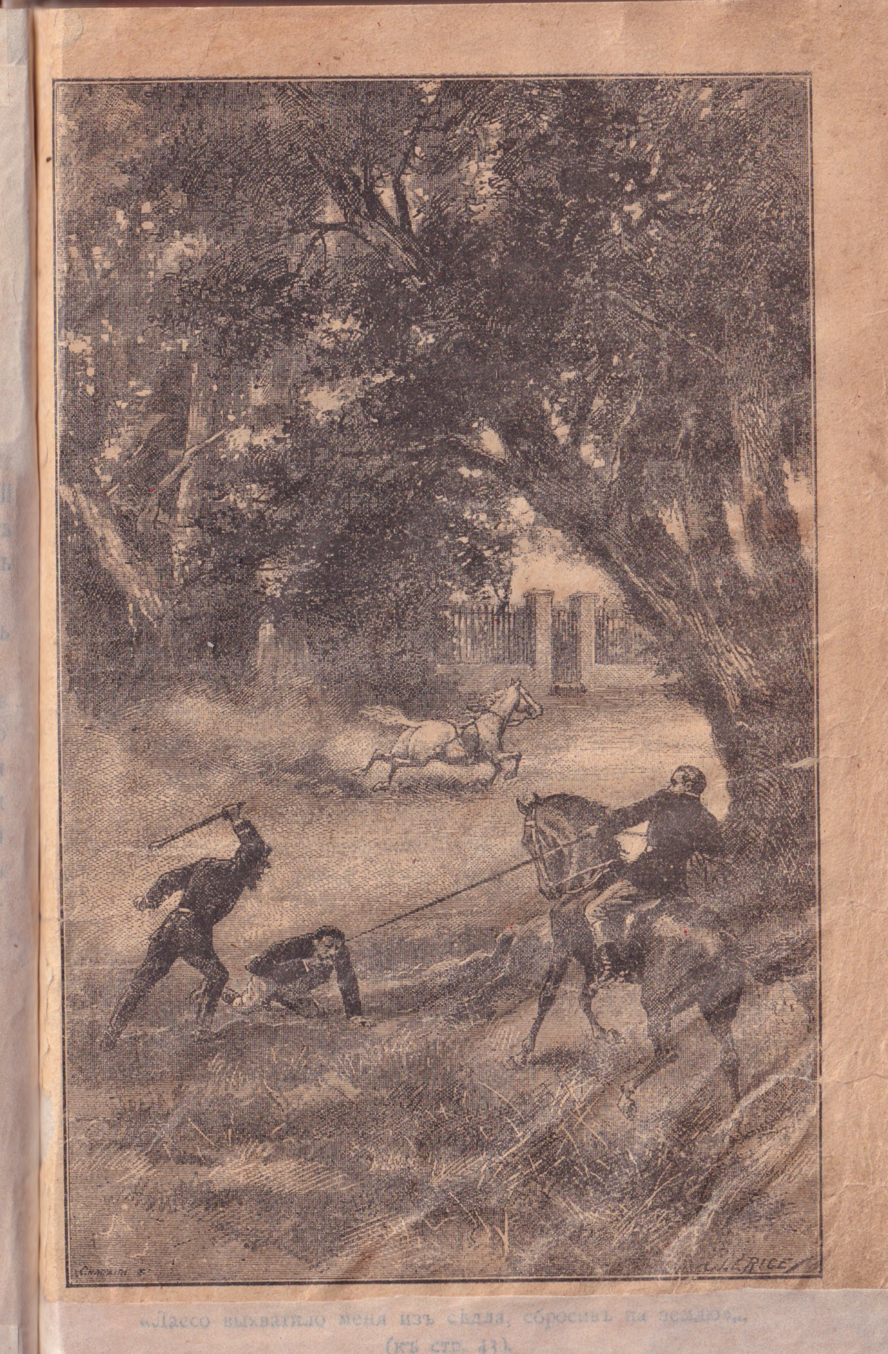
лей драмъ была прежде всего красная звѣзда, вырѣза лѣвомъ вискѣ жертвы. О, эта красная звѣзда! Потом ная книжка, найденная въ ногахъ кровати и принад Леону Фортену, мѣстному уроженцу, пользовавшемуся поръ всеобщимъ уваженіемъ. Затѣмъ—самоубійство Г подвергавшагося въ теченіе цѣлой недѣли шантажу и ным угрозамъ, при посредствѣ писемъ съ кроваваго звѣздою вмѣсто печати, и опять эта таинственная и уж звѣзда!

Наконецъ, предположеніе судей, странности Поля Ред исчезновеніе полицейскаго агента, найденнаго затѣмъ на ной дорогѣ безъ чувствъ и отправленнаго въ Сенъ-Жермен госпиталь. А отчаяніе родителей Фортена, на голову котор обрушился внезапно столь жестокій ударъ, и переходъ ихъ столь же неожиданно явившемуся призраку надежды?!

Большинство было противъ Леона Фортена, но раздавал уже голоса и въ его защиту.

Погребеніе Лефевра-Мартина и Грандье происходило один день и часъ, въ присутствіи всего населенія. У пер не было родныхъ, одна ключница шла за гробомъ. А оста второго сопровождали его сынъ и дочь, оставшіеся сирота и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Сынъ, едва достиг шестнадцатилѣтняго возраста, воспитывался въ Парижск лицеѣ и теперь шелъ за гробомъ съ измученнымъ лицомъ, дыхаясь отъ рыданій. Дочь была на два года старше, она шинально подвигалась вслѣдъ за процессіей, вся закутан крепомъ, и все еще не могла повѣрить, что обожаемый ея оте и человѣческій остовъ, лежавшій на коврѣ, съ прострѣленны черепомъ—одно и то же.

По окончаніи печальной церемоніи, когда всѣ посторонн разошлись, сироты также покинули могилу. Молодая дѣвуш сказала нѣсколько словъ брату, на которыя онъ кивкомъ го ловы выразилъ согласіе, потомъ взяла его подъ руку, и он направились болѣе увѣреннымъ шагомъ не на виллу Кармен а въ городъ и, къ удивленію всѣхъ, вошли въ домъ Леона Фортена.

«Лассо выхватило меня изъ сѣдла, сбросивъ на землю...»
(къ стр. 43).

Разбитые стыдомъ и горемъ старики безмолвно отвѣтили на ихъ поклонъ.

Дѣвушка медленнымъ движеніемъ руки подняла свой вуаль и сказала:

— Я—Марта Грандье, а это—мой братъ Жанъ!

Старый Фортенъ-отецъ не нашелся, что отвѣтить на такое представленіе, но жена его, тронутая неподдѣльной симпатіей, сквозившей въ большихъ черныхъ глазахъ гостьи, взволнованнымъ голосомъ произнесла:

— Мадемуазель Грандье!.. Вы!.. вы, здѣсь!..

— Вашъ сынъ, Леонъ... мосье Леонъ... обвиненъ въ ужасномъ преступленіи... но онъ невиненъ... я знаю... я увѣрена... и вотъ, когда всѣ проклинаютъ его и презрительно смотрятъ на васъ, я пришла сюда... съ разбитымъ сердцемъ... но съ надеждою, что мы спасемъ его!

При этихъ, звучавшихъ изъ глубины души словахъ, у старушки вырвалось порывистое, радостное движеніе и дикій вопль:

— Невиненъ!.. о, да, невиненъ!

Она бросилась къ молодой дѣвушкѣ, крѣпко, до боли сжала ее въ объятіяхъ и, потерявъ голову, въ экстазѣ воскликнула:

— О, я готова жизнь отдать за только что произнесенное вами слово! Возьмите мою кровь, каплю за каплей, мое тѣло, кусокъ за кускомъ, мое послѣднее старческое дыханіе... все... вы, считающая моего сына, моего Леона, невиннымъ! Вы его знаете, не правда-ли?

— Меньше, чѣмъ вы думаете!—отвѣчала мадемуазель Грандье, милое личико которой озарилось на минуту улыбкой. Она замолкла на нѣсколько секундъ, покраснѣла и продолжала съ достоинствомъ:

— Каждый день и съ давнихъ уже поръ... онъ клалъ къ стѣнку рѣшетки маленькій букетъ изъ простыхъ лѣсныхъ цвѣточковъ. Эти цвѣты предназначались мнѣ. Я принимала, потому что ихъ предлагали скромно и почтительно. Но мы никогда не обмѣнялись словомъ, и я не знала его имени до тѣхъ поръ, пока онъ не пришелъ къ отцу по дѣлу. Теперь на насъ обрушилось несчастье... отецъ завѣщалъ намъ отомстить за себя

— И мы отомстимъ!—вмѣшался энергично молодой человѣкъ.

— Наше мщеніе и оправданіе вашего сына тѣсно связаны другъ съ другомъ,—продолжала мадемуазель Грандье,—и, слѣдовательно, они будутъ единственною цѣлью нашей жизни! Не такъ-ли, Жанъ?

— Да, Марта!

Такая рѣшимость этихъ дѣтей, совершенно не вѣдавшихъ еще жизни, не имѣющихъ поддержки ни дружеской, ни матеріальной, была поистинѣ трогательна. Впрочемъ, какова бы ни была ихъ слабость, они все-таки обладали тою вѣрою въ себя, которая, говорятъ, сдвигаетъ съ мѣста горы и совершаетъ невозможное.

Видъ этихъ прекрасныхъ молодыхъ людей вызывалъ въ старикахъ Фортенахъ добрыя чувства и зарождалъ въ ихъ сердцахъ лучъ надежды.

Выше средняго роста, скорѣе высокая, Марта Грандье не походила на тѣхъ искусственныхъ куколъ, какими характеризуется конецъ нашего вѣка. Граціозный, но крѣпкій станъ ея обнаруживалъ здоровье. Ея густые, волнистые, бѣлокурые волосы составляли очаровательный контрастъ съ большими черными, вспыхивающими по временамъ глазами. Изящный носикъ съ трепещущими ноздрями указывалъ на пылкость характера, смягчаемую вѣчно улыбавшимися губами и рѣзко очерченнымъ подбородкомъ, обнаруживавшимъ вдумчивость и наклонность къ размышленіямъ. Въ общемъ, это было странное, но плѣнительное лицо, въ которомъ такія различныя, повидимому, черты прекрасно комбинировались и служили лучшимъ выразителемъ душевныхъ качествъ Марты Грандье: ея кротости, энергіи, нѣжности, рѣшительности.

Братъ былъ похожъ на нее, несмотря на свои темные волосы и голубые глаза.

Они охотно воспользовались приглашеніемъ супруговъ Фортенъ присѣсть, тѣмъ болѣе, что на виллѣ Карменъ ихъ ждало одиночество и горькія воспоминанія объ исчезнувшемъ благополучіи. Предстояло заняться дѣлами: опредѣлить оставшіяся средства, отпустить слугъ и установить порядокъ жизни. Видя

неопытность молодой дѣвушки, госпожа Фортенъ предложила ей свои услуги.

— Въ хозяйствѣ много встрѣтится затрудненій и мелочей, о которыхъ вы не имѣете понятія!—произнесла она.

— Да, правда!—отвѣчала Марта.

— Я буду рада оказать вамъ свое содѣйствіе. О, не говорите «нѣтъ»!.. не отнимайте у меня удовольствія услужить вамъ. Вы согласны, не правда-ли?

— Соглашаюсь съ радостью, съ благодарностью!

— Такъ, ѣдемъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Всѣ трое покинули старика Фортена.

Судите сами, какое волненіе произвело это посѣщеніе въ Мезонъ-Лафитѣ! Обитатели его не вѣрили собственнымъ глазамъ. Но волненіе перешло въ настоящій столбнякъ, когда маленькая группа достигла виллы Карменъ. Тамъ въ это время находились мировой судья и слѣдователь съ своими письмоводителями. Первый прямо обратился къ Мартѣ и Жану Грандье и сообщилъ имъ, что наканунѣ своей смерти отецъ объявилъ ихъ совершеннолѣтними. Согласно закону, г-нъ Грандье сдѣлалъ заявленіе судьѣ въ присутствіи его письмоводителя,—477 параграфъ Свода гражданскихъ законовъ,—и этого совершенно достаточно, чтобы они получили право обходиться безъ опеки. Тутъ слѣдователь, производящій дѣло, прервалъ объясненія своего коллеги и пригласилъ молодыхъ людей побесѣдовать съ нимъ въ бюро ихъ отца.

— Знаете-ли вы, кто эта женщина, прибывшая съ вами сюда?—спросилъ онъ ихъ.

— Да, это г-жа Фортенъ!—сухо отвѣчала молодая дѣвушка, оскорбленная его грубостью.

— Мать бандита!

— Нѣтъ, милостивый государь!—гордо возразила Марта.

— Да, мать негодяя, подло убившаго старика въ улицѣ св. Николая, и нравственнаго убійцы вашего отца!

— Нѣтъ же, говорю вамъ! И если вамъ угодно такъ продолжать, мы съ братомъ предпочтемъ удалиться!

Немного сконфуженный слѣдователь быстро сорвалъ печ-

съ ящика стола, вынулъ оттуда пачку писемъ и положилъ ихъ на бюро; затѣмъ, вынувъ изъ кармана другія письма, вмѣстѣ съ записной книжкой Леона Фортена, сказалъ:

— Вотъ, смотрите!

Марта съ братомъ наклонились и стали читать.

— Теперь сравните почеркъ этихъ писемъ и замѣтокъ!

— Можно подумать, что ихъ писала одна и та же рука!—вскричалъ Жанъ.

— Дѣйствительно, сходство поразительное! — подтвердила Марта, не понимая, къ чему все это клонится.

— Эта книжка и письма, бѣдныя дѣти, принадлежатъ обвиняемому, т. е. Леону Фортену. Что же касается другихъ писемъ, взятыхъ нами, то они писаны убійцей вашему отцу... они и довели его до самоубійства! Вы сами подтвердили тождество почерка тѣхъ и другихъ. Ну, что вы скажете на это?

— Что эти письма—поддѣлка, что у Леона Фортена выкрали его почеркъ, чтобы эксплоатировать нашего бѣднаго отца, какъ похитили у него записную книжку съ цѣлью свалить на него вину за убійство въ улицѣ св. Николая!

— Эксперты рѣшатъ...

— О, эксперты!—съ презрѣніемъ произнесла молодая дѣвушка,—извѣстно, чего стоитъ ихъ непогрѣшимость!

— Наконецъ,—сказалъ слѣдователь, выдвигая свои послѣдніе аргументы,—я считалъ своею обязанностью указать вамъ, какъ рискованно такое знакомство, по меньшей мѣрѣ, подозрительное!

— Но, милостивый государь, у меня не таковъ взглядъ на вещи, какъ у господъ судей! Я буду посѣщать, кого хочу, такъ какъ жестокія обстоятельства —увы!—освободили меня отъ всякихъ стѣсненій, отъ всякой власти!

Однако, слѣдователь не переставъ считать подсудимаго виновнымъ: ему не хотѣлось отрѣшиться отъ своего первоначальнаго мнѣнія, которое основано было на такихъ серьезныхъ данныхъ.

Дѣйствительно, все, казалось, было противъ Леона Фортена.

его визитъ къ Грандье съ просьбой ссудить ему роковую сумму въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, его проекты относительно Клондика, ужасающее сходство почерковъ, окровавленная книжка, найденная въ улицѣ св. Николая, такія же одежды, спрятанныя въ квартирѣ обвиняемаго. Въ его пользу говорили только догадки, его незапятнанная до тѣхъ поръ честность и негодующій протестъ; онъ не могъ даже доказать своего алиби: слѣдователю не были еще извѣстны открытія Поля Редона.

Когда товарищъ прокурора передалъ ему телефонное сообщеніе репортера объ англичанинѣ Франсисѣ Бюрнеттѣ, тотъ только пожалъ плечами.

— Напрасно вы вѣрите вымысламъ журналиста!—небрежно проговорилъ онъ.

Однако, товарищъ прокурора упорствовалъ, превозносилъ ловкость своего друга и выражалъ собственныя колебанія. Тотъ возразилъ на это:

— Кто устраиваетъ свою судебную карьеру, тотъ долженъ понимать, что это дѣло серьезное, и не обращать вниманія на разныя исторіи, выходящія изъ досужихъ головъ водевильныхъ писакъ.

— Прикажите по крайней мѣрѣ задержать корзину въ кладовой Западной дороги!

— Хорошо, я сдѣлаю вамъ это удовольствіе и докажу, кстати, что вашъ другъ комедіантъ. Впрочемъ, вы говорили, что мы завтра утромъ увидимся?

— Да, онъ назначилъ мнѣ свиданіе въ судѣ, въ девять часовъ!

Читателю уже извѣстно, какой трагическій случай помѣшалъ репортеру прибыть на это свиданіе. Цѣлый день прошелъ въ напрасномъ ожиданіи, такъ что слѣдователь началъ шумно выражать свое торжество по случаю этого необъяснимаго отсутствія. На другой день онъ долженъ былъ возвратиться въ Мезонъ-Лафитъ для производства дополнительнаго слѣдствія и снятія печатей какъ на виллѣ Карменъ, такъ и въ улицѣ св. Николая.

Онъ просилъ товарища прокурора сопутствовать ему и всю

дорогу изводилъ послѣдняго шуточками по поводу его излишней довѣрчивости. Сходя съ поѣзда, товарищъ прокурора купилъ нѣсколько газетъ, развернулъ одну изъ нихъ, вскрикнулъ и поблѣднѣлъ. Взглядъ его привлекли слѣдующія строки, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ:

«Покушеніе на убійство журналиста Поля Редона, смертельно раненаго».

— Вотъ, читайте!—сказалъ онъ слѣдователю,—да читайте же!

Тотъ пробѣжалъ глазами сообщеніе и прибавилъ:

— Очень жаль, но это никоимъ образомъ не можетъ находиться въ связи съ преступленіемъ въ Мезонъ-Лафитѣ!

— Почему вы такъ думаете?

— Вы, должно быть, изучали полицію по романамъ Габоріо! Въ дѣйствительности же дѣла дѣлаются много проще!

— Хорошо, теперь я не нуженъ вамъ пока? Такъ я ѣду въ Парижъ и возвращусь сюда къ завтраку!

— Чудесно! Вы будете очень любезны, если пришлете мнѣ знаменитую корзину, которую я велѣлъ задержать по вашему желанію!

— Я привезу ее самъ!

За время отсутствія товарища прокурора на виллѣ Карменъ и происходила бесѣда между слѣдователемъ и Мартой Грандье, бесѣда, окончившаяся негодованіемъ молодой дѣвушки.

Только въ два часа товарищъ прокурора вернулся. Казалось, онъ былъ очень озабоченъ. Оба судьи находились въ мэріи, куда только что доставили корзину.

Жандармъ привелъ слесаря, и началась трудная операція отмыканія запора.

— Ну, что Редонъ?—отрывисто спросилъ слѣдователь.

— Онъ въ агоніи, здоровье его совершенно безнадежно, и полицейскій комиссаръ говорилъ, что одно время онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ и не чувствовалъ. Вѣроятно, онъ не выживетъ дня!

— А его розыски?

— Ничего неизвѣстно... ни малѣйшихъ слѣдовъ!

Послѣ долгихъ усилій слесарь отперъ корзину. Скептически

съ насмѣшливой улыбкой на губахъ слѣдователь поднялъ крышку и закричалъ:

— Вотъ такъ странная вещь!

Дѣйствительно, было чему удивляться: въ корзинѣ аккуратно уложены были принадлежности полнаго костюма лѣсного сторожа, изъ зеленаго сукна съ желтой выпушкой, и суконная ливрея каштановаго цвѣта. Обѣ одежды казались совершенно новыми, не надѣванными ни разу.

VI.

Бѣда.—Предчувствіе.—Докторъ.—Раненый.—Трепанація.— Лассо.—Мнимый сторожъ.—Начало доказательствъ.—Возвращеніе.—Покража.—Угрозы.—Письмо.— Красная звѣзда.

По снятіи печатей, Марта и ея братъ могли точнымъ образомъ опредѣлить свое матеріальное положеніе. Перебирая бумаги и записныя книги отца, они узнали также всѣ обстоятельства, побудившія его къ самоубійству. Съ точки зрѣнія покойнаго финансиста матеріальное положеніе было дѣйствительно жалкимъ, такъ какъ за уплатою долговъ и разсчетомъ со слугами, при условіи продажи дома и мебели, могло остаться только нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ. Это было настоящее раззореніе съ перепективою нищеты въ будущемъ. Впрочемъ, молодые люди храбро взглянули въ глаза этому будущему, рѣшивъ неустанно трудиться.

Ликвидація дѣлъ давала нѣсколько недѣль отсрочки, и они сочли лучшимъ употребить это время на поиски того, кто сдѣлалъ ихъ сиротами и выполнить такимъ образомъ послѣднюю волю покойнаго.

Мартѣ было извѣстно, что отецъ до послѣдняго момента имѣлъ дѣла съ парижской полиціей, агенты которой не показывались съ самой катастрофы; это становилось подозрительнымъ. Не попали-ли они также въ число жертвъ какой-нибудь махинаціи? Наконецъ, она вспомнила, что наканунѣ убійства въ лѣсу былъ подобранъ человѣкъ и отправленъ въ госпиталь.

— Что, если этотъ несчастный—одинъ изъ агентовъ, помогавшихъ отцу?—спросила она брата.

— Возможно!—отвѣчалъ тотъ.

Тогда молодая дѣвушка порывисто встала и произнесла:

— Что-то непреодолимое влечетъ меня... родъ предчувствія, которому я должна повиноваться. Жакъ, дорогой мой мальчикъ, я ѣду въ Сенъ-Жерменъ!

— А я долженъ тебя сопровождать?

— Нѣтъ, ты останешься здѣсь! Ни слова не говори о моемъ путешествіи никому! Ни г-жѣ Фортенъ, ни слѣдователю, ни кому бы то ни было другому!

Въ теченіе получасового путешествія въ Сенъ-Жерменъ Марта начертала себѣ простой, но оригинальный планъ дѣйствій.

По прибытіи на мѣсто, она направилась прямо въ госпиталь. Молодая дѣвушка хорошо знала, что нельзя имѣть свиданія съ раненымъ, не назвавъ даже его имени; да и вообще въ больницахъ существуютъ свои правила, нарушать которыхъ, не заручившись протекціей, нельзя. Поэтому она спросила у швейцара адресъ главнаго врача и, къ счастью, застала его дома.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ главный докторъ, наконецъ, рѣшился допустить ее къ больному, предваривъ только дѣвушку, что больному пришлось выдержать серьезную операцію.

— Теперь я вамъ скажу все,—произнесла дѣвушка,—свое имя, происхожденіе, событія...

— Не надо, дитя мое! Храните свой секретъ—онъ принадлежитъ вамъ одной, а мнѣ необходимо знать его только постольку, чтобы имѣть возможность помочь вамъ!

Десять минутъ спустя, докторъ провелъ молодую дѣвушку въ госпиталь, гдѣ въ маленькой комнаткѣ лежалъ раненый, а во время пути вкратцѣ познакомилъ Марту съ ужасною раною полицейскаго агента и операціей трепанаціи.

Ударъ нанесенъ былъ немного повыше уха какимъ-то тяжелымъ орудіемъ, кастетомъ или молоткомъ.

Погруженный въ глубокій обморокъ раненый едва перенесъ операцію трепанаціи, единственную, могшую его спасти.

Докторъ тихо удалился, оставивъ молодую дѣвушку наединѣ съ раненымъ.

Марта подошла къ больному, голова котораго, вся покрытая бинтами, покоилась на подушкѣ, и дотронулась до его горячей руки, но не рѣшалась заговорить.

Агентъ видѣлъ это колебаніе и понимая, что только очень серьезная причина могла привести въ госпиталь эту молодую особу въ глубокомъ траурѣ, сказалъ яснымъ, но тихимъ, какъ дыханіе, голосомъ:

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Я—Марта Грандье!..

— А!.. его дочь... въ траурѣ... и одна... Боже мой!.. что случилось?

— Отецъ умеръ!.. въ Мезонъ Лафитѣ совершено убійство... вы сами сдѣлались жертвою преступленія. И въ этомъ обвиняютъ невиннаго!.. Сжальтесь и скажите, что знаете. Кто васъ ударилъ?.. чѣмъ?.. при какихъ условіяхъ?.. постарайтесь вспомнить... о, умоляю васъ!

Больной отвѣчалъ своимъ слабымъ голосомъ:

— Все, что я вамъ могу сообщить, сводится къ весьма немногому. Я на конѣ преслѣдовалъ человѣка въ каштановой ливреѣ, которому вашъ отецъ вручилъ письмо. Этотъ человѣкъ только что вскочилъ на лошадь, которую держалъ за поводъ лѣсной сторожъ.

— Вы не помните, какъ онъ выглядѣлъ?..

— Онъ, кажется, былъ высокъ... силенъ... блондинъ... и очень напоминалъ слугу изъ хорошаго дома... Онъ скакалъ... подпускалъ меня къ себѣ... потомъ опять скакалъ впередъ, какъ будто хотѣлъ завлечь меня въ западню... Я это замѣтилъ слишкомъ поздно... Такое ожесточенное преслѣдованіе продолжалось съ четверть часа, и хотя я незнакомъ съ лѣсомъ... но, кажется, мы вертѣлись... въ довольно ограниченномъ пространствѣ... въ пустынномъ мѣстѣ... гдѣ нельзя было встрѣтить ни души... я припоминаю это мѣсто, гдѣ проѣзжалъ уже... нѣсколько сучковатыхъ дубовъ... рѣшетка съ запирающейся дверцей .. я одинъ... безоруженъ... оффиціальнаго приказанія не имѣю...

Положеніе показалось мнѣ серьезнымъ... и я все сильнѣе думалъ: не въ западню-ли хотятъ меня поймать? Еще нѣсколько прыжковъ, и я... передъ дверью рѣшетки, широко открытой... Человѣкъ, котораго я преслѣдую, обертывается на сѣдлѣ... онъ смѣется и издаетъ свистъ... Онъ мчится, какъ стрѣла... между стволами дубовъ... Что-то задѣваетъ меня по ушамъ, обвивается вокругъ головы... я въ петлѣ... лассо выхватило меня и бросило на землю съ неслыханной силой...Оглушенный этимъ паденіемъ я, однако, хотѣлъ бороться, кричать, защищаться, но не успѣлъ. Человѣкъ, одѣтый въ костюмъ лѣсного сторожа... прыгнулъ изъ-за дуба... это онъ держалъ за поводъ лошадь... другого... о!.. я узналъ бы его черезъ пятьдесятъ лѣтъ... коренастый, осторожный, съ длинною темно-русою бородой. Все это произошло съ быстротою молніи! Онъ нанесъ мнѣ страшный ударъ по головѣ какимъ-то инструментомъ... Казалось, что голова моя раздроблена... что я умираю!..

Марта, дрожащая и заплаканная, слушала этотъ прерывистый разсказъ.

— Довольно, пожалуйста, довольно!—сказала она, пожимая руки утомленнаго больного.—Благодарю!.. о, благодарю отъ всего сердца! Вы освобождаете отъ отчаянія бѣдныхъ неутѣшныхъ стариковъ, возвращаете свободу, жизнь и честь невинному. Теперь я могу все разсказать вамъ, если вамъ не вредно!

— Говорите, это успокоитъ меня. Я долженъ знать подробности такого ужаснаго и загадочнаго дѣла, на то я и полицейскій агентъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать сначала небольшую замѣтку... человѣкъ, набросившій на меня лассо, сдѣлалъ это съ поразительною ловкостью, на какую способны только южные американцы, гаучо, или еще мексиканцы. Онъ иностранецъ...

Марта облегченно вздохнула: часть обвиненія противъ Леона Фортена исчезла.

— Онъ не при чемъ, какъ при покражѣ, такъ и при убійствѣ въ лѣсу. Раненый—живое доказательство его невинности. Мы докажемъ также, что не онъ виновникъ преступленія въ улицѣ св. Николая!

Потомъ молодая дѣвушка разсказала все, что узнала объ арестѣ Фортена и ходѣ судебнаго разбирательства.

Жерве, котораго мало-по-малу охватывала усталость, находилъ всю исторію страшно запутанной и жалѣлъ, что пока не въ состояніи помочь, но обѣщалъ, какъ только поправится, употребить всѣ силы распутать дѣло.

Дѣвушка поблагодарила его отъ всего сердца и обѣщала въ скоромъ времени опять навѣстить, затѣмъ вырвала листокъ бумаги изъ книжки, въ которую заносились замѣтки о ходѣ болѣзни, написавъ на немъ слѣдующія строки:

«Я, нижеподписавшійся, удостовѣряю, что человѣкъ, покушавшійся убить меня въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу, одѣтъ былъ въ костюмъ лѣсного сторожа и на видъ имѣлъ около сорока лѣтъ, коренастый, сильный, средняго роста.

Сенъ-Жерменскій госпиталь.

28 апрѣля 1898 года».

прочла ихъ вслухъ и спросила раненаго, согласенъ - ли онъ подъ ними подписаться.

— Съ большимъ удовольствіемъ! — отвѣтилъ тотъ, подписавъ внизу листка свое имя.

— Еще разъ благодарю, и до скораго свиданья! — сказала сіяющая дѣвушка, оставляя агента.

Она вкратцѣ передала результаты свиданія ожидавшему ее доктору и отправилась на станцію, чтобы вернуться въ Мезонъ-Лафитъ. Идя быстро, счастливая своею удачею и возможностью утѣшить родителей Леона, молодая дѣвушка незамѣтила, что за нею слѣдуютъ какіе-то два господина. На станціи, купивъ билетъ и удостовѣрившись въ цѣлости записки агента, она положила портмонэ обратно въ карманъ и туда же сунула носовой платокъ.

Вскорѣ одинъ изъ двухъ, слѣдовавшихъ сзади нея, людей оступился на лѣстницѣ и упалъ на колѣни. Къ нему сейчасъ же подбѣжали, чтобы подать помощь. Виновницею паденія оказалась апельсинная корка; произошла суматоха, и Марта, унесенная человѣческой волной, вошла въ вагонъ

Пріѣхавъ въ Мезонъ-Лафитъ, она слѣзла, опустила руку въ карманъ и хотѣла вынуть портмонэ, гдѣ, кромѣ удостовѣренія Жерве, лежалъ ея дорожный билетъ. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу и изъ груди невольно вылетѣлъ крикъ, — обокрадена!

Случай этотъ самъ по себѣ былъ не важенъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія администраціи, такъ какъ покражи кошельковъ на желѣзныхъ дорогахъ не рѣдкость. Но что было интересно въ этомъ случаѣ, — это кто совершилъ похищеніе — простой карманный воришка или одинъ изъ бандитовъ, имѣвшихъ основаніе погубить Фортена? Конечно, раненый агентъ могъ дать вторичное удостовѣреніе, письменное или устное, въ присутствіи свидѣтелей, но вѣдь онъ былъ опасно боленъ!..

Марта разсказала все брату, но только ему одному, затѣмъ рѣшила на другой день поѣхать опять въ госпиталь, но прежде дождаться почтальона. Послѣдній принесъ ей одно изъ тѣхъ ужасныхъ писемъ, какія погубили ея несчастнаго отца.

Вотъ оно:

«Фортенъ виновенъ! Не будучи въ состояніи спасти его, соучастники, товарищи Красной-Звѣзды, покидаютъ его. Свиданіе съ раненымъ изъ Сенъ-Жермена безполезно. Новая попытка стоила бы ему жизни. Берегитесь сами. Вамъ запрещается, подъ страхомъ смерти, хлопотать въ пользу того, кто долженъ искупить свою ошибку. При убійствѣ не оставляютъ доказательствъ».

Какъ и письма, адресованныя Грандье, это посланіе запечатано было красной звѣздой.

VII.

Маленькій старикашка изъ улицы Ла-Рошфуко. — Молодой человѣкъ. — Парижъ. — Кале, Дувръ, Лондонъ. — Товарищи Красной Звѣзды. — Тоби номеръ 2-й. — По телефону. — Доказательства невинности.

Прошла недѣля. Къ Редону допускался только докторъ, другъ его, на котораго можно было вполнѣ положиться. О состояніи здоровья репортера общество ничего не знало, въ жур-

налахъ не было ни бюллютеней, ни сообщеній. Извѣстно было только, что онъ, противъ ожиданія, еще живъ, но что нить этой жизни готова порваться каждую минуту.

Непроницаемая таинственность окружала нѣкогда веселый павильонъ, оживляемый шумнымъ и частымъ присутствіемъ друзей и знакомыхъ репортера. На девятый день, въ восемь часовъ утра, изъ павильона вышелъ маленькій старичокъ въ очкахъ, съ сѣдою бородой, завернутый въ темный широкій плащъ. Очевидно, онъ вошелъ къ больному рано утромъ, когда никто не могъ его видѣть, и къ этому побудили его, должно быть, важные мотивы. Впрочемъ, домъ былъ обширенъ, такъ что носильщики, слуги, жильцы постоянно сновали взадъ и впередъ, и старикъ могъ пройти совершенно незамѣченнымъ. Онъ бодрымъ еще шагомъ дошелъ по улицѣ Ла-Рошфуко до улицы св. Лазаря и очутился на Троицкой площади. Здѣсь онъ остановился, выбралъ одну изъ каретъ, двигавшихся по Антенскому шоссе, и сдѣлалъ кучеру знакъ остановиться. Но прежде чѣмъ сѣсть въ карету, старикъ довольно долго велъ переговоры съ кучеромъ, который сначала казался удивленнымъ, а потомъ выразилъ свое согласіе и даже улыбнулся, получивъ золотую монету. Сѣдокъ помѣстился въ каретѣ, и она покатилась крупною рысью по Антенскому шоссе, завернула въ улицу Лафайета и дальше, съ быстротою поѣзда, домчалась до улицы Тревизъ.

Тамъ скопленіе экипажей на моментъ задержало ее; дверца открылась,—и старичокъ вылѣзъ. Послѣ этого кучеръ сейчасъ же, не поворачивая головы, уѣхалъ.

Но старикъ съ почти бѣлой бородой и разслабленной походкой, казавшійся лѣтъ шестидесяти, подвергся чудесному превращенію.

Теперь это былъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и отважнымъ видомъ. Одѣтъ онъ былъ въ клѣтчатый костюмъ съ узкимъ воротникомъ, заколотымъ булавкой въ видѣ подковы, и очень походилъ манерой держаться на жокея. На видъ ему можно было дать двадцать два, двадцать три года.

Быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ шоссе, увидѣлъ свою карету и быстро двинулся къ станціи Монтолопъ. Здѣсь онъ выбралъ кучера, заплатилъ ему, открылъ дверцу кареты, проскользнулъ черезъ внутренность послѣдней, вышелъ черезъ вторую дверцу и спокойно пошелъ за вереницей экипажей въ то время, какъ кучеръ мчался впередъ.

Наконецъ, эта странная личность, нуждавшаяся въ такихъ предосторожностяхъ, сѣла въ третью карету, сказавъ кучеру,—на Сѣверный вокзалъ!

Спустя нѣсколько минутъ, неизвѣстный входилъ на вокзалъ. Взявъ билетъ перваго класса до Шантильи, онъ занялъ мѣсто въ купе, гдѣ осталось еще свободное мѣсто, забрался въ уголъ и казался заснувшимъ, между тѣмъ какъ проницательный взглядъ его слѣдилъ внимательно за всѣмъ.

Въ Шантильи трое пассажировъ сошли, но нашъ молодой человѣкъ продолжалъ спать. Въ Лонжо сошли еще трое пассажировъ, а онъ, добавивъ контролеру двадцать шесть франковъ сорокъ пять сантимовъ, продолжалъ путь въ Кале, гдѣ, повидимому, намѣревался выйти. Въ Кале-приморскомъ очутился онъ въ двѣнадцать часовъ пятьдесятъ минутъ. У пристани уже разводилъ пары пакетботъ, выбрасывавшій густые клубы чернаго дыма.

Нашъ молодой человѣкъ, не колеблясь, вошелъ на судно. Прошло пять минутъ, раздались свистки, и «Впередъ» тронулся въ Англію. Нѣсколько оборотовъ винта, немножко боковой и килевой качки,—и переѣздъ совершенъ.

Ровно черезъ восемьдесятъ минутъ судно вошло въ Дуврскую гавань.

Поѣздъ готовился отойти въ Лондонъ.

Таинственный незнакомецъ, проѣхавшій черезъ сушу и море безъ всякаго багажа, съѣлъ два сандвича, выпилъ стаканъ вина и вскочилъ на Лондонскій поѣздъ. Черезъ часъ и три четверти поѣздъ остановился на станціи Чарингъ-Кроссъ.

Было четыре часа. Незнакомецъ взялъ кэбъ, далъ кучеру адресъ и помчался по улицамъ Лондона, какъ только что мчался по улицамъ Парижа.

Кэбъ остановился передъ старымъ домомъ въ Бувъ-Стритѣ,

ипутешественникъ смѣлымъ шагомъ перешелъ одну аллею, пересѣкъ дворъ, вышелъ по другой аллеѣ, поднялся во второй этажъ, три раза постучалъ въ дверь, вошелъ и, увидѣвъ служителя, спросилъ, принимаетъ-ли мистеръ Мельвиль.

Служитель всталъ, открылъ дверь и привычнымъ жестомъ пригласилъ посѣтителя войти. Тотъ вошелъ и увидѣлъ высокаго, плотнаго господина, сложеннаго, подобно Геркулесу, съ умнымъ и симпатичнымъ лицомъ, на которомъ блестѣли два сѣрые глаза. Это былъ знаменитый Мельвиль, одинъ изъ самыхъ опытныхъ сыщиковъ англійской полиціи. Нѣсколько выдающихся процессовъ пріобрѣли ему извѣстность и уваженіе во Франціи. Обладая удивительной памятью, онъ зналъ всѣхъ мошенниковъ Лондона, на которыхъ наводилъ настоящій ужасъ.

Два раза пытались его убить, но колоссальная сила и ловкость во всѣхъ движеніяхъ предохраняли его отъ смерти. Относительно его смѣлости и хладнокровія разсказывали вещи, бросавшія въ дрожь любителей раздирающихъ душу драмъ и ужасныхъ охотъ, въ которыхъ дичь — бандиты, а охотникъ — сыщикъ.

Начальникъ поднялся на встрѣчу вновь пришедшему, молча протянулъ ему руку и крѣпко, по-англійски, пожалъ ее, такъ что тотъ не могъ удержаться отъ легкаго крика боли.

— Больно?—спросилъ онъ чистымъ французскимъ языкомъ, безъ всякаго акцента.

— Лучше, но и рука же у васъ, мой дорогой Мельвиль!

— Вы устали?

— Не такъ, чтобы слишкомъ, но достаточно!

— Поспите два часа на моемъ диванѣ!

— Когда мы будемъ бесѣдовать?

— Вы голодны?

— Какъ волкъ!

— Сейчасъ поѣдимъ... ленчъ особенный... Я васъ ждалъ и позаботился обо всемъ!

— Дорогой Мельвиль!

— Вы первый изъ всѣхъ друзей!

— Ровно какъ и вы!

— Но знаете-ли, что вы—настоящая ищейка, какъ говорится у васъ!

— Ба! маленькая работа любителя!

— Наконецъ, ваши слова особенно льстятъ мнѣ, и я чувствую себя счастливымъ, имѣя возможность брать уроки у такого учителя!

— Вы прекрасно пользуетесь ими!

— Получили вы мое письмо?

— Третьяго дня!

— Какъ вы думаете, удалось вамъ вернуться незамѣченнымъ?

— Думаю, что да, такъ какъ я постарался запутать свой слѣдъ!

Хозяинъ свистнулъ въ слуховую трубу, отдалъ нѣсколько приказаній и прибавилъ:

— Домъ охраняется. Теперь будемъ говорить за столомъ, который уже накрытъ.

Незнакомецъ сѣлъ за столъ, вылилъ себѣ въ ротъ нѣсколько большихъ глотковъ вина и безъ обиняковъ сказалъ:

«Извѣстенъ вамъ нѣкій Френсисъ Бернеттъ, лѣтъ...

— Сорока!

— ...Сильный, коренастый... съ длинной бородой... одѣвается у...

— Баррова, портного на Оксфордъ-Стритѣ.

— Именно! Но вамъ цѣны нѣтъ, Мельвиль. Откуда вы это знаете?

— Это пустяки, мой другъ!

— Поразительно!

— Вы въ такомъ домѣ, гдѣ ничему не удивляются.

— Итакъ, вы знаете Френсиса Бернетта?

— Да, еще бы! Это одинъ изъ самыхъ ужасныхъ бандитовъ Англіи. Злодѣй, всегда ускользавшій изъ моихъ рукъ. Я уже мѣсяцъ не имѣлъ о немъ извѣстій. Правда, по моей милости, пребываніе его въ Англіи сдѣлалось довольно опаснымъ.

— Въ теченіе этого мѣсяца онъ жилъ во Франціи. Дѣло въ Мезонъ-Лафитѣ...

— Я не сомнѣвался въ этомъ, читая о преступленіи въ

вашихъ журналахъ... Красная Звѣзда—его эмблема или, лучше, эмблема ассоціаціи...

— А! такъ это шайка?

— ...Называемая шайкой двухъ тысячъ..

— Ихъ двѣ тысячи?..

— Нѣтъ, названіе произошло отъ того, что они не берутся за дѣло, обѣщающее меньше двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ *). Еще ихъ называютъ, т. е. они сами себя называютъ, *«рыцари красной звѣзды»*.

— О, какъ напыщенно, словно заглавіе бульварнаго романа! А хорошо организованы эти «рыцари»?

— Ужасно! — отвѣчалъ полицейскій сыщикъ болѣе серьезнымъ голосомъ. — Это сборище самыхъ ужасныхъ отбросовъ, это люди чрезвычайно ловкіе. Тамъ встрѣчаются инженеры, химики, врачи, клоуны, механики, ученые, отвергнутые обществомъ, объявившіе ему ожесточенную войну, бандиты второго сорта, отборные молодцы, исполняющіе всю черную работу. Имъ достается отъ насъ плохо. Къ несчастью, главари ускользнули, нѣкоторые изъ нихъ переправились черезъ проливъ и работаютъ на материкѣ!

— Да, это интересно, какъ самый драматическій изъ романовъ!

— Да,—подтвердилъ англійскій сыщикъ,—лѣтописи полиціи и доставляютъ, главнымъ образомъ, сюжеты для подобныхъ романовъ! Вы любитель и охотно познакомитесь съ ними!

— Но я долженъ записать то, что вы мнѣ разскажете!

— Не безпокойтесь! Я уже приказалъ одному изъ своихъ людей переписать для васъ часть дѣлъ о Красной Звѣздѣ! Вамъ останется только перевести ее, а это не составитъ для васъ, затрудненія, такъ какъ вы владѣете англійскимъ языкомъ какъ своимъ!

— Вы удивительный человѣкъ... думаете обо всемъ!

— О, немного порядка въ мысляхъ и поступкахъ — это сущіе пустяки! Къ тому же, я радъ сдѣлать пріятное такому джентльмену, какъ вы, котораго я глубоко уважаю!

*) Пятьдесятъ тысячъ франковъ, или около 20,000 руб.

— Вы знаете, Мельвиль, что высокое уваженіе и живая симпатія взаимны!

— Да, знаю и очень счастливъ!—сказалъ англійскій агентъ, снова пожимая руку своего таинственнаго собесѣдника. — Но возвратимся къ нашимъ баранамъ, напоминающимъ настоящихъ тигровъ. Находя, что оперировать на почвѣ метрополіи слишкомъ трудно и опасно, одинъ изъ нихъ рѣшилъ овладѣть Клондикомъ, громадной сокровищницей золота...

— Ага!.. Вотъ о чемъ извѣщалъ Френсисъ Бернеттъ въ письмѣ, запечатанномъ Красной Звѣздой!

— Вотъ видите!

— Такъ онъ для этой цѣли хотѣлъ имѣть пятьдесятъ тысячъ франковъ...

— Да, двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ... минимальная цифра этихъ негодяевъ. На всякій случай я послалъ двухъ изъ моихъ агентовъ преслѣдовать ихъ и получаю время отъ времени донесенія изъ Франціи. До сихъ поръ они многаго не могли сдѣлать, такъ какъ не имѣли руководящей нити. Однако, я разсчитываю на нихъ.

Въ эту минуту зазвонилъ звонокъ у телефона.

— Дзинь!... вы, патронъ?

— А вы кто?

— Вашъ агентъ, Тоби номеръ 2-й.

— Гдѣ вы?

— Въ Парижѣ!

— Что имѣете сообщить мнѣ?

— Важныя сообщенія относительно убійства французскаго журналиста мистера Поля Редона!

— Дзинь!.. очень хорошо, Тоби!

Потомъ, обращаясь къ своему таинственному компаньону, онъ прибавилъ:

— Это очень интересно... Возьмите одинъ изъ пріемниковъ и слушайте!

Голосъ Тоби № 2 продолжалъ:

«Мистеръ Поль Редонъ былъ убитъ Бобомъ Вильсономъ, хорошо вамъ извѣстнымъ»

— Да, ловкая рука, можно сказать, у этого проклятаго Френсиса Бернетта.

«Мистеръ Поль Редонъ, извѣщая по телефону Версальскій судъ о своихъ успѣхахъ, говорилъ слишкомъ громко, такъ что слышно было по сосѣдству. Тамъ былъ Бобъ Вильсонъ, или Френсисъ Бернеттъ. Эти бандиты, найдя, что мистеръ Редонъ зналъ слишкомъ много, рѣшили немедленно уничтожить его, что и сдѣлали».

— Дзинь!.. Тоби, мой мальчикъ, очень хорошо, что вы напали на слѣдъ! Получите четыре фунта награды!

— Благодарю, патронъ... Дзинь!...

— Дзинь!.. что еще?

— Поймавъ нить дѣла, мы дежурили близь дома мистера Редона въ надеждѣ, что убійца или одинъ изъ его помощниковъ бродитъ около. Извѣстно, что убійцы какъ бы гипнотизируются своей жертвой, заставляющей ихъ возвращаться въ то мѣсто, гдѣ пролита была кровь!

— Вы разсуждаете философски и правдиво, Тоби! Дзинь!.. продолжайте, мой мальчикъ!

— Но не видали ни Боба Вильсона, ни Френсиса Бернетта.

— Какъ!

— Да! Комиссаръ по юридическимъ дѣламъ долженъ былъ допросить мистера Поля Редона и обратился за разрѣшеніемъ къ своему начальству. Благодаря его званію, судъ позволилъ ему это свиданіе. Онъ вошелъ въ спальню мистера Редона и увидѣлъ, что постель пуста, остыла, мебель въ безпорядкѣ, и — это все... Репортеръ исчезъ. Его искали по всему дому, въ саду, въ другихъ павильонахъ. Ничего! Пропалъ!

Несмотря на свое британское хладнокровіе, агентъ не могъ удержаться отъ крика, передавшагося по телефону въ уши Тоби № 2. Компаньонъ же Мельвиля, до сихъ поръ слушавшій спокойно, расхохотался такъ, какъ будто это необъяснимое исчезновеніе репортера было самою комическою вещью въ мірѣ.

— Вы смѣетесь, патронъ?—вскричалъ Тоби № 2, но сейчасъ же спохватился.—Да съ вами кто-то есть?

— Да, надежный человѣкъ, передъ которымъ вы можете говорить, не стѣсняясь!

— Хорошо! Такъ мы съ товарищемъ узнали, какъ я только что сказалъ, что мистеръ Поль былъ убитъ компаньономъ Красной Звѣзды, но у насъ не было доказательствъ! Теперь же они въ нашихъ рукахъ, такъ что въ случаѣ надобности можно передать его въ судъ.

— Ага! — вскричалъ другъ Мельвиля, — это центральный пунктъ дѣла. Если у вашихъ людей, дорогой Мельвиль, есть такое доказательство, то невинность Леона Фортена очевидна!

— Я думаю также, какъ вы; и ваше путешествіе сюда можетъ оказать дѣйствительно громадное вліяніе на это загадочное дѣло!—потомъ онъ прибавилъ въ телефонъ:

— Дзинь!.. Мистеръ Тоби № 2?

— Дзинь!...

— Теперь шесть часовъ... согласны вы завтра, въ этотъ же часъ, сообщить свои доказательства человѣку, объявившему, подобно вамъ, безпощадную войну товарищамъ Красной Звѣзды?

— Да!

— Прекрасно! Ровно въ десять часовъ вы будете въ улицѣ Рошфуко у павильона исчезнувшаго репортера, позвоните и спросите Поля Редона. Вы увидите его во плоти, а не въ качествѣ призрака, хотя онъ теперь имѣетъ двойника.

VIII.

Опять маленькій старикашка.—Удивленіе. - Воскресшій изъ мертвыхъ.—Ужасная рана. — Желѣзная энергія. — Разоблаченія Тоби № 2.—Слѣпокъ ногъ.—Отождествленіе.—Свѣтъ,— Преступленіе въ Батиньолѣ.

Какъ только начало бить шесть часовъ, у двери павильона, занимаемаго Полемъ Редономъ, остановились двое мужчинъ. Одинъ прямой, костлявый немного, съ длинными зубами и маленькими бѣлокурыми локонами, имѣлъ видъ англійскаго слуги. Другой, одѣтый по послѣдней модѣ, молодой, интеллигентный

былъ джентльменомъ съ ногъ до головы. Послѣднiй взглядывалъ на англичанина; тотъ со своей стороны украдкой бросалъ на него нерѣшительный взглядъ, нажимая кнопку электрическаго звонка. Дверь тотчасъ же открылась, и на порогѣ ея появилась экономка журналиста.

— Господинъ Поль Редонъ дома? — спросилъ на чистѣйшемъ парижскомъ жаргонѣ джентльменъ.

— Мистеръ Поль Ридоннъ? — переспросилъ по англiйски слуга.

— Потрудитесь пройти! — сказала тогда женщина, давая дорогу.

Они вошли въ спальню и увидѣли въ ней низкаго старичка, стоявшаго спиной къ камину, плѣшиваго, съ мутными глазами и дрожащими руками и ногами.

— Поль Редонъ,—сказалъ онъ тонкимъ, какъ у щура, голосомъ,—я!

— Ахъ!—вскричалъ озадаченный англичанинъ,—вы смѣетесь надо мною!

— Эй, голубчикъ, нельзя ли безъ подобныхъ шутокъ!—воскликнулъ и джентльменъ.

Старичекъ быстро выпрямился и крикнулъ задыхающимся отъ смѣха голосомъ:

— Да, это я!

Въ то же самое время плащъ упалъ, сѣдой парикъ полетѣлъ прочь, такая же борода отстала отъ щекъ и подбородка, и въ результатѣ оказался молодой, немного блѣдный человѣкъ, съ тонкими чертами лица.

— Да! Это я—Редонъ! Не сомнѣвайтесь въ этомъ, дорогой прокуроръ! Я самъ вчера телефонировалъ вамъ изъ Лондона въ Версальскiй судъ, назначивъ свиданiе здѣсь въ шесть часовъ. Вы очень мило сдѣлали, что не опоздали!

— Но вы все еще неузнаваемы!—вскричалъ пораженный чиновникъ.—А борода... ваша настоящая борода... красивая шатеновая борода, такъ шедшая къ вамъ?

— Сбрита совершенно! Я пожертвовалъ ее на алтарь дружбы и з[illegible]ть, чтобы избѣжать своихъ недоброжелателей!

— Удивительно!—произнесъ судейскiй чиновникъ, пожимая его руку.—Но какъ ваша рана? Честное слово, мы васъ собрались оплакивать!

— Да, я знаю... благодарю! Моя мнимая смерть имѣла доброе влiянiе: мы сейчасъ поговоримъ объ этомъ...

— Дорогой мой другъ, имѣю удовольствiе представить вамъ мистера Тоби № 2, одного изъ самыхъ тонкихъ и ловкихъ сыщиковъ Англiи!

Англичанинъ поклонился просто, но съ достоинствомъ, а Редонъ прибавилъ:

— Это съ вами я вчера говорилъ по телефону у моего друга Мельвиля, въ Лондонѣ?

— Да, сэръ.

— Садитесь, мистеръ Тоби, и вамъ, дорогой прокуроръ, предлагаю это кресло. Я чувствую себя разбитымъ этимъ непрерывнымъ путешествiемъ изъ Парижа въ Лондонъ и изъ Лондона въ Парижъ, а потому прошу у васъ разрѣшенiя растянуться на этомъ шезъ-лонгѣ!

— Но, дорогой мой Редонъ, скажите, что все сiе значитъ: эти переодѣванья, путешествiе въ скоромъ поѣздѣ, рана, затворничество, слухи о вашей смерти...

Журналистъ распахнулъ свою рубашку, снялъ повязку на груди и, показавъ ужасную рану, на половину затянувшуюся, прибавилъ:

— Человѣкъ, желавшiй моей смерти, напрягъ всѣ свои силы при нанесенiи удара и могъ разсчитывать на удачу: я долженъ бы былъ скоро умереть. Но ударъ, нанесенный съ страшною силой, пришелся по пластрону моего шелковаго галстука, при чемъ плотная ткань уменьшила его напряженность и заставила его скользнуть. Вслѣдствiе этого, ножъ, вмѣсто того, чтобы пронзить мнѣ грудь, только перерѣзалъ слой мускуловъ до самыхъ реберъ, на которыхъ и остановился!

— И вы ходите съ этимъ?

— Уже тридцать часовъ!

— Ну, и человѣкъ же вы!

— Человѣкъ, который хочетъ! Впрочемъ, въ первый мо-

ментъ я считалъ себя пораженнымъ на смерть, и мысль распространить слухи о мнимой своей кончинѣ въ близкомъ будущемъ пришла мнѣ только послѣ перевязки. Этимъ маневромъ я хотѣлъ усыпить бдительность своихъ враговъ и ускользнуть отъ нихъ!

— Умно придумано!

— Но эта ужасная рана... Она еще побаливаетъ, хотя сегодня одиннадцатый день, и она на три четверти уже залечена. Докторъ промылъ ее, зашилъ, обеззаразилъ все это, и благодаря его искусству процессъ зарубцованія прошелъ нормально, не причинивъ мнѣ лихорадки.

— Удивительно, я не знаю, чему больше удивляться: вашему ли терпѣнію, или наукѣ, совершающей подобныя чудеса. Но скажите, другъ мой, не подозрѣваете вы, кто вашъ убійца?

— Вотъ мистеръ Тоби № 2, можетъ быть, сообщитъ намъ о немъ.

— Да, сэръ! Я скажу вамъ всю правду!

— Мистеръ Тоби, мы съ этимъ джентльменомъ владѣемъ англійскимъ языкомъ, какъ своимъ собственнымъ; поэтому вамъ будетъ удобнѣе изъясняться по-англійски!

— Хорошо, сэръ!

— Но прежде, мистеръ Тоби, дайте мнѣ свой адресъ, чтобы въ случаѣ нужды, я могъ васъ найти!

— Покинувъ павильонъ Генриха IV въ Сенъ-Жерменѣ, гдѣ я жилъ нѣкоторое время въ качествѣ джентльмена, я поступилъ въ гарсоны Парижскаго Виндзоръ-отеля.

— Въ Сенъ-Жерменѣ!.. вы были въ Сенъ-Жерменѣ... въ моментъ совершенія преступленія?!

— За недѣлю до него, и я видѣлъ Френсиса Бэрнетта съ Бобомъ Вильсономъ; мы съ товарищемъ слѣдили за ними въ теченіе нѣсколькихъ дней. Къ сожалѣнію, агенты французской полиціи въ рѣшительную минуту помѣшали намъ!

При этомъ сообщеніи странная мысль мелькнула въ умѣ репортера; онъ ударилъ себя по лбу и вскричалъ:

— Но... вы должны узнать эти ноги!

— Какія ноги? — спросилъ товарищъ прокурора, котораго

поражало несоотвѣтствіе поступковъ, словъ и мыслей его друга своею неожиданностью и оригинальностью.

— Сейчасъ увидите!

Журналистъ подошелъ къ двери своей туалетной комнаты, открылъ ее, отыскалъ спрятанный подъ обоями маленькій сундучокъ и вынулъ изъ него два отпечатка, сдѣланные въ саду улицы св. Николая.

— Вотъ ноги, мистеръ Тоби; ихъ можно зачернить для большаго сходства съ ботинками!

— Лишнее, такъ какъ я чистилъ вчера утромъ въ Виндзоръ-отелѣ совершенно такую же обувь. Я сразу узналъ форму ноги: ея длину, необыкновенную даже для англичанина, обтертый задокъ, маленькую выпуклость большого пальца лѣвой ноги, указывавшей на начало подагры. Повѣрьте совѣсти честнаго человѣка, что эти ноги принадлежатъ Френсису Бернетту, одному изъ начальниковъ Красной-Звѣзды.

— Но тогда, если онъ въ отелѣ Виндзоръ, нѣтъ ничего легче, какъ арестовать его!—вскричалъ Поль Редонъ.

— Онъ оставилъ отель вчера вечеромъ!

— Тысяча молній! Вотъ что значитъ играть несчастливо!

— Впрочемъ, мой товарищъ долженъ его выслѣживать!

Этотъ быстрый обмѣнъ словъ сталъ совершенно непонятенъ для товарища прокурора, такъ что онъ, наконецъ, освѣдомился, что все это означаетъ?

— Помните, какъ я просилъ васъ по телефону задержать корзину на станціи св. Лазаря? — вмѣсто отвѣта спросилъ его репортеръ.

— Помню!

— Такъ эта корзина принадлежала негодяю, а это — изображеніе его ногъ! Эти отпечатки сдѣланы были мною въ саду дома, гдѣ совершено было преступленіе, въ Мезонъ-Лафитѣ... Они находились подъ стѣной ограды, въ томъ мѣстѣ, гдѣ убійца перепрыгивалъ черезъ цвѣтникъ. Мистеръ Тоби призналъ ихъ за отпечатки ногъ Френсиса Бернетта, англійскаго бандита, начальника товарищей Красной-Звѣзды.. Вы слышите? Красной Звѣзды!

— Подтверждаете вы все это, мистеръ Тоби?

— Да, хоть бы подъ присягой!

Живо заинтересовавный чиновникъ началъ теперь замѣчать свѣтъ, все болѣе разсѣивавшій потемки, окружавшіе это трагическое и таинственное дѣло. Увидѣвъ свою ошибку, онъ, какъ умный и честный человѣкъ, готовъ былъ исправить ее, какъ только получитъ всѣ доказательства.

Между тѣмъ Редонъ продолжалъ.

— Я сейчасъ дамъ полное дѣло, полученное мною при отъѣздѣ изъ Лондона старшимъ агентомъ Мельвилемъ. Когда вы прочтете его, то будете совершенно убѣждены. Тогда мы поговоримъ о Леонѣ Фортенѣ.

— Странно! — сказалъ тотъ вполголоса, — но продолжайте, другъ мой, пожалуйста! Назначивъ вчера по телефону мнѣ свиданіе, вы сообщили, что надѣетесь узнать имя своего убійцы и представить доказательство того, что онъ — виновникъ преступленія

— Я думаю, что мистеръ Тоби удовлетворитъ насъ обоихъ! Не такъ ли, мистеръ Тоби?

— Да, сударь!

— Прекрасно, — заявилъ тогда судья, — я буду вполнѣ убѣжденъ, если этотъ убійца имѣетъ хоть малѣйшее сношеніе съ Красной-Звѣздой.

Тоби № 2 порылся въ своихъ карманахъ и началъ.

— Вотъ, прежде всего, ножъ, которымъ вы были поражены. Это прекрасный шеффильдскій клинокъ, на буйволовой рукояткѣ котораго вырѣзаны инициалы В и W, а подъ ними маленькая красная звѣзда о пяти лучахъ.

Поль Редонъ взялъ оружіе, попробовалъ остріе пальцемъ, провелъ имъ легонько по ниткѣ и сказалъ наполовину серьезно, наполовину смѣясь:

— Чортъ возьми! И колетъ, и рѣжетъ: доказательствомъ тому—мое бѣдное поврежденное тѣло.

— Это ножъ—Боба Вильсона. Я взялъ его изъ собственнаго его кармана!—продолжалъ Тобя.—Впрочемъ, онъ цѣненъ

только благодаря инициаламъ, красной звѣздѣ и происхожденію. Вотъ что болѣе важно!

При послѣднихъ словахъ агентъ вынулъ изъ внутренняго кармана своего пиджака конвертъ, въ которомъ находился блѣдно-красный листокъ, покрытый буквами.

— Это листъ изъ бювара, находящагося въ комнатѣ, которую занималъ Бобъ Вильсонъ въ отелѣ Виндзоръ. Я самъ возобновилъ бумагу бювара въ надеждѣ, что Бобъ Вильсонъ воспользуется ею въ качествѣ кляксапира для своихъ писемъ, и не ошибся. Вотъ потрудитесь прочитать!

Такъ какъ буквы находились на листкѣ бювара въ обратномъ видѣ, то агентъ поднесъ бумагу къ зеркалу. Послѣ этого товарищъ прокурора и репортеръ могли съ большимъ трудомъ разобрать слѣдующія три строки:

«Я покончилъ съ Редономъ: онъ зналъ слишкомъ много. Человѣкъ изъ Мезонъ-Лафита окончательно погибъ!

Бобъ Вильсонъ».

— Протестую! — вскричалъ Редонъ. — Я — упрямый мертвецъ, да и мальчикъ еще живъ!

Тоби № 2 продолжалъ своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Это письмо Боба Вильсона. Впрочемъ, вотъ образчикъ; потрудитесь сравнить, господа!

Образчикъ и строки бювара имѣли такое сходство, что всякое колебаніе было невозможно: оба письма, несомнѣнно, вышли изъ-подъ пера Боба Вильсона. Онъ—убійца Редона!

Теперь прокуроръ былъ убѣжденъ. Если компаньоны Красной Звѣзды хотѣли умертвить репортера, то значитъ, какъ подтверждало и письмо, онъ зналъ слишкомъ многое. Убѣжденный въ невинности Леона Фортена, онъ горячо взялся за розыскъ настоящихъ виновниковъ преступленія и потому сдѣлался для послѣднихъ опасенъ. Въ этомъ не было больше никакого сомнѣнія.

Дрожащимъ отъ волненія голосомъ прокуроръ обратился къ журналисту и его помощнику:

— Ваша храбрость и изобрѣтательность, дорогой Редонъ, вмѣстѣ съ терпѣніемъ и ловкостью мистера Тоби, дадутъ пере-

вѣсъ справедливости. Благодаря вамъ, ошибка будетъ исправлена, а невинный получитъ свободу и оправданіе. Мнѣ остается теперь только сообщить слѣдователю все, что я самъ узналъ! Надѣюсь, что вы не откажетесь мнѣ помочь?

— О, всѣми силами! — отвѣчалъ журналистъ.—Вотъ документы, добытые англійской полиціей и довѣренные мнѣ Мельвилемъ. Вы прочтите ихъ... это поразительно. А теперь нельзя ли мнѣ свободно сообщаться съ Фортеномъ, сдѣлавшимся для меня еще дороже, благодаря несчастью? Я хотѣлъ бы сообщить ему хорошія извѣстія, осушить слезы стариковъ-родителей.

— Я сейчасъ возвращаюсь въ Версаль, увижу вашего друга и сообщу ему всю правду!

— Благодарю, дорогой другъ, благодарю отъ всей души!

— Вы взволнованы, отдохните до завтрашняго полдня, а тогда пріѣзжайте въ Версальскій судъ!

— Не премину это сдѣлать.

— И вы также, мистеръ Тоби?

— Да, сударь, по приказу своего начальника, старшаго агента Мельвиля, я остаюсь съ мистеромъ Редономъ. Я очень радъ повиноваться его приказанію и, увидите, я буду вамъ очень полезенъ. Прежде всего, мнѣ выгодно взглянуть на негодяевъ, которые, такимъ образомъ, не будутъ имѣть возможности приблизиться къ вамъ. Потомъ, увидя съ вами сыщика англійской полиціи, они поймутъ, что открыты, и могутъ лишиться свободы. Тогда они быстро оставятъ Францію, гдѣ имъ будетъ слишкомъ рискованно оставаться.

— Это похоже на правду, мистеръ Тоби. Располагайтесь же здѣсь... вотъ комната... вы у себя... пейте, ѣшьте, а я иду въ постель!

— До завтрашняго полдня, дорогой прокуроръ! Вотъ документы... возьмите ихъ!

— Благодарю!

— Ну, что, не правъ я былъ, когда кричалъ вамъ «ловушка»?

— Да, вы были правы, и я благодарю васъ отъ всего сердца, отъ имени правосудія, какъ его представитель!

— Ба! Не стоитъ!

— Нѣтъ, стоитъ, такъ какъ вы оказали всѣмъ большую услугу, разъяснивъ намъ печальное заблужденіе. Это останется между нами, не такъ-ли?

— Даю слово!

— Я и не ждалъ иного отъ такого человѣка, какъ вы! Мы иногда ошибаемся, потому что ошибки свойственны людямъ, а мы—люди. Но мы всегда дѣйствуемъ по совѣсти и стараемся не преступить закона! До завтра!

Прокуроръ уѣхалъ. Редонъ пообѣдалъ съ аппетитомъ, легъ въ постель и уснулъ, какъ убитый.

Въ восемь часовъ Тоби вышелъ изъ дому, взялъ карету, вернулся въ отель Виндзоръ и потребовалъ разсчетъ. Получивъ его, онъ сложилъ въ маленькій сундукъ свой тощій багажъ, положилъ его въ экипажъ и вернулся въ квартиру Редона.

На улицахъ продавали второе изданіе «Вечера» (Le Soir). Разносчикъ выкрикнулъ у него подъ ухомъ: «Берите послѣднія новости... Читайте о Батиньонскомъ преступленіи... убійство капиталиста... кража пятидесяти тысячъ франковъ! Требуйте послѣднія новости!»

Тоби подумалъ:

— Пятьдесятъ тысячъ франковъ... Двѣ тысячи фунтовъ... Что, если и здѣсь замѣшана Красная Звѣзда?

Онъ купилъ газету, пробѣжалъ глазами описаніе событія и сѣлъ въ карету, промолвивъ:

— Если это преступленіе совершили компаньоны Красной-Звѣзды, то они, конечно, бѣжали. Нужно ихъ найти, а это не легко.

IX.

Тщетныя предосторожности. — Дьявольская ловкость.—Это — англійской работы. — На свободѣ.—Вознагражденіе.—Истинный другъ.— Отправимся въ Клондикъ! — Отъѣздъ въ Америку.

Убійство въ Батиньолѣ осталось навсегда тайной, и виновники его не были открыты. Совершенное съ неслыханною ловкостью и смѣлостью, оно сильно взволновало общественное мнѣ-

ніе; но парижской полиціи, несмотря на все ея искусство, не удалось открыть ни малѣйшаго слѣда преступниковъ. Только, можетъ быть, Тоби № 2 да его товарищи, агенты Мельвиля, подозрѣвали правду.

Жертвою былъ семидесятилѣтній старикъ, очень скупой, слывшій богачемъ въ кварталѣ, собиравшій драгоцѣнныя вещи и деньги. Съ нимъ жила единственная служанка, имѣвшая около шестидесяти лѣтъ, немного глухая и, по слухамъ, любившая пропустить стаканчикъ.

Въ день убійства старикъ получилъ въ Ліонскомъ кредитѣ пятьдесятъ тысячъ франковъ банковыми билетами и возвратился веселый, шелестя синими бумажками и любуясь ими, потомъ заперся въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ находился его денежный сундукъ и куда никто, кромѣ него, не входилъ, даже прислуга. Впрочемъ, онъ простиралъ свои предосторожности до чрезвычайныхъ размѣровъ и сдѣлалъ все возможное, чтобы превратить эту комнату въ неприступную крѣпость: ставни, плотно закрывавшія окна, были покрыты стальными листами и снабжены цѣлою системой запоровъ и пружинъ. Кромѣ того, входная дверь запиралась цѣпями и стальными перекладинами. Наконецъ, каждое отверстіе камина было закрыто на высотѣ человѣческаго роста, прочною рѣшеткою. Къ несчастью, хозяинъ забылъ обить желѣзомъ полъ и стѣны, тогда бы онъ жилъ въ совершенномъ металлическомъ кубѣ.

63 × Но, какъ бы то ни было, восьмого апрѣля освободилось помѣщеніе какъ разъ подъ квартирою старика, находившееся въ четвертомъ этажѣ стараго дома въ улицѣ Бурсольдъ. Какіе-то люди перевезли сюда скудную мебель, едва только гарантировавшую трехмѣсячную плату за квартиру. Они уходили и приходили въ опредѣленное время, какъ мастеровые или служащіе, и рано возвращались въ свое скромное жилище. Ночью съ діавольскою ловкостью и смѣлостью они ухитрились продѣлать отверстіе въ полу, отдѣлявшемъ ихъ жилище отъ квартиры стараго скупца. Они работали безъ всякаго шума и выполнили эту каторжную работу въ восемь ночей. Очевидно, имъ хорошо извѣстно было расположеніе комнатъ въ квартирѣ

× Но, какъ бы то ни было, восьмого апрѣля освободилось помѣщеніе какъ разъ надъ квартирою старика, находившееся въ четвертомъ этажѣ стараго дома въ улицѣ Бурсольдъ. Какіе-то люди перевезли сюда скудную мебель, едва только гарантировавшую трехмѣсячную плату за квартиру. Они уходили и приходили въ опредѣленное время, какъ мастеровые или служащіе, и рано возвращались въ свое скромное жилище. Ночью съ діавольскою ловкостью и смѣлостью они ухитрились продѣлать отверстіе въ полу, отдѣлявшемъ ихъ жилище отъ квартиры стараго скупца. Они работали безъ всякаго шума и выполнили эту каторжную работу въ восемь ночей. Очевидно, имъ хорошо извѣстно было расположеніе комнатъ въ квартирѣ старика, такъ какъ отверстіе пришлось какъ разъ надъ маленькой кладовой. На восьмую ночь они спустились въ нее.

Должно быть, старикъ услыхалъ легкій шумъ, потому что всталъ и взялъ спичку, найденную потомъ въ его рукѣ.

Тогда воры ворвались въ его комнату, схватили его, задушили и бросили на коверъ, сами же кинулись къ денежному сундуку. Не употребляя напрасно своего лома, они пробили металлическую стѣнку при помощи стального наконечника, прилаженнаго къ маленькому коловороту съ зацѣпками,—чудо механики,—а сдѣлавъ одно отверстіе, принялись за второе, потомъ замѣнили коловоротъ маленькимъ ручнымъ буравомъ, снабженнымъ пилой. Мало-по-малу, менѣе чѣмъ въ два часа, они получили въ двери широкое круглое отверстіе на уровнѣ замка. Однако, имъ не удалось вырвать механизмъ послѣдняго; тогда одинъ изъ нихъ запустилъ руку и вытащилъ связку въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, находившуюся сверху. Удовольствовались ли они такой добычей? Не услыхали ли они какого-нибудь подозрительнаго шума вблизи?—неизвѣстно, но только они не могли или не поспѣли продѣлать отверстія съ другой стороны денежнаго сундука.

Поднявшись въ свою квартиру, они перемѣнили одежду и покинули помѣщеніе въ три часа утра.

Служанка ничего не слыхала. Въ шесть часовъ она постучалась къ хозяину, дверь комнаты котораго была по обыкновенію наглухо закрыта. Въ восемь часовъ она опять подошла къ двери, испугалась, спустилась къ привратнику и попросила его привести полицейскаго.

Убійство было обнаружено, равно какъ и покража. Но по-

подозрѣній ни на кого не пало. Одинъ Тоби предвидѣлъ истину. Онъ могъ добыть отъ французскихъ агентовъ нѣкоторыя разъясненія, видѣлъ улики и сказалъ Редону:

— Это—англійская работа! Ваши французскіе бандиты не имѣютъ такихъ совершенныхъ приборовъ!

— Очень возможно, Тоби,—съ важностью отвѣчалъ журналистъ,—впрочемъ, у меня нѣтъ національнаго самолюбія!

Англійскій агентъ при помощи своего товарища началъ розыски, но они ни къ чему не привели.

Пришлось вывести заключеніе, что убійцы покинули Францію, увезя съ собою и пятьдесятъ тысячъ франковъ, предметъ ихъ преступныхъ вожделѣній. Кромѣ того, агентъ заявилъ журналисту и его друзьямъ:

— Я сильно ошибаюсь, если вы не сбиты съ толку дѣятелями Красной Звѣзды. Думаю даже, что эти два злодѣя уѣхали, какъ и предупреждали, въ Клондикъ—ловить въ мутной водѣ милліоны. Въ ихъ рукахъ былъ основной капиталъ, необходимый для начала предпріятія, пятьдесятъ тысячъ франковъ, добытыхъ преступленіемъ!

— Но тогда ихъ было бы легко арестовать въ Гаврѣ или Ливерпулѣ, на пути въ Америку?..

— Они слишкомъ хитры, чтобы сѣсть на французскій или англійскій пакетботъ. Я думаю, они уже достигли границы, бельгійской или германской, и продолжаютъ путь въ Антверпенъ или Бременъ. Ахъ, еслибъ я могъ быть разомъ въ двухъ, трехъ мѣстахъ!

— Ну, поѣзжайте сами въ Бременъ, а своего товарища отправьте въ Антверпенъ.

— Я не смѣлъ просить васъ объ этомъ!—сказалъ агентъ, зрачки котораго заблестѣли.—Я вѣдь имѣю приказъ наблюдать за вами!

— Благодарю, мой Тоби, я теперь самъ себя могу охранить и защитить. Не бойтесь ничего и посылайте каждый день извѣстія!

Когда оба агента уѣхали, Редонъ вернулся въ Версаль и подоспѣлъ какъ разъ къ освобожденію Леона Фортена. Несчастный плѣнникъ, содержавшійся до тѣхъ поръ очень сурово, очутился на свободѣ, ничего не понимая, какъ и въ день своего ареста.

Его выпустили изъ заключенія, точно такъ же, какъ и аре-

— СТОВАЛИ, БЕЗ ВСЯКИХ РАЗЯСНЕНИЙ. ОН СНАЧАЛО НЕ УЗНАВАЛ СВОЕГО ВЕРНОГО ДРУГА РЕДОНА, С ЕГО БОРОДОЙ, БЕДНОСТЬЮ И ОСТАТКОМ ЛЕХОРАДОЧНОГО БЛЕСКА В ГЛАЗАХ.

«На половинѣ пути возвышается скала, покрытая снѣгомъ»...
(къ стр. 75).

По дорогѣ въ Мезонъ-Лафит В МЕЗОН-ЛАФИТ РЕДОН РАЗКАЗАЛ ВКРАТЦЕ своему другу все, что произошло, СКРОМНО ПРИПИСАВ СЕБЕ только незначительную долю хлопот ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЕГО

Когда они достигли дома, Леонъ ОТКРЫЛ ДВЕРЬ, ВЛЕТЕЛ въ комнату вихремъ и, увидѣвъ мать, ПРОТЯНУЛ К НЕЙ РУКИ, крича сквозь слезы:

— Мама!.. бѣдная моя мама!

Старушка обняла его, проронивъ разбитЫМ ГОЛОСОМ

— Мальчикъ мой, дорогой... наконецъ-то.. МЫ НЕ ЖИЛИ... разлученные съ тобою... несчастный... обвиненНЫЙ В ТАКОМ преступленіи!.. О, эти судьи!.. тебя... саму доброту, ЧЕСТНОСТЬ... тебя подозрѣвать!..

Онъ вырвался изъ объятій матери и кинулся на ГРУДЬ К отцу, который блѣдный, почти бездыханный не произнеСИЛ ни слова, а только плакалъ, какъ ребенокъ.

Только послѣ этого Леонъ и его другъ замѣтили двухъ молодыхъ людей, поднявшихся къ нимъ на встрѣчу. Это были: прекрасная дѣвушка въ глубокомъ траурѣ, растроганная и не пытавшаяся сдерживать слезъ, и ея братъ.

Въ то время, какъ Поль Редонъ пожималъ руки стариковъ, знавшихъ, какое участіе онъ принималъ въ освобожденіи ихъ сына и не находившихъ достаточно словъ, чтобы отблагодарить, Леонъ съ восхищеніемъ вскричалъ:

— Мадемуазель Грандье! Вы здѣсь? О, да благословитъ васъ Богъ за это!

— Милостивый государь,—сказала та съ достоинствомъ,— такъ какъ роковая судьба соединила ваши страданія съ нашими, какъ имѣющія одинаковое происхожденіе, то мы съ братомъ желали первые, послѣ вашихъ родителей, засвидѣтельствовать вамъ свое уваженіе!

Растроганный, забывшій всѣ пытки заключенія, всѣ оскорбленія толпы, онъ горячо пожалъ протянутыя руки молодой дѣвушки и ея брата

— А что у васъ новаго, мадамъ Фортенъ?—спросилъ Редонъ.

— Плохія новости, на насъ всѣ указываютъ пальцемъ, такъ что нельзя выйти на улицу. Потомъ бѣдный нашъ ЛЕОН

потерялъ свою должность въ Сорбоннѣ. Вотъ письмо, извѣщающее объ этомъ!

— Ахъ, — съ горечью сказалъ Леонъ, — даже судебная ошибка не проходитъ даромъ! Теперь я безъ должности, имѣю массу враговъ. Что дѣлать, Боже мой, что дѣлать?

— Покинуть отечество,—посовѣтовалъ Редонъ,—устроиться какъ можно лучше за границей и отплатить презрѣніемъ за презрѣніе!

— Но я бѣденъ, а мои родители тоже не имѣютъ средствъ!

— Это устроить очень легко! — возразилъ журналистъ,— ну-съ, папа Фортенъ, сколько вамъ нужно въ годъ, чтобы прожить прилично?

— Я не знаю, право!—робко заявилъ тотъ.

— Ну, вотъ: у меня есть на берегу моря, въ моей дорогой Бретани, — такъ какъ я бретонецъ, — прелестный домикъ съ садомъ. Вы поселитесь въ немъ и будете тамъ сажать овощи... жизнь тамъ дешевая... довольно ста франковъ въ мѣсяцъ!

— Но, дорогой Поль...—прервалъ Леонъ.

— Что ты хочешь отъ своего дорогого Поль? Я твой компаньонъ, не такъ-ли? Мы оснуемъ, если ты хочешь, общество. Я внесу капиталъ, ты—свой умъ и твои техническія познанія, матеріальная жизнь твоихъ родителей обезпечена частью капитала.

— Я перестаю понимать!

— Изволь, объясню: тебѣ нужно пятьдесятъ тысячъ франковъ, чтобы сдѣлать карьеру въ Клондикѣ, не какъ Красной Звѣздѣ, конечно. Я тебѣ даю эту сумму, такъ какъ увѣренъ, что эти пятьдесятъ тысячъ франковъ принесутъ намъ болѣе пятидесяти милліоновъ! Значитъ, я сдѣлаю выгодное дѣло! Впрочемъ, мы отправимся вмѣстѣ въ Клондикъ, такъ какъ жизнь здѣсь по справедливости невесела.

— Итакъ, рѣшено, мы ѣдемъ наживать капиталы?

— Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, и я думаю, что съ помощью твоей выдумки милліоны быстро потекутъ въ наши руки. Вѣроятно, тамъ мы встрѣтимъ и злодѣевъ, которые подъ именемъ Красной Звѣзды совершили столько преступленій, принесли

столько горя. Я очень бы не прочь отплатить имъ тою же монетой и испробовать надъ ними мщеніе краснокожаго.

Братъ Марты поднялся при этихъ словахъ и, дрожа отъ гнѣва, произнесъ:

— Господа, они убили моего отца, возьмите меня съ собою, чтобы отомстить за него!

— Хорошо, молодой мой другъ!—съ горячностью отвѣчалъ журналистъ.—Сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцать, но, клянусь, я по храбрости не уступлю взрослому!

— Въ 1870 году многіе юноши вашихъ лѣтъ были неустрашимыми солдатами. Вы ѣдете съ нами!

— Благодарю, вы не раскаетесь. Что касается сестры, то...

— Она не покинетъ тебя, другъ мой! — прервала молодая дѣвушка, вставая въ свою очередь.

— Какъ, мадемуазель!?—вскричалъ Леонъ,—вы рѣшаетесь подвергнуть себя пыткамъ ледяного ада, лишеніямъ, холоду, ужасному, мертвящему холоду?!..

— Нашъ покойный отецъ завѣщалъ отомстить убійцамъ, и я буду вездѣ преслѣдовать ихъ. Я не боюсь ледяного ада, не побоюсь, если нужно, и Сахары, я перенесу самыя страшныя страданія, даже самую смерть, безъ колебанія, безъ сожалѣнія, безъ жалобъ!

Все это сказано было спокойно, съ холодною рѣшимостью человѣка, не желающаго раздумывать.

Чувствовалось, что подъ нѣжною кожею дѣвушки кипитъ горячая кровь, а въ сердцѣ ея—отвага героя. Оба друга почтительно склонились, не будучи въ силахъ устоять передъ такою энергіей.

Тогда молодая дѣвушка продолжала.

— Будьте увѣрены, я не помѣшаю. Бѣдный отецъ какъ будто предчувствовалъ и воспиталъ меня по-американски. Я сильна, пріучена къ трудностямъ, занималась всевозможными видами спорта. Я буду для васъ спутникомъ, берущимъ на себя часть работы и опасности. Наконецъ, у насъ есть небольшія деньги, остатки прошлаго величія, около десяти тысячъ

франковъ. Это нашъ съ братомъ пай въ ваше предпріятіе. Такимъ образомъ мы сдѣлаемся вашими компаньонами, не такъ-ли?

— Мадемуазель,—почтительно отвѣчалъ журналистъ,—для насъ ваши желанія—законъ! Теперь послѣднее слово! Надо приготовиться къ отплытію въ Америку въ теченіе недѣли!

— Но мы готовы! — въ одинъ голосъ отвѣчали братъ и сестра.

— Чудесно! А ты, Леонъ?

— Мнѣ надо три дня, чтобы устроить буссоль!

— Рѣшено! Я съ своей стороны жду важнаго извѣстія, которое разсчитываю получить не раньше сорока восьми часовъ. Отъ этого зависитъ время нашего отъѣзда! Я сообщу вамъ его тотчасъ по полученіи.

. . . .

Марта съ братомъ вернулись на виллу Карменъ, которую они вскорѣ должны были покинуть навсегда. Леонъ Фортенъ заперся въ своей маленькой лабораторіи и съ увлеченіемъ отдался работѣ. Старики Фортенъ, удрученные мыслью о близкой разлукѣ съ сыномъ, но, сознавая ея неизбѣжность, готовились къ отъѣзду въ Бретань. Поль Редонъ, возвратившійся въ Парижъ, накупилъ книгъ объ Аляскѣ и Клондикѣ, приготовлялъ сундуки.

Такимъ образомъ прошли двое сутокъ. Редонъ началъ уже волноваться, какъ вдругъ получилъ телеграмму. Онъ заперъ сундуки и въ омнибусѣ Западной Компаніи отправилъ ихъ на станцію St. Lazar. Самъ же, давъ необходимыя инструкціи ключницѣ, пѣшкомъ отправился на вокзалъ Западной дороги. На пути встрѣтился ему товарищъ и спросилъ:

— Вы уѣзжаете?

— Въ Мезонъ-Лафитъ!—отвѣчалъ онъ.

Къ ночи Редонъ прибылъ туда. Въ ожиданіи его здѣсь собрались, предупрежденные депешей: Марта Грандье, ея братъ и Леонъ Фортенъ съ родителями. Каждый чувствовалъ, что рѣшительная минута наступила. Послѣ обычныхъ привѣтствій Редонъ вынулъ изъ кармана телеграмму и прочелъ:

«Бременъ, четвергъ, 5 мая 1898 года, 2 часа. Компаньоны

Красной Звѣзды сегодня утромъ сѣли на пакетботъ «*Императоръ Вильгельмъ*», отправляющійся въ Нью-Іоркъ, потомъ въ Канаду и Клондикъ. Уѣзжаютъ въ полдень. Я поѣду тоже и буду слѣдить за ними до конца. Адресовать письма —Силька-Ванкуверъ, потомъ Доусонъ-Сити. Тоби № 2».

— Поняли? — спросилъ Редонъ, — нѣтъ, конечно! Сейчасъ объясню!—и онъ подробно передалъ имъ свои приключенія, начиная съ того момента, когда онъ дѣлалъ отпечатки ногъ убійцъ въ саду улицы св. Николая, до того какъ увидѣлъ Леона Фортена въ Версалѣ на свободѣ.

Когда все было выяснено, сообщены всѣ свѣдѣнія относительно Красной Звѣзды, онъ прибавилъ:

— Теперь четвергъ, вечеръ, 6-е мая. Завтра съ утреннимъ поѣздомъ мы отправляемся въ Гавръ, въ шесть часовъ.

— Въ приливъ снимаемся съ якоря и впередъ! Въ Америку, куда зоветъ насъ мщеніе и богатство!

———

ЧАСТЬ II.

ГНѢЗДО САМОРОДКОВЪ.

I.

Страна Золота. — Золотая лихорадка. — Рудокопы передового отряда. — Огильви. — Безкорыстіе. — Нищета и милліоны. — На приступъ. — Вторженіе. — Много званныхъ.

Два года тому назадъ географы не знали даже имени Клондика, этого скромнаго ручья, притока громадной рѣки ледяной страны, Юкона, катящей свои воды по вѣчно мерзлой почвѣ Канады и Аляски.

Въ настоящее время всѣ знаютъ и повторяютъ это имя, по созвучію происходящее отъ индѣйскаго слова «Тронъ-Дюнкъ», означающаго «много рыбы». Клондикъ теперь полонъ золота!.. золота до пресыщенія!.. золота въ изобиліи!

Это—эльдорадо страны снѣговъ, таинственное мѣсто, гдѣ должна находиться громадная золотая сокровищница... золотой мѣшокъ... «*мать золота*», какъ говорятъ рудокопы. le Big lump of Gold («большая груда золота») американцевъ, открытіе которой повело бы къ паденію стоимости золота во всемъ свѣтѣ. Но Клондикъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ также ледяной адъ, гдѣ дрожатъ отъ золотой лихорадки, гдѣ носятся въ воздухѣ алчныя желанія, гдѣ мечется отчаяніе, гдѣ гибнутъ въ ничтожествѣ умы, пораженные безуміемъ.

Да, ледяной адъ, гдѣ свирѣпствуютъ страшные холода въ сорокъ пять, пятьдесятъ и пятьдесятъ пять градусовъ ниже

нуля, гдѣ скалы трескаются съ громовымъ шумомъ, гдѣ мясо рубятъ топоромъ, сало и масло пилятъ пилой, гдѣ ртуть доходитъ до плотности свинца, гдѣ жизнь кажется невозможною, и гдѣ во время безконечныхъ мѣсяцевъ полярной ночи работаютъ, какъ бѣшеные, люди, стекшіеся отовсюду въ поискахъ за золотомъ.

Уже два года близъ мѣста, гдѣ скрещивается шестьдесятъ четвертая сѣверная параллель съ сто сорокъ вторымъ западнымъ меридіаномъ отъ Парижа, люди всѣхъ племенъ, говорящіе на всевозможныхъ языкахъ, охваченные одинаковой алчностью, бьютъ кирками мерзлую почву, заключающую золотыя зерна.

17 іюля 1897 года судно *Портландъ*, возвращаясь изъ Клондика, доставило въ Санъ-Франциско шестьдесятъ рудокоповъ. Истощенные, оборванные, истомленные путемъ, эти люди, казалось, подвергались всѣмъ болѣзнямъ, какія только можетъ вынести человѣческій организмъ. Всѣ они сгибались подъ тяжестью сундуковъ, мѣшковъ и всякихъ причудливо завязанныхъ тюковъ, которыхъ не хотѣли никому довѣрить. Они остановились въ Моннэ, и здѣсь, передъ воротами, раскрыли свои тюки. Тамъ были слитки и золотой песокъ. По взвѣшиваніи, оказалось около двухъ тысячъ килограммовъ... сто двадцать тысячъ долларовъ!.. шесть милліоновъ франковъ! ($2^1/_2$ милл. рублей).

Они обмѣняли золото на деньги и богатые, или по крайней мѣрѣ обезпеченные отъ нужды, собирались опять эксплоатировать участки, которыхъ были концессіонерами. На вопросъ, откуда они пришли, получился отвѣтъ: «изъ Клондика».

Они разсказали о своихъ мученіяхъ, о зимѣ, проведенной въ палаткѣ при 55 градусномъ морозѣ, объ ужасномъ трудѣ, о смерти товарищей...

— Да!.. да!.. это такъ... но золото?

— Золото?.. оно тамъ вездѣ!

И это была правда.

Эти люди привели въ лихорадочное состояніе цѣлый городъ. Новость распространилась быстро, достигла Канады, Соединенныхъ Штатовъ, береговъ Атлантическаго океана, старой Европы... цѣлаго свѣта. Въ нѣсколько дней имя Клондика и его притоковъ сдѣлалось популярнымъ. Рудокопы окрестили ихъ: Юнкеръ (Hunker), Биръ (Bear), Эльдорадо, Бонанза, — это наиболѣе извѣстныя, особенно изобилующія золотомъ мѣста.

Организованы были экспедиціи, намѣчены склады, чуть не будущіе города, гдѣ устраивался запасъ необходимыхъ предметовъ: одеждъ, орудій, провизіи. Потомъ суда, нагруженныя людьми, скотомъ, собаками, инструментами, припасами стали отплывать то изъ Ванкувера, то изъ Санъ-Франциско.

Негоціанты, ковбои, пасторы, хористы, земледѣльцы, авантюристы, промышленники, моряки, ремесленники, всѣ превратились въ рудокоповъ и присоединились къ піонерамъ.

Между ними находился В. Кормакъ, опытный золотоискатель. Онъ грезилъ о золотѣ подъ полярнымъ кругомъ, скитаясь въ теченіе двадцати лѣтъ, весь охваченный лихорадочными поисками, и не терялъ мужества, несмотря на неудачи. Неутомимо копалъ онъ мерзлую почву, гдѣ кое-гдѣ попадались ему золотыя зерна.

Въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ отъ него, на югѣ, трудилась другая группа рудокоповъ; ихъ было около тысячи и лагерь назывался Форти-Миль (Forty-Mile). Привлеченные индѣйскими легендами, они въ дѣйствительности очень мало находили золота и жили весьма скудно.

Въ августѣ мѣсяцѣ Кормакъ, работая вмѣстѣ съ деверемъ своимъ, индѣйцемъ, намылъ золота на три сотни франковъ. Удивленный, онъ набралъ еще земли, и опять намылъ на четыреста франковъ. Въ теченіе двухъ дней ему удалось добыть золота на сумму семи тысячъ франковъ, а розсыпь, казалось, нисколько не истощалась, и счастливый рудокопъ собралъ въ недѣлю около двадцати тысячъ франковъ; но провизія вышла вся. Онъ отправился тогда въ лагерь Форти-Миль; купилъ сала, муки и картофеля, сообщилъ нѣкоторымъ товарищамъ о своемъ богатствѣ и уѣхалъ обратно.

Послѣдніе въ числѣ дюжины, не колеблясь, послѣдовали за

нимъ и прибыли на берегъ ручья, названнаго Кормакомъ «Эльдорадо». По обычаю рудокоповъ они раздѣлили землю на участки въ семьдесятъ шесть метровъ каждый и лихорадочно принялись за работу.

Первые результаты были головокружительны: никогда еще рудокопы, даже въ сказочныя времена Калифорніи или Австраліи, не видѣли подобнаго богатства. Двое изъ близкихъ пріятелей Кормака, старый Жонъ Казей (John Casey) и молодой Клarencъ Берри (Clarence Berry) вступили въ товарищество. У послѣдняго была граціозная и миніатюрная жена, распустившійся цвѣтокъ, роза сѣвера среди снѣговъ.

Всѣ трое, при усердной помощи мадамъ Берри, добыли въ двѣнадцать дней сорокъ тысячъ франковъ изъ отверстія около трехъ метровъ высотою.

Четверо другихъ товарищей, Жой Макъ-Найтъ (Joë Mac-Knight), Дугласъ, Фиръ и Гартманнъ оказались еще болѣе счастливыми: въ теченіе трехъ недѣль они намыли золота на сто двадцать тысячъ франковъ.

Двое молодыхъ людей, Ридъ (Reed) и Лерминьс, сдѣлали открытіе, почти безпримѣрное въ лѣтописяхъ рудокоповъ. Они въ двѣ недѣли извлекли изъ отверстія въ восемь метровъ триста тысячъ франковъ!

Наконецъ, охотникъ мѣховой компаніи изъ Санъ-Луи, работая одинъ, намылъ тридцать шесть тысячъ франковъ въ восемнадцать часовъ.

Всѣ эти люди, до тѣхъ поръ намывавшіе по пяти, десяти су, казалось, обезумѣли. Они не пили, не ѣли, не спали, настолько ихъ нервы были возбуждены лихорадочной работой.

Какъ и у Кормака, однако, у нихъ вышла вся провизія, такъ что явилась необходимость отправиться въ Форти-Миль. При видѣ мѣшковъ, наполненныхъ золотыми зернами, тысяча сто рудокоповъ слишкомъ, какъ одинъ человѣкъ, отправились въ Эльдорадо, захвативъ все, что могли.

Тогда канадецъ, Жозефъ Леду, владѣвшій пильной мельницей на рѣкѣ Сиксти-Миль (Sixty-Mile), перенесъ свою мельницу на новое мѣсто, туда, гдѣ Клондикъ сливается съ Юко-

номъ. Черезъ два года здѣсь лежалъ уже цѣлый городъ съ тридцатью тысячами жителей, Доусонъ-Сити (Dawson-Sity).

Однако, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ наплыва народа въ Клондикъ явились раздоры между поселенцами, соперничество, убійства. Къ счастію, межевщикъ канадскаго правительства, Вильямъ Огильви (William Ogilvie) находился неподалеку, во главѣ группы топографовъ, посланныхъ опредѣлить границу между Америкой и Канадой. Онъ согласился измѣрить всѣ участки, установить границы владѣній и быть нелицемѣрнымъ судьей между этими людьми, привыкшими пускать въ ходъ револьверы. Онъ одинъ сохранилъ среди всеобщей лихорадки свое хладнокровіе и даже отказался отъ богатыхъ даровъ, предложенныхъ ему за труды, заявивъ, что «государство платитъ ему жалованье за исполненіе обязанностей, а не за устройство собственнаго матеріальнаго довольства».

Такой поступокъ снискалъ высокое уваженіе этому человѣку, рѣшенія котораго стали почитаться закономъ. Онъ одинъ заставлялъ уважать права другихъ и могъ установить порядокъ между этими сумасшедшими.

Между тѣмъ золотоискатели, разсѣявшіеся было по обширнымъ пустынямъ Аляски и влачившіе тамъ жалкое существованіе, все больше наводняли Клондикъ.

Сколько ужасныхъ тайнъ породила эта погоня за золотомъ! Руководствуясь буссолью, въ ужасную полярную ночь, они шли черезъ снѣга, таща сани, питаясь замороженнымъ мясомъ собакъ, когда сало выходило, подвергаясь страшнымъ холодамъ, принужденные спать на снѣгу. Сколько погибло ихъ въ это время ужасною смертью! Но зато какъ награждены были тѣ, что побѣдоносно вышли изъ грознаго испытанія!

Зима прошла среди лишеній и сверхчеловѣческаго труда. Большинство жило въ снѣговыхъ хижинахъ или въ палаткахъ изъ шерстяной ткани. Впрочемъ, неумолимая золотая лихорадка воспламеняла ихъ кровь, сжигала тѣло, держала въ пламени весь организмъ до мозговъ и дѣлала нечувствительнымъ къ холоду. Весною уѣхала партія въ шестьдесятъ пять рудо-

коповъ, почувствовавшихъ себя достаточно богатыми, чтобы позволить себѣ нѣкоторый отдыхъ.

Это были пассажиры *Портланда*, прибытіе которыхъ въ Санъ-Франциско произвело извѣстное уже читателю волненіе.

Мѣсяцъ спустя *Эксельсіоръ* привезъ шесть милліоновъ долларовъ (12 милл. рублей) и вторую партію рудокоповъ въ шестьдесятъ человѣкъ. Среди нихъ былъ калифорніецъ Берри и его неустрашимая подруга. Берри собралъ за зиму на восемьсотъ тысячъ франковъ золотой пыли и зеренъ и пріобрѣлъ участокъ, стоющій болѣе пяти милліоновъ.

Его товарищъ Балти (Balty) привезъ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ; Жозефъ Леду, основатель Доусонъ-Сити,— пятьсотъ тысячъ.

Канадцы съ именами, похожими на французскія: Дефонтенъ, Мишо, Бретонне, Деповвиле, Бержеронъ, Жильбертъ прибыли владѣльцами до полу-милліона!

Работа десяти мѣсяцевъ!

Многіе еще составили себѣ состояніе. Тогда-то началась горячка. Со всѣхъ сторонъ стекались жаждущіе золота, бравшіе буквально приступомъ пароходы. Они отправлялись на поиски безъ провизіи, не обращая вниманія на ужасный климатъ, гдѣ съ октября рѣки промерзаютъ и затрудняется снабженіе провіантомъ.

Несчастные безумцы со всѣхъ сторонъ являлись на штурмъ страны льдовъ, терпя голодъ, холодъ, смерть и переступая черезъ замороженные трупы, устлавшіе снѣговую почву.

Была зима, а они все шли.

Отовсюду прибывали новые безчисленныя партіи.

Пароходы останавливались въ Скагай (Skaguay) или въ Дика (Dyca).

Отъ послѣдняго пункта до Беннета, гдѣ начинается правильный санный путь, считается пятьдесятъ километровъ. На половинѣ пути возвышается скала, высотою въ 1,068 метровъ, покрытая снѣгомъ, на вершину которой взбираются по дорожкѣ,

протоптанной козами*). Ни собаки, ни лошади, ни мулы не могутъ тамъ карабкаться, словомъ, ни одно животное, кромѣ человѣка.

Навьюченные поклажею около 4 пудовъ вѣсомъ каждый, согнувъ спины, съ разбитыми поясницами и подбородкомъ, чуть не касающимся колѣнъ, будущіе милліонеры усердно взбираются по тропинкѣ, цѣпляясь пальцами рукъ и ногъ, пыхтя, ворча, проклиная и все-таки медленно подвигаясь впередъ. Ихъ около тысячи взбирается разомъ; какъ муравьи движутся они черной лентой, отчетливо виднѣющейся на бѣломъ снѣжномъ покровѣ. Изнуренные до крайности, испускающіе пары, какъ кипящій котелъ, достигаютъ они вершины. Тогда рѣзкимъ движеніемъ сбрасываютъ они съ плечъ ношу, и она скатывается далеко внизъ. За первымъ тюкомъ слѣдуетъ другой, потомъ третій и т. д., по числу забравшихся людей. Внизу все это смѣшивается, иныя вещи на половину зарываются въ снѣгъ.

Такимъ образомъ скатывается до тысячи килограммовъ съѣстныхъ припасовъ и пожитковъ, необходимыхъ рудокопу въ теченіе года.

Иные раздѣляютъ свой тюкъ на десять маленькихъ, которые постепенно доставляютъ на вершину и спускаютъ внизъ. Такимъ образомъ, десять разъ повторяется страшно опасный маневръ! Это мѣсто называютъ переходомъ Чилкотъ. Затѣмъ поклажа разбирается и нагружается на сани, которыя бичевою тянутъ собаки и люди вмѣстѣ.

Ужасна эта дорога при леденящемъ вѣтрѣ, поднимающемъ цѣлую снѣжную бурю! А привалъ несчастныхъ, старающихся укутаться потеплѣе, чтобы заснуть и проснуться потомъ наполовину замерзшими?!

Отъ озера Беннета до Доусона-Сити считается пятьсотъ километровъ. Это разстояніе пароходы проходятъ въ пять дней въ концѣ весны, когда воды свободны отъ льда. Въ разгарѣ же зимы для этого надо по крайней мѣрѣ двадцать пять дней. А

*) Эти подробности заимствованы изъ Revue-Klondike, издатель котораго, Жанъ Ламаръ, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ золотоискателей въ Клондикѣ и въ бассейнѣ Юкона.

какъ мучительно тяжело путешествіе это при подобныхъ условіяхъ!

Само Вашингтонское правительство и пароходное начальство смущается часто и телеграфируетъ своимъ агентамъ въ Санъ-Франциско и Ванкуверъ:

«Задержите отъѣздъ... остановите рудокоповъ... Скажите, чтобы дожидались весны».

Но пятнадцать тысячъ любителей легкой наживы вопили: «Мы хотимъ ѣхать!.. Вотъ деньги... плата за проѣздъ... Насъ не имѣютъ право задерживать... Мѣсто!.. мѣсто!.. и впередъ!»

И пароходы отходили, а народъ прибывалъ, все болѣе изступленный, и замерзшіе трупы присоединялись къ прежнимъ, устилавшимъ горестную дорогу. Ничто не могло остановить этого безумія, этой алчности, этой дьявольской погони за милліонами. Мученики «ледяного ада» падали, умирали, но, несмотря ни на что, число ихъ все увеличивалось. Впрочемъ, впослѣдствіи, когда первое волненіе, произведенное вѣстью о клондикскомъ золотѣ, прошло, приняты были нѣкоторые мѣры для поддержанія порядка и предохраненія несчастныхъ отъ гибели: образовались общества для упорядоченія прибытія и отправленія золотоискателей, въ газетахъ и журналахъ стали появляться различные путеводители съ полезными совѣтами, перечисленіемъ необходимыхъ въ тѣхъ краяхъ предметовъ и обозначеніемъ ихъ стоимости, съ нѣкоторыми свѣдѣніями о мѣстныхъ требованіяхъ гигіены, и важнѣйшими географическими указаніями. Были также приняты мѣры къ облегченію трудностей ужаснаго перевала черезъ Чилькотъ. Были даже попытки устроить зубчатую желѣзную дорогу, въ ожиданіи постройки настоящей желѣзнодорожной линіи, проведенной два года спустя черезъ Вайтъ-Пассъ, проходъ, сосѣдній съ Чилькотомъ.

Однако, въ ожиданіи болѣе удобныхъ путей сообщенія, и бѣдные, и богатые, и сильные, и слабые,—словомъ, всѣ рѣшавшіеся на это путешествіе зимою, принуждены были выносить безчисленныя мученія и трудности, чтобы въ концѣ концовъ умереть мучительной и страшной смертью среди этого «ледяного ада». Тѣ же, что были достаточно разумны, чтобы дождаться весны, совершали это путешествіе водою быстро и даже пріятно.

II.

Впечатлѣнія лицеиста.—Новые друзья.—Канадецъ и его дочь.—Что слѣдуетъ запасать, отправляясь въ Клондикъ.—Лѣтнее путешествіе.—Отъ Ванкувера до Скагуай.—Перевалъ Мертваго коня.—Отъ Скагуай до озера Беннеттъ.—На пути въ Доусонъ-Сити.

— Ну, что вы скажете объ истекшихъ двухъ недѣляхъ?—спросилъ Редонъ молодого лицеиста.

— Это какой-то сонъ, какая-то феерія!—отвѣчалъ тотъ,—я положительно восхищенъ! Этотъ неожиданный отъѣздъ изъ Гавра, прекрасный переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ, недѣля въ Нью-Іоркѣ, затѣмъ Монреаль, путешествіе по Канадско-Тихоокеанской ж. д. и, наконецъ, Ванкуверъ!!. Мнѣ просто даже не вѣрится, что все это не сонъ, а дѣйствительность!

— Да, да, Жанъ правъ,—хоромъ воскликнула вся маленькая компанія,—всѣ мы того же мнѣнія, что это путешествіе прелестно!

Двое постороннихъ, прислушивавшихся къ ихъ восторженнымъ возгласамъ, привѣтливо улыбнулись. То былъ громаднаго роста человѣкъ, плечистый и старый, съ яснымъ, свѣтлымъ взглядомъ и крупными грубоватыми чертами лица, носившаго на себя отпечатокъ недюжинной энергіи, чистосердечія и удивительнаго добродушія. На видъ ему можно было дать не болѣе 35 лѣтъ, хотя въ сущности было полныхъ 45, если только не всѣ 50. Рядомъ съ нимъ стояла молодая дѣвушка, красивая, рослая, румяная, съ густой каштановой косой, большими синими глазами, съ кроткимъ и вмѣстѣ смѣлымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ, нѣсколько похожая на своего спутника. Очевидно, это были отецъ и дочь.

— Ну, а вамъ г. Дюшато, эти шесть сутокъ въ желѣзнодорожномъ вагонѣ не показались скучными и утомительными?

— О, нѣтъ! мы, канадцы, неутомимы, а радость встрѣчи и знакомство съ настоящими французами заставили насъ совершенно позабыть о скучномъ пути! Я увѣренъ, что и дочь моя Жанна того же мнѣнія! Вы не повѣрите, господа, какъ всѣ мы, канадцы, сердечно привязаны къ Франціи, которую, несмотря ни на что, продолжаемъ считать своею настоящей родной страной. Мы счастливы, когда судьба сталкиваетъ насъ съ людьми, прибывшими прямо оттуда, съ нашей далекой родины!

— Съ своей стороны, мы можемъ сказать, что считаемъ за счастье встрѣчу съ вами, такъ какъ отъ самаго Монреаля вы не переставали быть для насъ самымъ внимательнымъ и заботливымъ путеводителемъ, руководителемъ и совѣтникомъ, безъ котораго намъ трудно было бы обойтись,—сказалъ журналистъ.—Вы запасли для насъ и полную экипировку, и всѣ съѣстные припасы, на что безъ васъ мы потратили бы не менѣе недѣли, да и обошлось бы это намъ втрое дороже!

— Э, господа, стоитъ объ этомъ говорить! Вѣдь вы же наши земляки! Случай столкнулъ насъ въ Монреалѣ. Мы съ дочерью отправляемся въ Клондикъ, вы ѣдете туда же; мнѣ уже издавна знакома эта страна, а вы вновѣ. Какъ же мнѣ не помочь вамъ своею опытностью?!

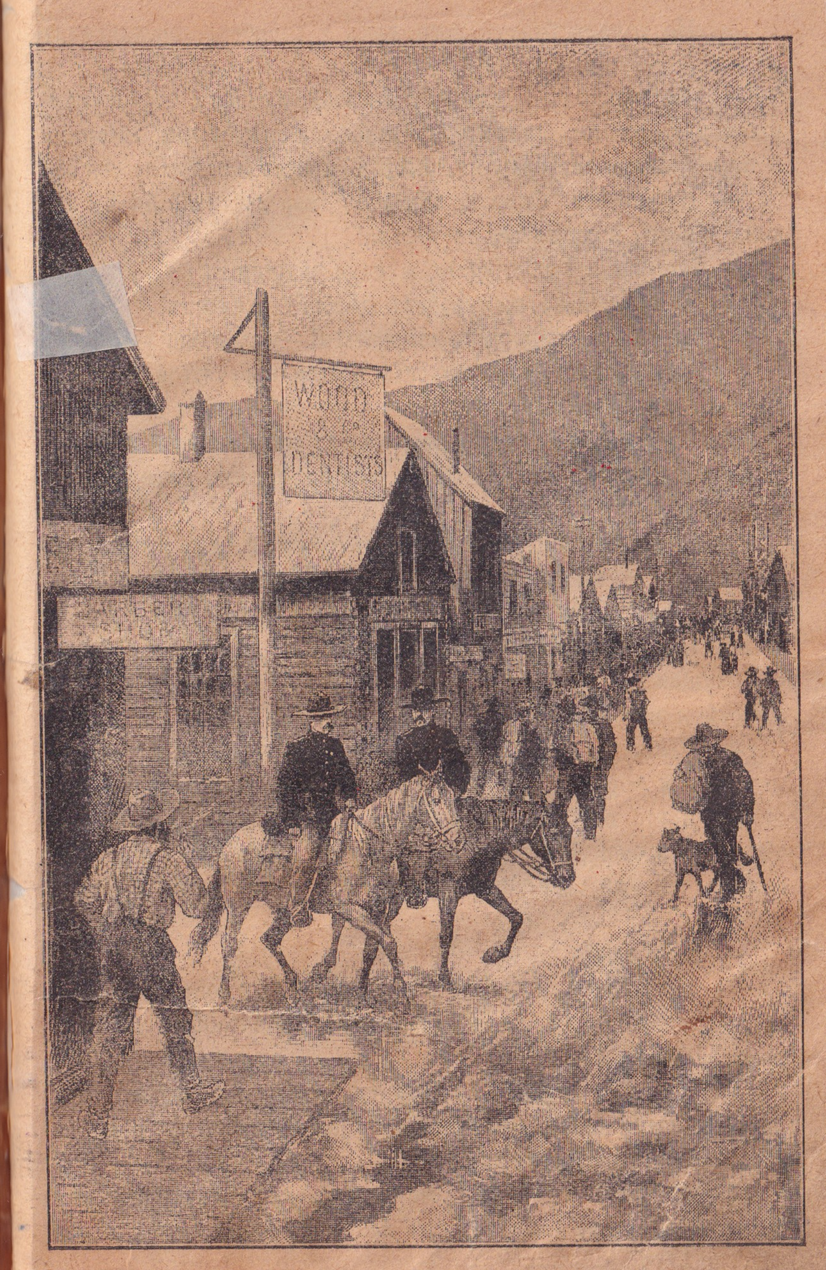
Разговоръ этотъ происходилъ въ общей столовой, откуда всѣ перешли въ комнаты, загроможденныя самыми разнородными предметами.

Громадный Ньюфаундлендъ съ умными глазами внимательно слѣдилъ за всѣми, ласково виляя хвостомъ.

— Вотъ, господа,—говорилъ канадецъ Дюшато,—вотъ это необходимая обувь для четверыхъ мужчинъ и двухъ дамъ... Шесть паръ резиновыхъ сапогъ, шесть паръ кожаныхъ, шесть паръ сапогъ, подбитыхъ гвоздями, шесть паръ лыжъ и шесть паръ мокассинъ изъ оленьей шкуры!

— И только?..

— Все это необходимо въ странѣ льдовъ и снѣговъ! А вотъ и чулки: сперва носки шерстяные, потомъ чулки пуховые, чтобы надѣвать поверхъ носковъ, и, наконецъ, мѣховые чулки, что одѣваются поверхъ всего!

«Конная полиція строго наблюдаетъ за всѣмъ»... (къ стр. 91).

— Но у насъ будутъ ноги, какъ у слоновъ!—воскликнулъ журналистъ.

— Да, конечно, будетъ толстовато, особенно, съ шерстяными кальсонами, теплыми панталонами, мѣховыми штанами и парусинными шароварами, которые придется надѣвать сверху!

— Ну, нечего сказать, завидная перспектива! Да въ такомъ нарядѣ и двигаться-то нельзя!

— Морозы здѣсь суровые, и надо защищать себя отъ холода!—наставительно проговорилъ дѣловой канадецъ.

— Ой, да я не хочу здѣсь зимовать! Я—ужаснѣйшій зябликъ!

— Что дѣлать! Здѣсь никогда нельзя поручиться за то, будешь-ли зимовать, или нѣтъ. Иной годъ здѣсь лѣто длится четыре мѣсяца, а иной годъ—два; холода могутъ застигнуть невзначай, и тогда волей - неволей нельзя будетъ двинуться съ мѣста!

— Боже правый! Что же будетъ со мной, если я такъ боюсь стужи, съ моими нервами, столь чувствительными къ ощущенію холода, при морозѣ въ 50° ниже нуля! Я и живъ не останусь!—воскликнулъ журналистъ.

Слушая всѣ эти вопли, Дюпато не могъ удержаться отъ улыбки и продолжалъ:

— Мы купили фланелевыя рубашки, шерстяныя куртки, шерстяныя верхнія одежды и, сверхъ этого, капюшоны мѣхомъ внизъ! А это вотъ мѣховые колпаки для головы. Видите, какъ тепло и удобно! Для рукъ же, которыя очень чувствительны, заготовлены по двѣ пары перчатокъ и по парѣ мѣховыхъ митень.

— И это все?

— Ахъ, нѣтъ! Еще полный комплектъ непромокаемыхъ одеждъ... Знаете, клеенокъ матросскихъ! Не забыты и каучуковые плащи.

— Но тогда потребуется канатъ, чтобы мы могли сдвинуть съ мѣста наши драгоцѣнныя тѣла, отягченныя тремя, четырьмя, пятью обертками!

— Не бойтесь, вы пойдете легко, какъ еслибъ ничего не имѣли на себѣ, полетите въ холодномъ воздухѣ съ легкостью птицъ!

Молодая дѣвушка, Леонъ и Жанъ смѣялись веселымъ смѣхомъ.

— Съ одеждами покончено,—продолжалъ канадецъ, сохраняя свою серьезность,—теперь надо немного бѣлья, платковъ и салфетокъ; затѣмъ, мѣховые мѣшки-постели, одѣяла и мѣховъ... Наконецъ, я купилъ еще двѣ печки и двѣ палатки! Видите, какъ хорошо! Это покрывала изъ просмоленнаго полотна для нашихъ тюковъ, содержащихъ отъ семидесяти до восьмидесяти фунтовъ каждый, а въ снѣгу еще есть масса вещей: кухонныя принадлежности, желѣзныя тарелки и блюда, вилки, ложки, ножи, стаканы, различные инструменты, ящики для промыванія золота, веревки, пакля, пилы, гвозди, топоры, ножницы, точильный камень, рыболовные снаряды, прекрасные багры и красивая коллекція удочекъ и бечевочекъ, нитки, иголки, булавки, шерсть, дымчатыя очки для защиты отъ снѣга, табакъ, фитиля, спички, охотничьи ножи, ружья и патроны, сѣтки отъ москитовъ и масло для нихъ.

— Въ снѣгу-то москиты?

— Теперь лѣто, сударь! Воздушная тварь, голодавшая всю зиму, не пощадитъ нашей кожи. Теперь перечислимъ съѣстные припасы; они остались въ магазинѣ, гдѣ подъ моимъ наблюденіемъ были упакованы приказчиками. Тутъ есть: пшеничная мука, овсяная крупа, морскіе сухари, сахаръ, сушеные яблоки и лукъ, сушеный картофель, овощи для супа, шпикъ, масло, соль, перецъ, горчица, сушеная шептала, сушеный виноградъ, рисъ, чай, искусственная закваска, ящикъ съ различными консервами, плитки лимоннаго сока. За исключеніемъ небольшого лакомства для дамъ, это все!

— Прекрасно! Какая жалость, что тамъ такъ холодно зимою, а то путешествіе обратилось бы въ прекрасную увеселительную поѣздку!

— За то лѣто начинается, и вы можете напрактиковатся въ варкѣ сока. Здѣсь жары коротки, но поистинѣ адскія. А теперь, дорогіе соотечественники нашей старой Франціи, если вы, дѣйствительно, торопитесь отъѣздомъ и не желаете даромъ тратить времени: за работу! —и, первый подавая примѣръ, канадецъ схватилъ мѣшокъ, запряталъ въ него нѣсколько вещей, измѣ-

рилъ глазомъ тяжесть и объемъ, завернулъ, скруглилъ, пристукнулъ и сказалъ:

— Вотъ, это совсѣмъ не трудно! Нѣсколько оборотовъ просмоленной бичевки, крѣпкіе узлы, и готово.

Примѣру его съ готовностью послѣдовали молодые люди и дѣвушка. Всѣ работали безостановочно, и мало-по-малу груда пакетовъ уменьшилась, а соотвѣтственно этому куча тюковъ, болѣе или менѣе однообразныхъ, возрасла. Все-таки потребовалось не менѣе десяти часовъ усиленной работы, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ, отъ котораго зависѣлъ самый успѣхъ экспедиціи. Когда же, наконецъ, все было готово, канадецъ, взявъ горшокъ сурика и громадную кисть, изобразилъ нѣсколько символическихъ линій на каждомъ тюкѣ, чтобы ихъ можно было узнать съ перваго взгляда.

Настала ночь. Французскіе путешественники проектировали маленькую поѣздку въ городъ Ванкуверъ, но Дюшато возсталъ противъ этого.

— Вы посѣтите его на обратномъ пути, когда мы будемъ милліонерами... минуты дороги! Нашъ путь совершится на бортѣ *Гумфри*, который покажется завтра днемъ... Сейчасъ унесутъ наши тюки... Вотъ носильщики... плуты зарабатываютъ по шестидесяти франковъ въ день (24 рубля). Я указываю отель... мы переѣзжаемъ улицу... по другой сторонѣ, въ пятидесяти шагахъ верфь (warf).

Вотъ нумера нашихъ комнатъ... понесемъ сами ручной багажъ для большей сохранности.

Они вышли и среди толпы людей, державшихъ муловъ, тащившихъ дроги, сгибавшихся подъ грузомъ, достигли пристани, передъ которой свистѣлъ, качаясь и выпуская клубы дыма, большой пароходъ.

Дюшато послѣднимъ переправился черезъ мостикъ съ собакой Портосомъ. Суматоха кончилась. Всѣ стиснуты, какъ сельди, но у каждаго пассажира свое мѣсто за столомъ, на нижней палубѣ, а для привиллегированныхъ—на верхней. Наши друзья устроились попарно: Марта Грандье въ одной комнатѣ съ Жанной Дюшето, Леонъ Фортенъ съ Жаномъ Грандье, Поль Ре-

нъ съ Дюшато, къ послѣднимъ присоединился и добрый ортосъ.

Черезъ пять съ половиной дней пароходъ достигъ Скагау, онечнаго пункта его пути. Началась высадка и таможенныя рормальности, такъ какъ Скагау лежитъ на американской територіи и, чтобы попасть въ него, надо миновать Канаду.

Благодаря терпѣнію и нѣсколькимъ долларамъ, незамѣтно пущенныхъ въ руки неподкупныхъ американскихъ таможенныхъ чиновниковъ, Дюшато выигралъ время и проводилъ въ городъ, лежащій на километръ, свою храбрую маленькую компанію. Хорошо изучивъ путеводитель, онъ избралъ дорогу черезъ Бѣлый проходъ (Whitl-pass), хотя и болѣе длинную, но зато несравненно болѣе удобную, чѣмъ черезъ проходъ Чилкотъ. Разборка пакетовъ, переговоры съ содержателями перевозовъ, нагрузка безчисленныхъ тюковъ на лошадей и муловъ заняли немного времени,—и скоро наша компанія отправилась въ путь. Дорога, пролегавшая черезъ Бѣлый проходъ, называлась также «Deat horse trait», т. е. «дорогой мертвой лошади». Это названіе ей дали потому, что въ теченіе послѣдней осени болѣе трехъ тысячъ лошадей пало на этой дорогѣ, усыпавъ ее своими скелетами. Проходъ по ней длится около трехъ дней; кромѣ того, вверху постоянно дуетъ страшный вѣтеръ, еще болѣе усиливающій трудности пути.

Наконецъ, благополучно справившись съ этою ужасною дорогой, наши путники прибыли къ озеру Беннетту, гдѣ начинается уже рѣчной путь, и здѣсь сѣли на пароходъ «Флору», сидѣвшій въ водѣ не глубже 2 футовъ. Путники пріобрѣли себѣ мѣста въ «Беннетъ-Клондикъ Компаніи», владѣвшей тремя пароходами.

III.

На „Флорѣ". — Высадка. — Юконъ. — Въ Доусонъ-Сити.—Дѣйствіе оттепели.—„Высшій свѣтъ" страны золота.—Гостинница Бель-Вю.—Цѣною золота.—Конная полиція.—Безопасность.

Отъ озера Беннетта до Доусонъ-Сити считается около 870 километровъ, т. е. почти столько же разстоянія, какъ отъ Па-

рижа до Марселя. По разсчетамъ пароходнаго начальства, чтобы пройти все это разстояніе, требуется пятеро сутокъ. Въ дѣйствительносcти же оказалось иначе, такъ какъ свободному плаванію много мѣшали многочисленные пороги, которые нужно было обходить съ осторожностью. Пословица «человѣкъ предполагаетъ, случай располагаетъ» особенно справедлива при путешествіи. Прежде всего, пароходы совершали первые рейсы. Неизвѣстно еще было, какъ пройдутъ они два очень быстрые и гибельные проливы, Mile Canon и White Horse. Рѣка принимаетъ въ себя серію озеръ, которыя сообщаются одно съ другимъ естественными каналами.

За озеромъ Беннеттъ слѣдуетъ озеро Тажисъ (Tagish). Ихъ соединяетъ Вѣтряная рука (Le bras-du-Vent). Озеро Тажисъ открывается въ озеро Марсъ (Marsh) бродомъ Антилопъ, и, наконецъ, довольно длинный каналъ соединяетъ озоро Марсъ съ послѣднимъ озеромъ Лабаржъ. Этотъ каналъ и принимаетъ въ первой части своего пути названіе Mile-Canon, а въ послѣдней — White-Horse.

Въ дѣйствительности это довольно узкій каналъ, гдѣ теченіе достигаетъ, особенно въ White-Horse, страшной быстроты въ сорокъ пять километровъ въ часъ. Во время ледохода эта скорость увеличивается, а съ нею вмѣстѣ возрастаютъ и опасности.

Стояла адская жара. Не будь въ отдаленіи совершенно бѣлыхъ снѣжныхъ горъ и ледяныхъ скалъ, можно бы подумать, что это Провансъ.

Редонъ, вѣчно зябнувшій и воспѣвавшій дифирамбы солнцу, схватилъ на оба уха по такъ называемому солнечному удару. Оба эти органа покраснѣли, вздулись, и изъ нарыва потекла сукровица, даже немного крови. Онъ первый же, впрочемъ, началъ смѣяться надъ своею неудачей.

Между тѣмъ пароходъ прибылъ къ устью озера Лабаржъ. Въ обыкновенное время, или вѣрнѣе—въ Европейской странѣ, самая элементарная осторожность требовала бы останавливаться ночью, но здѣсь въ подобное время нѣтъ, собственно говоря, ночи. Солнце закатывается въ одиннадцать часовъ вечера и

восходитъ въ часъ утра. Такимъ образомъ, заря смѣшивается съ сумерками и день царитъ въ теченіе всѣхъ двадцати четырехъ часовъ. Поэтому пароходъ шелъ безъ передышки. Но вотъ встрѣчаются страшные пороги «Пять Пальцевъ» и «Ринкъ», находящихся въ четырехъ верстахъ другъ отъ друга.

«Флора», счастливо переправившись черезъ первые пороги застреваетъ на послѣднихъ и даетъ течь. Нужно направиться къ берегу рѣки, укрѣпиться якорями, разгрузить кладь, облегчить кузовъ, осмотрѣть трещину и заложить ее съ помощью кусковъ дерева, пакли, моха, кожи и т. п.

Когда аварія была исправлена, пароходъ двинулся дальше въ сопровожденіи цѣлой флотиліи лодокъ съ пассажирами и ихъ пожитками... Вотъ и фортъ Селькиркъ, одинъ изъ старыхъ укрѣпленныхъ магазиновъ, какіе компанія торговцевъ мѣхами Гудзонова Залива настроила повсюду. Вокругъ магазина раскинулось шестьдесятъ индѣйскихъ хижинъ и около двадцати палатокъ рудокоповъ. Это образуетъ маленькую деревню, въ которой энтузіасты видятъ даже будущую столицу канадской территоріи сѣверо-запада.

Отсюда, уже по Юкону, одной изъ величественныхъ рѣкъ Дальняго Сѣвера, пароходъ доходитъ до Доусонъ-Сити—новой столицы золотой страны. Видъ молодой столицы золотого царства, однако, не имѣлъ ничего привлекательнаго для людей, съ самаго Монреаля, т. е. болѣе двухъ недѣль не знавшихъ отдыха и вздыхавшихъ по хорошей постели и ваннѣ.

Капитанъ «Флоры» указалъ нашимъ друзьямъ меблированную гостиницу, самую «выдающуюся» въ Доусонѣ, отель Бельвю, единственно подходящій для столь высокихъ лицъ, какими казались всѣ шестеро. Сюда и направилась наша компанія.

По примѣру американскихъ городовъ, Доусонъ состоитъ изъ авеню (прогоны) и улицъ, пересѣкающихся другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ. Улицы тянутся съ востока на западъ, а авеню—съ юга на сѣверъ.

Первое авеню, модное, дающее тонъ, идетъ сѣвернѣе Юкона и называется Фронъ-Стритъ. Но видъ его былъ далеко непривлекательный.

— Чортъ возьми!—произнесъ Редонъ, коснувшись почвы,— добрая пара непромокаемой обуви была бы не лишнею!

— А еще лучше — маленькая плоскодонная лодка или плотъ!—прибавилъ Леонъ.

Молодыя дѣвушки только засмѣялись и отважно, зная напередъ, что жизнь, полная приключеній, представляетъ много неудобствъ, пошли по улицѣ. Послѣдняя, дѣйствительно, походила скорѣе на болото. А между тѣмъ и тамъ прогуливались, задравши носъ и съ сигарою во рту, «франты» изъ первыхъ сливокъ общества въ Доусонъ-Сити.

— Честное слово! — вскричалъ озадаченный Редонъ, — это можно бы назвать дворомъ чудесъ... какъ по одеждамъ, такъ и по физіономіямъ!

Въ самомъ дѣлѣ представьте себѣ, читатели, кучу грязныхъ и причудливыхъ лохмотьевъ, плѣшивые, паршивые, какъ спины бродячихъ собакъ, мѣха, желтыя клеенки, рваные каучуковые сапоги, съ безчисленными дырами, смятыя до неузнаваемости шляпы, дырявыя фланелевыя рубашки; набросьте все это на человѣческіе члены такъ, чтобы башмакъ былъ сосѣдомъ сапогу, а мѣхъ—клеенчатымъ панталонамъ; затѣмъ приткньте на эти плечи исхудалыя головы, съ лихорадочно-горящими глазами, съ растрепанными волосами и бородами,—и вы получите настоящее представленіе о сливкахъ «золотого» общества», которые бродили по грязи въ ожиданіи шести часовъ.

Весь этотъ маскарадно-нарядный, но самоувѣренный людъ, обмѣнивается маленькими фамильярными поклонами, а больше разговариваетъ о добытомъ днемъ металлѣ и представляются по апломбу сказочными милліонерами. Лохмотья, это видно сразу, ничего не значатъ здѣсь, и субъектъ, задирающій носъ, у котораго одна нога въ сапогѣ, а другая въ башмакѣ, штаны въ заплатахъ, а на плечахъ дырявый каучуковый плащъ, можетъ обладать полумилліономъ золота, положеннымъ въ Канадскомъ коммерческомъ банкѣ (Canadian banck of Commerce) или въ британскомъ сѣверо-американскомъ (Bank of British North America). Поэтому никого не удивляетъ, что дамы, одѣ-

тыя вполнѣ прилично, подаютъ руки этимъ джентльменамъ, словно не замѣчая, что у тѣхъ на ногахъ.

Да и самый видъ «столицы золотого царства» производитъ отталкивающее впечатлѣніе своею грязью и вонью. Зимою пятидесятиградусный холодъ придаетъ всему плотность камня и скрываетъ эти грѣхи въ общественномъ благоустройствѣ. Лѣтомъ же вездѣ стоятъ лужи, тепловатыя, отвратительныя, съ тучами москитовъ, такъ какъ земля не всасываетъ уже воды. А на глубинѣ семи вершковъ почва остается замерзшей, непроницаемой и жесткой, какъ скала. Ко всему этому присоединяется еще страшная сырость, производящая лихорадку и невообразимую вонь отъ гніющихъ остатковъ пищи, валяющихся грудами всюду.

Несмотря, однако, на эту неказистую внѣшность, и въ Доусонъ-Сити живутъ весело, и всевозможныя казино, игорные дома, рестораны, танцовальныя залы процвѣтаютъ, какъ нигдѣ.

Въ такой-то городъ судьба и привела нашихъ друзей. Остановились они, по совѣту капитана «Флоры», въ лучшей гостиницѣ,—и Редонъ, въ качествѣ опытнаго путешественника, справился о цѣнѣ у клерка:

— Сколько за день?

— Десять долларовъ (двадцать рублей) съ персоны!—былъ отвѣтъ.

— Хорошо, насъ шестеро!

— Тогда шестьдесятъ долларовъ... плата впередъ!

— Мы разсчитываемъ пробыть два дня, а потому вотъ сто двадцать долларовъ!

— Собака остается съ вами?

— Да, а что же?

— Ея содержаніе будетъ стоить два доллара въ день (4 рубля).

— Браво! Вотъ кто умѣетъ обдѣлывать дѣла!

— О, — продолжалъ съ важностью клеркъ,—собака такого джентльмена, какъ вы, не можетъ искать себѣ пищу въ кучахъ мусора!

Вообще, какъ оказалось, все въ Доусонъ-Сити баснословно дорого. Свѣжій картофель стоитъ три франка (1 р. 12 коп.) штука, дороже трюфелей во Франціи, апельсинъ—5 франковъ

(1 р. 85 к.), яблоко — $2^1/_2$ франка (92 к.); пара циплятъ — 170 франковъ (около 63 рубл.), а въ ресторанѣ даже — 120 франковъ за штуку (44 рубл.), кусокъ бифштекса съ вареннымъ картофелемъ 30 франковъ, бутылка абсенту, коньяку или даже простой виски — 100 фр. (37 рубл.), бутылка пива отъ 25 до 30 франк., за шампанское же и другія вина платятся баснословныя суммы въ 300 фр. (112 рубл.) и болѣе.

Соотвѣтственно этому стоятъ цѣны и на квартиры. На главной улицѣ, напр., нечего и думать нанять помѣщеніе дешевле 150 фр. за квадр. метръ въ мѣсяцъ (220 рубл. квадр. сажень!). А между тѣмъ, вѣдь, это, собственно говоря, не квартиры, а грязныя, вонючія конуры!

Словомъ, жизнь въ Доусонъ-Сити возможна только для проѣзжающихъ, которые остаются въ городѣ всего нѣсколько дней, или для тѣхъ, кто, обогатившись на пріискахъ, желаетъ спустить здѣсь извѣстную часть своей баснословной добычи.

Также страшно высоки и цѣны участковъ, гдѣ добывается золото. Еще въ 1896 г. участокъ въ 15 саж. длины и 9 ширины продавался по 25 фр., а черезъ 2 года—уже по сто тысячъ франковъ (37 тыс. рублей).

Понятно, при такой дороговизнѣ только очень богатые рѣшаются жить въ центральныхъ улицахъ города, обитатели же поскромнѣе нанимаютъ квартиры на окраинахъ, гдѣ можно найти хижину въ 2 комнатки за скромную цѣну 1000—1500 фр. въ мѣсяцъ (370—550 рубл.).

Наконецъ, въ самомъ концѣ седьмого «авеню» (прогона), почти за предѣлами города, тянутся пустыри, которые вскорѣ, конечно, будутъ пріобрѣтены ловкими спекулянтами, если только Доусонъ-Сити будетъ продолжать рости съ той же ужасающей быстротой, какъ прежде; пока же здѣсь раскинулся настоящій «городъ палатокъ»: на грязной, вонючей почвѣ здѣсь разбито 700—800 парусинныхъ палатокъ, гдѣ лѣтомъ задыхаются отъ жары, а зимою мерзнутъ отъ холода злополучные золотоискатели, которымъ еще не повезло.

Эти палатки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и провіантскими магазинами. Здѣсь въ теченіе почти семи мѣсяцевъ всѣ съѣстные

припасы, сыпучіе, мясные, жидкіе, не исключая даже и спирта, замерзаютъ, какъ камень, такъ что двое пріятелей, желая угоститься рюмочкой вина, просто подходятъ къ небольшой дощечкѣ, служащей подносомъ, гдѣ стоятъ двѣ небольшихъ ледяныхъ сосульки въ видѣ наперстковъ, берутъ ихъ прямо рукой, чокаются и затѣмъ препровождаютъ въ ротъ, гдѣ замороженная водка и таетъ. Просто, мило и оригинально!

Что касается общественной безопасности, то Редонъ получилъ слѣдующій отвѣтъ клерка.

— О, вы можете быть въ этомъ отношеніи вполнѣ спокойны! Здѣсь никогда не бываетъ ни кражи, ни насилія, ни какихъ-либо покушеній, нарушающихъ общественную тишину и спокойствіе, несмотря на то, что населеніе города состоитъ въ большинствѣ изъ весьма подозрительныхъ элементовъ. Это объясняется тѣмъ, что у насъ здѣсь превосходнѣйшая конная полиція изъ 250 человѣкъ самой бдительной стражи, строго наблюдающей за всѣмъ, что только происходитъ въ городѣ и его окрестностяхъ!

— Это люди недюжинной силы, необычайно выносливые и всѣми уважаемые, вслѣдствіе чего каждый гражданинъ охотно оказываетъ имъ содѣйствіе, когда понадобится это. На ихъ отвѣтственности всецѣло лежитъ и общественная безопасность всѣхъ жителей города, и неприкосновенность всѣхъ богатствъ, которыми можетъ похвастать этотъ городъ. Замѣтьте, что здѣсь во всякое время находится свыше, чѣмъ на 50 милл. золота, и всетаки, сколько помнятъ золотоискатели, по настоящее время не было ни одной серьезной попытки украсть чужое золото! Что же касается съѣдобныхъ припасовъ, то ихъ вообще принято оставлять въ палаткѣ или въ избушкѣ не закрытыми, и никто никогда не трогалъ ни крохи чужого добра!

— Право-же, нашъ вѣкъ — золотой вѣкъ для воровъ и мошенниковъ,— подумалъ про себя Поль Редонъ,—все основано на довѣріи, а между тѣмъ какое обширное и благодарное поле дѣятельности представляетъ изъ себя эта страна для такихъ ловкихъ и искусныхъ мошенниковъ, каково, напримѣръ, Товарищество «Красной Звѣзды»!

IV.

Новички.—Хозяйки и работники.—Законы, указы и концессіи.—Сколько золота!—Явились или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно.—Эксплоатація золотоносныхъ участковъ.—Первая промывка золота.—Разочарованіе.—Находка Портоса.—Гнѣздо самородковъ.

Наши будущіе милліонеры стали понемногу устраиваться. Проживъ 2 дня въ гостинницѣ, они наняли потомъ квартиру въ шестомъ авеню, стоимостью тысячу франковъ въ мѣсяцъ, куда и сложили провизію и зимніе снаряды, а сами поселились въ палаткѣ за городомъ, гдѣ жили уже тысячи рудокоповъ.

Настала новая жизнь, полная странностей и неожиданностей и лишенная самаго элементарнаго комфорта. Спать пришлось на землѣ, подостлавъ шкуры вмѣсто матрасовъ, чтобы предохранить себя отъ сырости почвы, пропитанной водою, какъ губка.

Молодыя дѣвушки жили въ одной изъ палатокъ, гдѣ хранилась провизія и снаряды, необходимые для ежедневнаго употребленія. Онѣ стряпали и занимались хозяйствомъ въ то время, какъ мужчины добывали воду и дрова, что было нелегкимъ дѣломъ.

Каждый исполнялъ свою обязанность съ готовностью, какъ бы тяжелъ и даже иногда отвратителенъ ни былъ такой искусъ.

Впрочемъ, Жанна Дюшато была для Марты Гранде опытной и любящей наставницей. Оказалась, молодая канадка еще раньше сопровождала своего отца и дядей въ далекія экспедиціи лѣтомъ и зимою и умѣла всюду найтись. Такъ, съ помощью простого сучка она могла развести огонь и при вѣтрѣ, ящикъ изъ-подъ консервовъ и кусокъ доски, все находило у ней примѣненіе и приносило свою пользу. Въ этомъ отношеніи она была незамѣнимой руководительницей для Марты.

Ея отецъ, въ свою очередь, объяснялъ своимъ новымъ друзьямъ трудное и особенно утомительное дѣло дровосѣковъ. Нужно было ходить за дровами далеко, такъ какъ окрестности Доусонъ-Сити были уже обнажены, и дрова приходилось искать

все дальше и дальше. Обыкновенно на эти поиски отправлялись Леонъ, Поль и Жанъ, подъ предводительствомъ канадца. Отъ непривычной работы на рукахъ молодыхъ людей вздувались пузыри, поясницу ломило, съ головы катился градомъ потъ. Но это только смѣшило ихъ, особенно Поля Редона; за то, когда они нагруженные, какъ мулы, возвращались домой, ихъ встрѣчалъ превосходный столъ изъ поджареннаго сала, овсянаго супа и тяжелыхъ, какъ свинецъ, блиновъ, приготовленныхъ на свиномъ салѣ.

Такъ прошло нѣсколько дней, въ ожиданіи короткаго путешествія отъ города въ золотоносныя поля. Вокругъ нашихъ друзей шумѣла толпа, гдѣ каждый жилъ самъ по себѣ, не заводя никакихъ знакомствъ, не интересуясь сосѣдями, даже не глядя на нихъ, какъ будто мысль о золотѣ убила всякую общительность.

Всѣхъ занимало здѣсь только золото и золото.

Теперь, чтобы читатель могъ понять всѣ фазисы нашего разсказа, нужно объяснить организацію золотопромышленности, введенную почти съ перваго же года открытія золота въ Клондикѣ.

Золотоносные участки, или, какъ говорятъ тамъ, сѣверо-западная территорія Канады, раздѣлены на четыре округа, получившихъ названіе по имени главныхъ рѣкъ, протекающихъ здѣсь. Это—округъ Юкона, округъ Клондика, Индіанъ-Риверъ и Стюартъ-Риверъ. Въ долинахъ рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ здѣсь, и встрѣчается золото въ видѣ розсыпей и самородковъ. Каждый рудокопъ, прибывшій сюда, имѣетъ право за семьдесятъ пять франковъ (25 рублей) на клэмъ, или участокъ, въ каждомъ округѣ, и можетъ взять такихъ клэмовъ только четыре за всю свою жизнь. Зато ему предоставлено право перекупать, сколько угодно клэмовъ, у другихъ. Получивъ право на клэмъ, охотникъ за золотомъ выбираетъ свободное мѣсто для своей работы, руководясь своей опытностью, раскопками, предварительнымъ промываніемъ земли. Когда это сдѣлано, является правительственный землемѣръ и опредѣляетъ границы для эксплоатаціи. Участки, перпендикулярные рѣкѣ, имѣютъ обыкновенно съ

каждой стороны 38 саженъ, если они лежатъ на плоскогорьи, 38—въ долинѣ и 150 саж. на склонѣ; напротивъ, если онѣ лежатъ по рѣкѣ и занимаютъ берега ея, то 38 саж. съ каждой стороны. Послѣ этого золотоискатель получаетъ документъ, утверждающій его права и опредѣляющій обязанности. Онъ имѣетъ исключительное право производить разработку золота на своемъ участкѣ, построить тамъ домъ, пользоваться продуктами своего производства и можетъ безплатно пользоваться водою, конечно, протекающей черезъ указанный участокъ, чтобы промывать землю. На самую же почву концессія не даетъ никакихъ правъ и уничтожается, какъ только участокъ перестаетъ постоянно и добросовѣстно разрабатываться.

Изъ всего этого видно, что быть свободнымъ золотоискателемъ стоитъ не дешево, принимая во вниманіе дороговизну жизни въ Клондикѣ. Поэтому для свободной добычи золота сюда ѣдутъ люди съ капиталами. Но часто, послѣ тщетныхъ попытокъ найти богатое мѣсторожденіе благороднаго металла, всѣ припасенныя раньше деньги исчезаютъ,—и тогда неудачникъ-золотоискатель становится носильщикомъ, поваромъ, работникомъ, землекопомъ, словомъ, работаетъ на другихъ, представляя рабочій пролетаріатъ, впрочемъ, совершенно безобидный, такъ какъ здѣсь законъ не шутитъ; кромѣ того, существуетъ судъ Линча, произносящій иногда ужасные приговоры, воспоминаніе о которыхъ врѣзывается во всѣ мозги.

. . . .

Однако, довольно предисловій. Возвратимся къ своему разсказу.

Дюшато и его дочь, граціозная Жанна, Марта Грандье, Леонъ Фортенъ, Поль Редонъ и Жанъ Грандье,—всѣ шестеро сдѣлались свободными золотоискателями, такъ какъ Канадскій законъ даетъ мужчинамъ и женщинамъ одинаковыя права на владѣніе участками; все затрудненіе стояло только за возрастомъ Жана Грандье, которому было всего 16 лѣтъ, тогда какъ по закону свободный искатель золота долженъ имѣть не менѣе 18. Но, когда всѣ шестеро представились правительственному агенту, чтобы сдѣлать свои заявленія, послѣдній при видѣ высокаго

роста, широкой груди, поднятыхъ плечъ и пробивающихся усовъ Жана Грандье далекъ былъ отъ мысли, что передъ нимъ подростокъ шестнадцати лѣтъ, и великодушно далъ ему всѣ восемнадцать, на что польщенный Жакъ, конечно, не возражалъ, и наши друзья получили право взять по четыре концессіи или двадцать четыре участка для эксплоатаціи. Ради предосторожности они выбрали по одному участку въ каждомъ округѣ.

Когда всѣ формальности были заключены, они покинули Доусонъ-Сити и направились въ золотое поле вынимать первые номера грандіозной лотереи, возбуждающей до помраченія ума двадцать тысячъ лихорадочныхъ больныхъ, собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта.

Дорога къ этому Эльдорадо была ужасная. Грязь стояла по колѣно, а тутъ еще цѣлыя стаи москитовъ, укушеніе которыхъ можетъ довести непривычнаго человѣка до бѣшенства. Можно себѣ вообразить, каково было при такихъ условіяхъ тащить поклажу! Къ счастью, средства нашихъ друзей позволили нанять для багажа повозки, хотя цѣна на нихъ стояла чудовищная: за 1 фунтъ багажа на разстояніи 20 килом. брали 20 су, на 50 кил.—50 су и т. д. (приблизительно 51 коп. съ фунта на разстояніи 18 верстъ, 74 коп.—на 45 верстъ и т. п.). Бѣдняки еле тащились, согнувъ спину, «по образу пѣшаго хожденія».

Но золото, притягивавшее всѣхъ подобно магниту, заставляло забывать про всѣ эти неудобства: люди свыкались и съ дороговизной, и съ москитами, и съ усталостью, только бы найти золото!

Противъ вѣроятія, лѣто здѣсь—мертвый сезонъ. Работаютъ только отъ шести до восьми недѣль, и единственно тѣ, кто съ ноября по конецъ апрѣля рыли шурфы (рамы) и извлекали изъ нихъ золотоносный песокъ. Этотъ песокъ, сложенный въ кучи, называемый «dumps», содержитъ золото во множествѣ. Пріемы извлеченія металла самые примитивные, такъ какъ рудокопы придерживаются еще простыхъ приборовъ. Они называются по-англійски sluice и roker.

Sluice-bax (шлюзный ящикъ) представляетъ собою деревянную

трубу, открытую съ обоихъ концовъ, въ формѣ корыта. Дно ея устлано шерстянымъ ковромъ съ продольными перекладинами. Нѣсколько такихъ ящиковъ ставятъ одинъ на другой и наклоняютъ на тридцать градусовъ посредствомъ подставокъ. Сюда и кладутъ золотосодержащую землю, направляя на нее сильную струю воды, искусственно отведенную изъ сосѣдняго ручья. Вода увлекаетъ тогда глину и камни по деревяннымъ желобамъ, а золото вслѣдствіе своей тяжести падаетъ между желобами и остается на шерстяной ткани.

Когда рудокопъ находитъ, что намылъ достаточно, онъ очищаетъ шерсть жесткой щеткой, потомъ продолжаетъ промывку.

Что касается Rocker'а (качалки), то это—колыбель, составленная изъ желѣзныхъ ситъ, прикрѣпленныхъ къ качающейся рамѣ. Рудокопъ кладетъ въ сито столько земли, сколько можетъ умѣститься, потомъ одною рукою, съ помощью широкаго ковша, льетъ воду, а другою рукой дѣйствуетъ, какъ бы качая колыбель. Вода отдѣляетъ примѣси и увлекаетъ золото, проходящее черезъ сито и падающее на платформу, покрытую шерстянымъ покрываломъ.

Вотъ и все! И такіе несовершенные инструменты даютъ сказочные сборы; такъ много въ Клондикѣ золота!

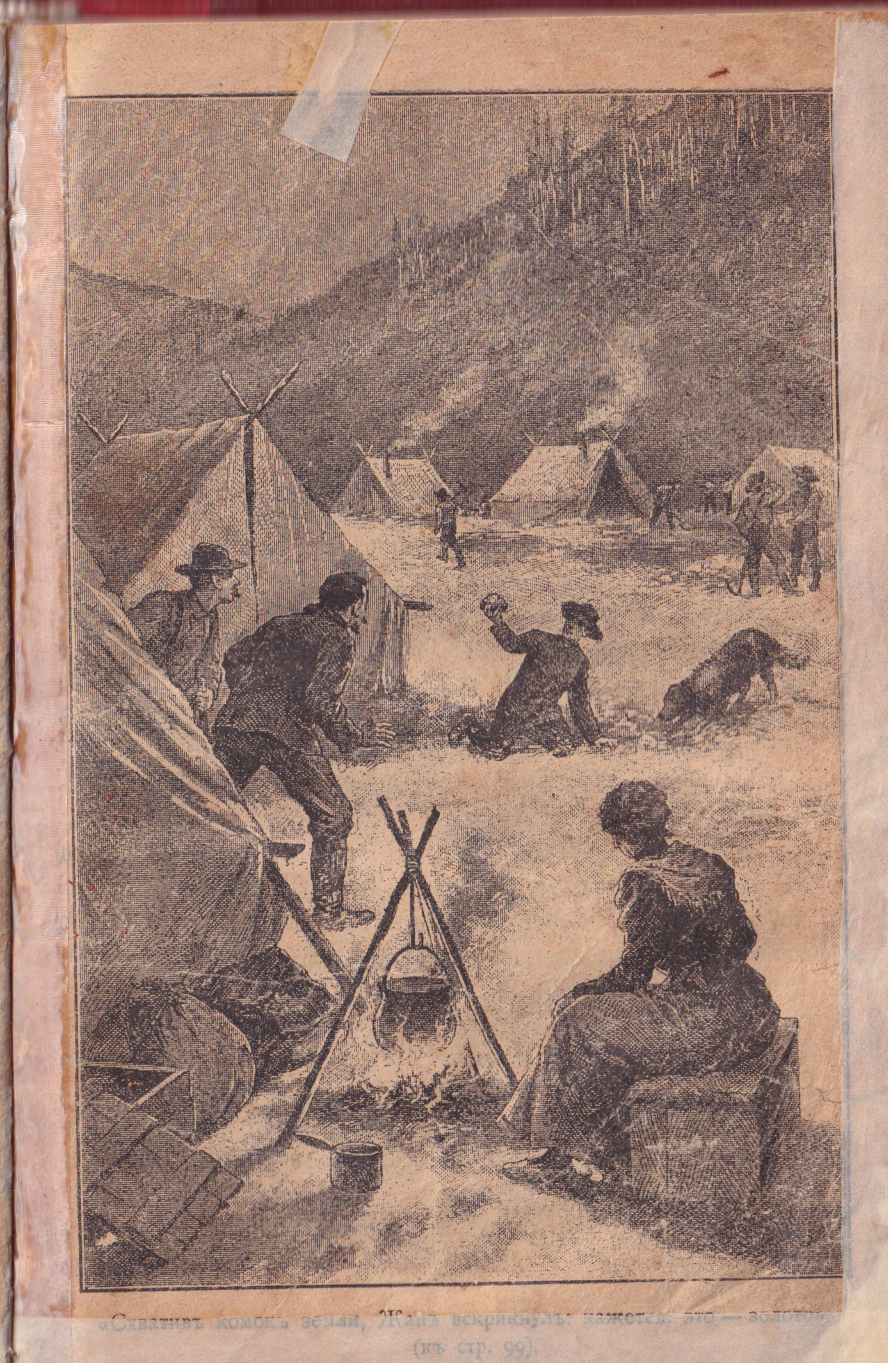
Но необходимо трудиться всю зиму, чтобы добраться до промывки. Поэтому, новоприбывшіе, думавшіе собирать золото на подобіе картофеля, смущенно посматривали другъ на друга и печально возвращались въ Доусонъ. Имъ нечего было дѣлать пока, такъ какъ лѣтомъ рыть ямы невозможно: земля не тверда, ямы обваливаются; нужно дожидаться, пока почва замерзнетъ.

Можно понять, какое отчаяніе распространяется тогда среди несчастныхъ, если у нихъ не хватитъ средствъ до окончанія зимы!

Но наши друзья философски переносили это препятствіе, даже Редонъ, и хотѣли уже возвращаться въ Доусонъ-Сити, когда Мартѣ пришла въ голову новая мысль:

— Такъ какъ мы имѣемъ клэмъ по сосѣдству, то должны познакомиться съ нимъ!—предложила она.

— Грязь не пугаетъ васъ, мадемуазель!—сказалъ Редонъ, съ важностью шлепая по колѣна въ грязи.

«Схвативъ комокъ земли, Жанъ вскрикнулъ: кажется, это — золото».
(къ стр. 99).

Дѣвушка только беззаботно улыбнулась, проговоривъ:

— Ба! Немного больше, немного меньше, не все ли равно? Какъ вы думаете, Жанна?

— О, я всегда готова!

— Такъ, идемъ! Не правда-ли, господа? Впрочемъ, это концессія моя, и я предчувствую, что наше путешествіе не будетъ безполезнымъ.

И вотъ они снова пустились въ путь и шли болѣе полусутокъ, совершенно выбившись изъ силъ. Съ помощью плана нашли свой участокъ на скатѣ холма. Благодаря этой покатости, вода здѣсь медленно сбѣгала и потому можно было двигаться по суху.

Наши друзья разбили палатки и поспѣшили прежде всего приготовить обѣдъ, уже въ пятый разъ въ этотъ день, такъ развился у всѣхъ здѣсь аппетитъ. Впрочемъ, собственно говоря, это былъ скорѣе ужинъ, такъ какъ было уже одиннадцать часовъ ночи, но солнце еще не зашло. Наконецъ, за полчаса до полуночи оно скрылось и наши золотоискатели, отложивъ до слѣдующаго дня свои дѣла, легли заснуть. Но уже въ половинѣ четвертаго утра всѣ были на ногахъ. Солнце, поднявшееся цѣлыми двумя часами раньше, стояло уже высоко и сильно пригрѣвало.

Люди, успѣвшіе здѣсь получить участки, уже давно были за работой,—довольные, что день продолжается безъ малаго круглыя сутки и можно работать цѣлый день, и работали точно негры-невольники или каторжники, до истощенія силъ, до полнѣйшаго изнуренія.

Сосѣди знакомились между собой, вступали въ разговоры, но и здѣсь всѣ интересовались только золотомъ, говорили только о немъ.

Однако, участки здѣсь были бѣдны, что не мѣшало, впрочемъ, пытать свое счастье: «авось, думалъ каждый, я и наткнусь на богатое мѣсторожденіе?»

Работа въ сущности - очень несложная. Сперва подымаютъ верхній слой почвы, затѣмъ роютъ все глубже и глубже, добывая большіе комья земли, которые кладутъ въ желѣзное корытце, вмѣщающее съ полпуда. Съ этимъ корытцемъ идутъ къ ручью, гдѣ рудокопъ, присѣвъ на корточки, погружаетъ его въ воду по самые края, все время перемѣшивая взятый образецъ земли. Мало-по-малу камешки, глина и другія примѣси отдѣляются и уносятся водой, а на днѣ корытца остается одно чистое золото.

Этотъ простой пріемъ очистки золота требуетъ, однако, извѣстной ловкости и умѣнья, которыя нѣкоторымъ золотоискателямъ даются какъ-то само собой. Обыкновенно сосѣди всегда съ охотой обучаютъ новичковъ этому способу промывки, и обѣ наши молодыя дѣвушки также обучились ему, сразу выказавъ при этомъ большую ловкость и проворство; мужчины же оказались менѣе способными въ этомъ отношеніи.

Всѣ шестеро горячо принялись за дѣло, но, увы!—на первыхъ порахъ ихъ ждало разочарованіе: послѣ самой тщательной промывки оказалось, что на днѣ корытца осталось самое незначительное количество золотаго песка, вѣрнѣе,—почти ничего. Проработавъ такимъ образомъ 12 часовъ безъ перерыва, наши друзья рѣшили прекратить работу и усталые, измученные и разочарованные хотѣли уже возвратиться въ свой бивуакъ. Вдругъ какой-то маленькій звѣрекъ, выпрыгнувъ изъ своей норки, стремглавъ кинулся между ногами Портоса. Обрадовавшись этому развлеченію, собака стала гоняться за звѣркомъ, но едва успѣла сдѣлать три—четыре скачка, какъ грызунъ скрылся, словно провалившись подъ землю.

— Ищи! Ищи, Портосъ!—крикнулъ ему Жанъ.

Собака принялась разрывать землю.

— Апортъ!—командовалъ лицеистъ.

Портосъ на мгновеніе уткнулся носомъ въ землю и, вытащилъ что-то, но затѣмъ, бросивъ этотъ предметъ, сталъ рыть глубже. Въ этотъ моментъ лучъ солнца, упавъ на брошенный собакой предметъ, заигралъ ослѣпительно-яркимъ блескомъ. Жанъ поспѣшно схватилъ этотъ предметъ и произнесъ.

— Комокъ этотъ вѣситъ болѣе 10-ти фунтовъ и, мнѣ кажется, что это золото!

— Золото! Покажите-ка его сюда!—и комъ сталъ

дить изъ рукъ въ руки.—Вотъ когда счастье-то привалило!—воскликнулъ Редонъ.

Услышавъ про находку, съ сосѣднихъ участковъ сбѣжались золотоискатели.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ золото, самое чистое, самое превосходное, какое мнѣ только случалось видѣть, а я, вѣдь, 20 лѣтъ пекусь и мерзну въ этой проклятой странѣ! Повѣрьте мнѣ, друзья, этотъ самородокъ стоитъ не менѣе десяти тысячъ франковъ!—проговорилъ одинъ старый рудокопъ.

— Десять тысячъ франковъ! (3700 руб.) этотъ кусокъ металла величиною съ крупную картофелину, мутно-желто-землянистаго цвѣта!

Между тѣмъ Портосъ продолжалъ усердно рыть лапами землю.

— Надо посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ еще такихъ самородковъ!—проговорилъ Жанъ, взглянувъ на собаку. Всѣ кинулись къ ямѣ, вырытой ею, и громкій крикъ радости вырвался изъ устъ присутствующихъ.

— Клянусь честью!—воскликнулъ старый рудокопъ,—вотъ гнѣздо самородковъ, какого я еще никогда не видалъ! Ну, въ добрый-же часъ вы начали свое дѣло!..

V.

Что называется гнѣздомъ самородковъ.—Золотая лихорадка.—Кровь и золото.—На замерзшей почвѣ.—Почему не дѣлаютъ раскопокъ лѣтомъ?—Дровосѣки.—Землекопы.—Журналы, газеты и ихъ делегаты.—Извѣстность.—Планы бандитовъ.

И въ Калифорніи, и въ Южной Африкѣ, и въ Австраліи рудокопы называютъ гнѣздомъ самородковъ такое мѣсто, гдѣ лежитъ въ кучѣ извѣстное число разной величины самородковъ, подобно клубнямъ картофеля, на которые эти самородки чрезвычайно походятъ по своему внѣшнему виду. Въ данномъ случаѣ такихъ самородковъ оказалось болѣе 12 штукъ, при чемъ самые [illegible] были величиною съ хорошее куриное яйцо, а наиболѣе [illegible] много больше мужского кулака.

— О, вы счастливые люди!—воскликнулъ старый рудокопъ, весь блѣдный отъ волненія при видѣ этого неожиданнаго богатства,—вѣдь это разомъ цѣлое состояніе! Всѣ будутъ завидовать вамъ!

— Но это еще не все! Я увѣренъ, что мы будемъ золотыми королями!—воскликнулъ Поль Редонъ и, взявъ въ руки два клубня, сталъ подбрасывать ихъ, взвѣшивая на рукѣ, играя съ ними.—Я никогда не повѣрилъ-бы, что видъ этого богатства такъ подѣйствуетъ на меня; мнѣ хочется пѣть, плясать и скакать отъ радости. Да, я вижу, что и васъ всѣхъ, друзья мои, охватила та же золотая лихорадка, такой же золотой бредъ, какъ и меня. Вы хотя и молчите, но у всѣхъ васъ безумные глаза!..

И, дѣйствительно, золото вообще какъ-то особенно притягательно дѣйствуетъ на человѣка, опьяняя, подобно хорошему, крѣпкому вину. Вѣдь, странно: когда люди наталкиваются на громадныя залежи и жилы желѣза, мѣди, угля, представляющія собою тѣже милліоны и сулящія людямъ несравненно большія богатства, чѣмъ какое бы то ни было гнѣздо самородковъ,—совсѣмъ не бываетъ такого безумнаго бреда, такихъ галлюцинацій, грозящихъ потерей разсудка. Происходитъ ли это оттого, что золото даже и въ грубомъ видѣ является воплощеніемъ всѣхъ человѣческихъ наслажденій и радостей жизни и предметомъ роковой, тяжелой борьбы цѣлой жизни—трудно сказать. Но даже суровый канадецъ сперва поблѣднѣлъ, затѣмъ покраснѣлъ и былъ не въ силахъ произнести ни одного слова, а между тѣмъ глаза его горѣли, какъ раскаленные угли.

— О, и я хочу видѣть.., Хочу дотронуться своими руками до этого золота... Дайте, дайте мнѣ его сюда!—съ трудомъ выговорилъ онъ, наконецъ.

— Ахъ, Жанна, дитя мое... наконецъ-то, мы съ тобой будемъ богаты!.. Жанна, слышишь-ли?.. Вѣдь, это богатство! Громадное богатство!..

Молодая дѣвушка также оживилась, за нею,—Леонъ, потомъ сама Марта. Только Жанъ остался нечувствительнымъ къ припадку сумашествія, произведенному этимъ ударомъ судьбы, и

было отчего: для Дюпато и его дочери это открытіе полагало конецъ убогой жизни, безъ радости и надежды, въ канадской хижинѣ; для Марты оно давало обезпеченную независимость; для Леона Фортена оно облегчало родителей и помогало осуществленію проектовъ будущаго. А Жанъ, кромѣ источника богатства, видѣлъ въ золотѣ прежде всего средство отомстить за смерть отца. Но поможетъ ли ему въ этомъ золото?—Вотъ о чемъ думалъ бѣдный юноша, не принимая участія въ общемъ увлеченіи.

Между тѣмъ, пока люди волновались около самородковъ, Портосъ продолжалъ ожесточенно рыть землю и добился таки до грызуна, послужившаго причиной находки. Эта было бѣдная маленькая землеройка которая билась, вся трепеща, въ зубахъ нью-фаундленда.

Но, увлеченные видомъ золота, Редонъ и его друзья не обращали на это вниманія.

— Но сколько здѣсь... скажите! Тысячъ на сто франковъ будетъ? — спросилъ журналистъ съ лихорадочно-блестѣвшими глазами.

— Какъ знать?!—отвѣчалъ старый рудокопъ.—Когда найдена жила, то этимъ дѣло не кончается!—Съ этими словами онъ взялъ кирку и съ удвоенной силой увеличилъ отверстіе. Камни полетѣли, и всюду засверкали блестящія точки.

— Вотъ!.. я говорилъ!—продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ.—Вотъ... Вотъ!.. Еще!.. Еще!.. Но что вы смотрите? Возьмите лопату и поднимите это все... Прекрасно! золотая масса!

Редонъ схватилъ лопату и бросился къ грудѣ обломковъ, среди которыхъ блестѣли новые самородки. Онъ рылся съ жадностью, чувствуя въ себѣ силу атлета, превратившись въ землекопа; изъ груди его вылетали короткія восклицанія—«ахъ, еще, еще!»

Канадецъ собиралъ куски и клалъ ихъ въ кучу.

Вдругъ кирка ударилась о твердое, какъ скала, препятствіе.

— Кончено!—сказалъ канадецъ, бросая орудіе.

— Какъ!.. нѣтъ больше золота? уже!—вскричалъ разочарованнымъ тономъ Редонъ.

— О, его еще множество, я это чувствую, даже увѣренъ но я коснулся замерзшаго слоя, а люди еще не выдумали инструмента, чтобы раздробить такую землю!

— Но какъ же вы дѣлаете зимою?

— Зажигаютъ огонь въ ямахъ: черезъ двѣнадцать часовъ ледъ растаетъ, и земля размягчится на два фута. Вотъ эту землю и кладутъ около жерла «dumps», для лѣтняго промыванія.

— Значитъ, надо подождать зимы?

— Да, $2^1/_2$—3 мѣсяца!

— Нѣтъ, я хочу сейчасъ же начать разработку, какъ зимою! Не правда-ли, вѣдь это и твое желаніе, Леонъ?.. и ваше, Дюпато?..

— Конечно!—энергично отвѣчали оба.

— Смотрите, опасно! — проговорилъ старикъ. — Почва не тверда; по мѣрѣ того, какъ вы будете рыть, она станетъ обваливаться, и вы рискуете быть засыпанными.

— Можно укрѣпить лѣсами!

— Вода доберется до васъ!

— Мы вычерпаемъ ее!

— Лѣтомъ изъ глубины почвы выходятъ смертоносные газы; они васъ задушатъ!

— Умираютъ только одинъ разъ!

— Ну, и молодецъ же вы!—воскликнулъ восхищенный рудокопъ,—право! Дайте мнѣ хорошую цѣну, и я готовъ на всякій рискъ!

— Сколько же вамъ угодно за день?

— Сто франковъ, если не дорого!

— Вы получите двѣсти... Мои друзья согласны?

— Да!.. Да!.. двѣсти франковъ!—вскричали въ одинъ голосъ молодые люди и дѣвушки.

Итакъ, эксплоатація началась, несмотря на опасности. Теперь нужно было добыть дровъ. Немедленно приступили къ дѣлу.

Леонъ, Поль и канадецъ, подъ предводительствомъ старика, очистили мѣсто и стали копать четыреугольное отверстіе въ два квадратнымъ метра; Жанна же, Марта и Жанъ отправились за дровами. При помощи рѣзаковъ и топоровъ они скоро на-

брали по связкѣ сучьевъ. Молодой человѣкъ помогъ своимъ спутницамъ взвалить эти связки на плечи, положилъ свою на голову,—и всѣ трое, обливаясь потомъ, достигли участка. Потомъ пришлось принести еще столько же. Затѣмъ дрова сложили въ яму и тамъ зажгли.

— Теперь,—произнесъ Редонъ,—пока земля оттаиваетъ, намъ не мѣшаетъ наполнить чемоданы!

Эта мысль пришлась всѣмъ по душѣ.

Самородки были собраны и снесены подъ просмоленную покрышку.

Неслыханное обиліе и чрезвычайная величина ихъ произвели настоящій столбнякъ: на памяти рудокоповъ не было видано ничего подобнаго. Здѣсь, считая по низкой оцѣнкѣ, золота было не менѣе шестидесяти килограммовъ (150 фунт.), т. е. на сумму 180 тыс. франковъ (67 тыс. рублей).

Вѣсть о счастливой находкѣ нашихъ друзей быстро распространилась между рудокопами, полетѣла въ Доусонъ-Сити и произвела тамъ всеобщую сенсацію. Репортеры двухъ главныхъ въ «столицѣ золота» газетъ—«Клондикскій Самородокъ» и «Юконская полночь» немедленно выѣхали на клэмъ, еще не имѣющій названія. Имъ нужны были автографы, интервью, документы, фотографіи счастливцевъ! Конечно, Редонъ, какъ собратъ по оружію, прекрасно принялъ ихъ.

Новые знакомые проглотили нѣсколько кусковъ мяса и сухарей, выпили по стакану виски и уѣхали черезъ два часа.

Работа, прерванная на нѣкоторое время, возобновилась, такъ какъ почва уже оттаяла на глубину метра. Оставалось только удалить пепелъ и затѣмъ продолжать работу.

Кирки стараго рудокопа и канадца застучали по горячей землѣ, а Леонъ Фортенъ и Поль Редонъ стали поднимать лопатою куски и бросать ихъ наружу. Здѣсь Жанна, Марта и ея братъ осматривали каждый комокъ, чтобы выбрать большіе и маленькіе самородки.

Въ ямѣ, гдѣ работало четверо мужчинъ, наступила адская жара. Засучивъ рукава своихъ рубашекъ, они всѣ ушли въ работу, напрягая всѣ силы.

— Ну, друзья мои, и денекъ! — сказалъ Редонъ, вытирая движеніемъ руки потъ, струившійся по его лицу,— мы заработаемъ тысячу франковъ въ часъ (370 рубл.). Недурно!

— Чортъ возьми! — произнесъ въ это время старый рудокопъ. — Взгляните-ка сюда! Можно подумать, что мы нашли *мать золота*, пресловутое золотое гнѣздо Юкона! — съ этими словами онъ расколоть киркою глыбу, почти такой же величины, какъ открытая Портосомъ.

Леонъ и Поль взглянули на нее и другъ на друга и безъ словъ поняли все.

— Ну, товарищъ, берите ее въ свою собственность!—сказалъ восхищенный журналистъ.

Старичекъ сначала не понялъ.

— Берите же, говорятъ вамъ,—продолжалъ Редонъ, — это вамъ... Не такъ-ли, медамъ?

— О, отъ всего сердца!—воскликнули молодыя дѣвушки.

Старикъ поблѣднѣлъ отъ волненія; кровь прилила на его худое лицо, побурѣвшее отъ двадцатипятилѣтней работы на открытомъ воздухѣ, и онъ едва могъ произнести:

— Вы... золотыя сердца... какъ этотъ металлъ!.. Вы — достойны... своего счастія!.. Моя благодарность... принадлежитъ вамъ навсегда!.. Я—вашъ... берите меня... вы увидите, я буду вамъ полезенъ. Это такъ же вѣрно, какъ мое имя—Пьеръ Лестангъ, уроженецъ прихода Св. Бонифація, близъ Винипега, въ Канадѣ.

— А, моя родина! — вскричалъ Дюшато, протягивая ему руку.—Я долженъ бы догадаться объ этомъ по вашему произношенію!

— Но мы всѣ соотечественники!.. да, по старой Франціи,— прибавилъ Фортенъ, — и вы будете такимъ образомъ вдвойнѣ наши!

Во время этого разговора къ золотоносной ямѣ приблизилась небольшая группа людей подозрительнаго вида. Лохмотья Доусонцевъ были все-таки не лишены живописности, а видъ подошедшихъ свидѣтельствовалъ, казалось, о преступныхъ замыслахъ, но счастливые искатели золота не обратили на это

вниманія и въ порывѣ радости не замѣтили взглядовъ, брошенныхъ вновь прибывшими на палатки, яму и на кучу самородковъ.

Послѣ долгаго нѣмого созерцанія эти люди съ наружностью бандитовъ медленно удалились, какъ бы съ сожалѣніемъ, къ досчатому погребку, гдѣ наскоро былъ устроенъ трактиръ. Незнакомцы усѣлись за бутылкою виски, и одинъ изъ нихъ, оглянувшись кругомъ, тихо проговорилъ своимъ товарищамъ.

— Все ли вы видѣли? смотрите, не забудьте! Особенно позаботьтесь о собакѣ! Чортъ возьми! У нихъ болѣе ста килограммовъ золота, стоящаго по крайней мѣрѣ триста тысячъ франковъ! Нужно, чтобы все это было наше въ теченіе двухъ дней!

VI.

Два человѣка конной полиціи.—Западня.—Два трупа.—Страшная рѣзня.—Еще одинъ мертвецъ.—Упорный сообщникъ.—Пожаръ.—Мнимые полицейскіе.—Охрана для гнѣзда самородковъ.

Недѣлю спустя зловѣщіе незнакомцы, мѣтившіе на золото нашихъ друзей, собрались въ селеніи Фуршъ. Расположенная при сліяніи двухъ рѣкъ, Эльдорадо и Бонанзо, Фуршъ была малою копіею Доусонъ-Сити, такъ какъ здѣсь было такое же положеніе, такая же грязь и топь, тѣ же увесселительныя мѣста, тѣ же люди. Только общественная организація была здѣсь болѣе первобытная, жизнь дороже и суетливѣе, а удовольствія грубѣе.

Здѣсь имѣлся полицейскій постъ, но люди, составлявшіе это учрежденіе, такъ справедливо уважаемое, имѣли множество дѣлъ и никогда не сидѣли на одномъ мѣстѣ, разъѣзжая по горамъ и доламъ. При случаѣ они никогда не отказывались отъ угощенія.

Около трехъ часовъ того же дня, послѣ возвращенія подозрительныхъ незнакомцевъ, два полисмена вернулись въ Фуршъ. Дойдя до перваго дома, харчевни, гдѣ радостно веселилась маленькая группа рудокоповъ, они были остановлены однимъ изъ хвастуновъ, казалось, подстерегавшихъ ихъ. Имъ пожелали по англійски добраго дня и прибавили хриплымъ отъ виски голосомъ:

— Вы чокнетесь съ нами, не такъ-ли?

— Идетъ!—отвѣчалъ одинъ изъ полисменовъ.—Мы уже четыре дня въ дорогѣ и хотимъ пить, а особенно ѣсть!

— Ура! Мы нашли «гнѣздо самородковъ» и по этому случаю собрались пить и ѣсть! Вотъ вы и поможете намъ!

— Но позвольте раньше вычистить лошадей!

— Ни за что! Это сдѣлаетъ харчевникъ!

Хозяинъ харчевни явился. Это былъ высокій и крѣпкій мужчина около тридцати лѣтъ, съ бѣлокурой бородой и волосами. Онъ съ видомъ знатока осмотрѣлъ обѣихъ лошадей.

— А,—сказалъ одинъ изъ полицейскихъ,—я васъ не знаю!

— Ничего нѣтъ удивительнаго! Я здѣсь только недѣлю... я наслѣдовалъ Жое Большой Губкѣ, умершему отъ бѣлой горячки.

— Это должно было произойти!—подхватилъ второй полицейскій.—Этотъ бѣдный Жое не пилъ менѣе галлона (4 литра=8 бутылокъ) въ день, что было уже лишнее!

— Мы познакомимся, господа, и вы будете приняты съ неменьшимъ радушіемъ, чѣмъ у моего предшественника! Но, довольно болтать!.. входите же... я займусь лошадьми.

Сопровождаемые человѣкомъ, пригласившимъ ихъ на улицѣ, полисмены вошли въ довольно большую залу, гдѣ только четверо собесѣдниковъ съ аппетитомъ пили и ѣли. Ихъ познакомили и дали мѣсто за монументальнымъ столомъ, заставленнымъ напитками и съѣстными припасами.

Передъ ними очутились два бокала, наполненные немного дрожавшими руками до краевъ, на тарелкахъ положена была невзыскательная пища золотыхъ полей и, для начала, всѣ звонко чокнулись.

Привыкнувъ къ шумному радушію рудокоповъ, увѣренные въ честности, зная, что въ случаѣ нужды ничто не въ силахъ заставить ихъ пренебречь своими обязанностями, оба полисмена принимали угощеніе, не дожидаясь упрашиваній.

Хорошіе ѣдоки и безконечные питухи, что не удивительно въ людяхъ, проводящихъ службу среди пятидесяти и болѣе градусовъ холода, они пили полными стаканами, потомъ принялись

за ѣду, съ поспѣшностью солдатъ во время похода, забивая въ ротъ куски пищи и снова запивая ихъ.

Хозяинъ харчевни вернулся съ бутылками и закуской. Обмѣнявшись съ однимъ изъ выпивавшихъ значительнымъ взглядомъ, онъ проговорилъ.

— Лошади приведены въ порядокъ, джентльмены, вы можете быть спокойны!

Полисмены поблагодарили и беззаботно стали продолжать пиршество. Они разстегнули свои сюртуки, потому что стало жарко, ослабили пояса и, работая челюстями, слушали застольную пѣсню одного изъ собесѣдниковъ. Правда, это была убогая поэзія, музыка—сомнительная, а талантъ виртуоза ниже всего, но все-таки ему апплодировали и пили тѣмъ болѣе, что пища и поглощаемые напитки производили неутолимую жажду.

Часы протекали. Наконецъ, видя, что попойка грозила перейти въ грязную оргію пьяницъ, полисмены объявили, что обязанности службы заставляютъ ихъ удалиться.

— Какъ!.. уже?.. такъ весело!—вскричали ихъ собесѣдники. Но тѣ настаивали и встали.

— Ну, еще бокалъ... прощальный! Стаканъ вишневаго ликера... изъ Чернаго-Лѣса, стоющій двѣнадцать долларовъ бутылка!

Полисмены принуждены были согласиться. Вдругъ глаза ихъ расширились и сдѣлались неподвижны, ротъ сжался, пальцы скрючились,—и стаканы выпали изъ рукъ. Конвульсивное подергиваніе пробѣжало съ ногъ до головы,—и оба, безъ крика или вздоха, упали замертво.

— Умерли, Френсисъ?—спросилъ одинъ изъ пьяницъ, котораго это страшное событіе, казалось, отрезвило.

— Да, я убилъ ихъ безъ колебанія и угрызенія совѣсти!—отвѣчалъ совершенно спокойно убійца, извѣстный подъ именемъ Френсиса. Добрая порція синильной кислоты, прибавленной въ ихъ стаканъ, — и готово! Они перешли отъ жизни къ смерти безъ всякихъ страданій и особенно безъ криковъ!

— Но противъ насъ будетъ все населеніе... законъ Линча... висѣлица... разстрѣляніе!..

— Не бойся, кара за убійство — не сильнѣе, чѣмъ за кражу!

Здѣсь нѣтъ такого различія. Однако, довольно болтать! Нужно раздѣть догола этихъ джентльменовъ, пока они еще теплы.— Съ этими словами разбойникъ сталъ раздѣвать несчастнаго, который находился около него, согнувшись пополамъ и упавъ лицомъ на столъ, съ раскинутыми руками.

Онъ разстегнулъ поясъ, къ которому былъ прикрѣпленъ кожаный кобуръ съ револьверами, вынулъ одинъ рукавъ доломана, потомъ другой и сказалъ:

— Мы одинаковаго роста.. это будетъ мнѣ какъ разъ впору!

Но человѣкъ, только что выражавшій опасенія, прибавилъ:

— Мы не согласны убивать... я хочу воровать, но отказываюсь убивать... слышишь, Френсисъ?.. Не разсчитывай же на меня, я разрываю съ этого момента нашъ договоръ!

— Это твое послѣднее слово?

— Да!

— Подумай, вѣдь, ты получишь на свою долю болѣе милліона фунтовъ (9 милл. рублей)!

— Цифра блестящая, но, повторяю, не хочу быть убійцей!

Тогда съ быстротою мысли Френсисъ схватилъ револьверъ полисмена и выстрѣломъ въ упоръ наповалъ убилъ собесѣдника.

— Самъ виноватъ, дуракъ! Я хочу имѣть дѣло только съ готовыми на все людьми и устраняю слабыхъ, которые завтра могутъ сдѣлаться измѣнниками!

— Браво, Френсисъ!—вскричалъ охрипшимъ голосомъ одинъ изъ трехъ оставшихся собутыльниковъ.—Ты—настоящій предводитель! Мы послѣдуемъ за тобою на дно ада, если тебѣ угодно будетъ туда спуститься. Не такъ ли, товарищи?

— Да!.. да!.. Френсисъ хорошо сдѣлалъ — Долой трусовъ! Долой измѣнниковъ!

Въ этотъ моментъ въ залу, наполненную пороховымъ дымомъ, вошелъ содержатель харчевни.

— Пистолетный выстрѣлъ! Френсисъ, ты виноватъ? Вспомни, Однако, что мы — не въ Калифорніи или въ Австраліи!

— Такъ нужно было, Бобъ. Онъ не былъ ненадеженъ! однако, насъ только четверо, а должно быть пятеро!

— Ба! Брось. Мы подыщемъ здѣсь пятаго товарища, а,

если понадобится, призовемъ одного изъ нашихъ братьевъ изъ Англіи. Тамъ видно будетъ! Теперь же надо освободиться отъ этихъ тѣлъ!

— Лишь бы только выстрѣлъ не привлекъ кого! Развѣ зарыть ихъ здѣсь на дворѣ?—проговорилъ хозяинъ.

— Ты забываешь, что земля промерзла на два фута глубиною и что она тверда, какъ скала!

— Вѣрно! Какая идіотская страна!

— Ну, не говори, это—страна милліоновъ!

— Я вижу только одно средство спровадить эту кучу мяса,—предложилъ одинъ изъ разбойниковъ,—разрѣзать на куски, зашить въ брезентъ и бросить въ воду или опустить въ какую-нибудь заброшенную рудокопами яму!

— Твое средство великолѣпно! Ну, не будемъ терять ни минуты. Я запру дверь, какъ будто бы ушелъ куда!

Съ этими словами четверо бандитовъ, раздѣвъ несчастныхъ полисменовъ до-нага, положили ихъ на столъ и принялись кромсать. Страшная работа была быстро исполнена злодѣями, которыхъ ничто не трогало и которые съ окровавленными руками отпускали непристойныя шутки и пили вино. Внутренности и члены были запакованы въ просмоленное полотно и завязаны такъ, что ихъ можно было принять по виду за свертки провизіи. Оставался только трупъ человѣка, убитаго изъ револьвера. Его собирались также убрать, какъ Бобъ, ударивъ себя по лбу, вскричалъ:

— У меня явилась мысль, богатая мысль, избавляющая насъ отъ излишней работы!—и не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, онъ взялъ веревку, довольно длинную и прочную, сдѣлалъ петлю и затянулъ ею шею мертвеца.

— Мы сдѣлаемъ такъ, что онъ повѣсился, или точнѣе повѣшенъ: геніальный способъ узаконить выстрѣлъ въ голову.

— Не понимаю!—проговорилъ Френсисъ.

— Увидишь!

Онъ взялъ кусокъ бѣлаго картона и написавъ на немъ: «Обвиненный и казненный за кражу судомъ Линча», привѣсилъ картонъ на грудь несчастнаго и прибавилъ, — воспользуемся

двумя часами ночи, чтобы унести его отсюда и повѣсить на дерево. Подумаютъ, что это случайность. Это будетъ хорошимъ примѣромъ и спокойнѣе для насъ!

— Чудесно, товарищъ! А теперь за дѣло!

Съ этими словами Френсисъ раздѣлся, одѣлъ полную форму полисмена и сказалъ Бобу.

— Дѣлай то же!

Бобъ повиновался и въ нѣсколько минутъ произвелъ операцію переодѣванья, сдѣлавшую его неузнаваемымъ. Оба бандита въ костюмахъ конныхъ полисменовъ могли теперь обмануть самый опытный глазъ. Между тѣмъ два соучастника вымыли столъ, на которомъ производилась ужасная операція, потомъ принесли новыя бутылки, — и попойка продолжалась, словно тутъ не было едва остывшихъ труповъ.

Вдругъ въ дверь раздалось нѣсколько ударовъ.

— Кто тамъ?—проревѣлъ Бобъ.—Убирайтесь! Здѣсь сидятъ счастливцы, желающіе веселиться безъ постороннихъ! Приходите завтра!

Стукъ прекратился: новые посѣтители харчевни удалились, хорошо понимая желаніе милліонеровъ веселиться въ своей кампаніи.

Время шло; настала темнота. Оба бандита, т. е. переодѣтые въ полицейскихъ, съ безконечными предосторожностями вынесли трупъ товарища, не встрѣтивъ никого, повѣсили его на первое дерево и возвратились въ харчевню; здѣсь Френсисъ, казавшійся начальникомъ, далъ имъ послѣднія приказанія:

— Условьтесь относительно исчезновенія человѣческихъ останковъ! Будьте осторожны, никоимъ образомъ не возбуждайте подозрѣній и терпѣливо ждите нашего возвращенія въ таверну «Человѣка-Пушки». Отъ этой первой операціи зависитъ ослѣпительное богатство, которое я обѣщалъ вамъ... Милліоны!

— Рѣшено, разсчитывайте на насъ!

Мнимые полисмены немедленно отправились въ конюшню, осѣдлали лошадей и поѣхали по направленію къ холмамъ. Въ харчевнѣ остались ихъ соучастники, чтобъ убрать трупы двухъ конныхъ полицейскихъ.

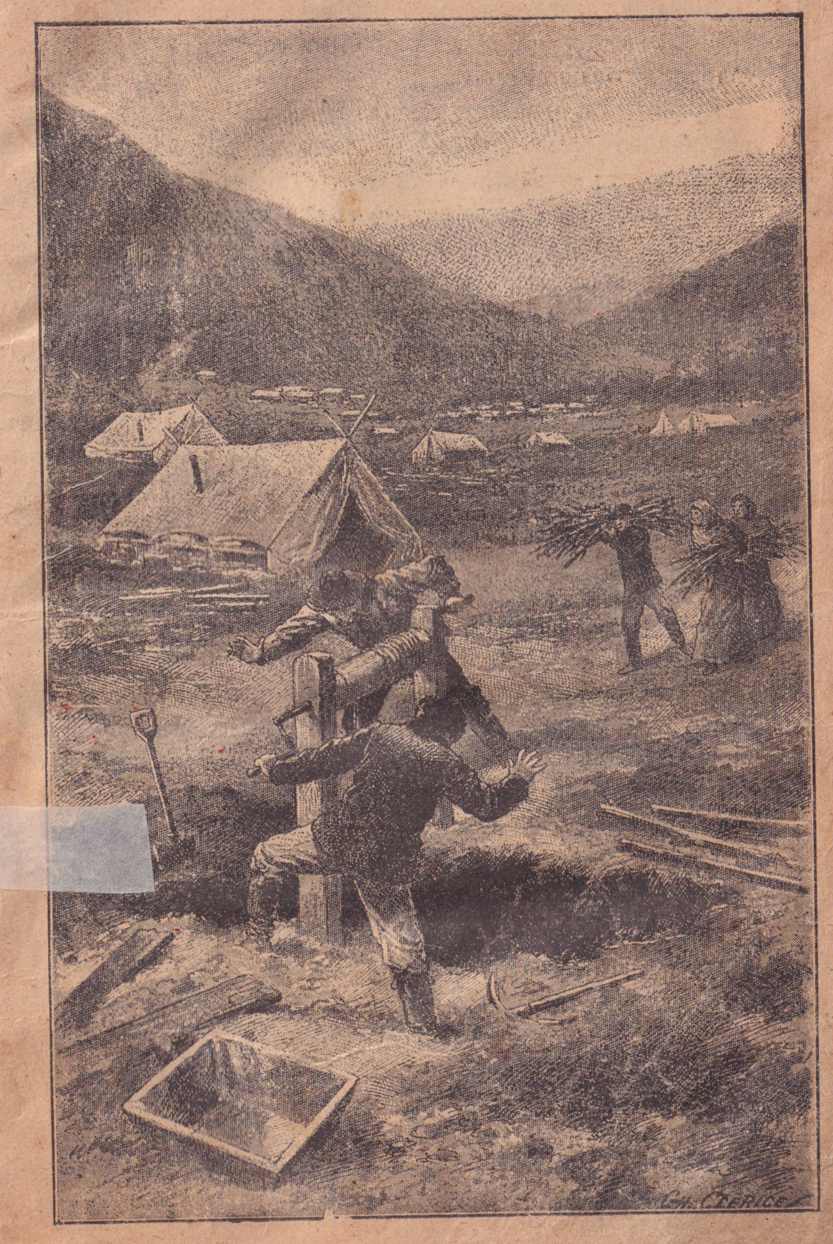
Это ужасное дѣло представляло много затрудненій. Прежде всего, тюки были тяжелы и многочисленны. Ихъ было шесть, и каждый вѣсилъ около шестидесяти фунтовъ. Затѣмъ представлялся вопросъ, куда ихъ снести? Френсисъ совѣтовалъ бросить въ заброшенныя ямы. Но такихъ по сосѣдству не было; бросить въ воду, но они могли всплыть потомъ, кромѣ того переноска потребовала бы троекратнаго длиннаго, труднаго и опаснаго путешествія. Тогда одному бандиту пришла въ голову мысль разломать внутреннія перегородки харчэвни, сложить доски въ костеръ и прикрыть имъ останки. Они положили туда всѣ твердые припасы, какъ-то: масло, окорокъ, сало, чтобы сдѣлать сожженіе болѣе легкимъ и особенно болѣе полнымъ, потомъ выпили сколько могли спирту, остатки бросили въ огонь и вышли, заперевъ дверь. Все это въ мгновеніе ока воспламенилось, какъ пакля.

Въ деревнѣ Фуршъ не было ни пожарной трубы, ни пожарныхъ,—и жители, разселившіеся рѣдко, изъ опасенія пожаровъ, теперь оставались спокойными зрителями, какъ огонь дѣлалъ свое дѣло и уничтожалъ послѣдніе слѣды преступнаго дѣла. Тогда два товарища медленно двинулись въ Доусонъ-Сити на свиданіе съ двумя ложными полисменами. Между тѣмъ послѣдніе неторопливо ѣхали по теченію Эльдорадо, провожаемые по дорогѣ поклонами и привѣтствіями, получаемыми не по праву, а цѣною преступленія. Но это не мѣшало имъ отвѣчать поклономъ на поклонъ, пожатіемъ на пожатіе и оставлять въ людяхъ самое пріятное впечатлѣніе.

Богатые участки слѣдовали одинъ за другимъ, затѣмъ они дѣлались все рѣже, по мѣрѣ того, какъ приближалась цѣпь холмовъ, раздѣлявшихъ бассейнъ Бонанзы отъ бассейна Индіаны.

Тутъ бандиты дали лошадямъ нѣсколько часовъ отдыха и продолжали свой путь, направляясь къ участку французовъ, который и былъ цѣлью ихъ поѣздки.

Они пріѣхали въ тотъ моментъ, когда утомленные тяжелымъ и непривычнымъ трудомъ, счастливые рудокопы сѣли за столъ, его, впрочемъ, замѣняла простая подставка, передъ которой каждый присѣлъ на корточки, какъ въ деревнѣ.

«Вдругъ послышался какой-то глухой шумъ и страшные крики «помогите, помогите!»... (къ стр. 130).

Кушаній, приготовленныхъ молодыми дѣвушками и приправленныхъ ни съ чѣмъ несравнимымъ соусомъ — аппетитомъ, было въ изобиліи.

Прибытіе полицейскихъ было встрѣчено привѣтственными криками: во время пребыванія своего въ Доусонѣ европейцы научились ихъ узнавать и уважать. Что касается канадцевъ, то имъ давно было извѣстно, что это за солдаты.

Итакъ, пріемъ былъ хорошій. Полицейскихъ пригласили освѣжиться и раздѣлить завтракъ.

Тѣ съ готовностью приняли приглашеніе, слѣзли съ лошадей и заботливо осмотрѣли ихъ, какъ своихъ преданныхъ помощниковъ, а когда, наконецъ, въ свою очередь присѣли передъ брезентомъ, счастливые этимъ пріемомъ, но стѣсняющіеся немного своихъ образованныхъ хозяевъ, старый рудокопъ вскричалъ:

— Вотъ такъ счастье! Я перевожу въ банкъ болѣе двухсотъ фунтовъ золота, эти двое молодцовъ будутъ сопровождать насъ!

— Это дѣйствительно счастье! — сказалъ Редонъ, — намъ много говорили относительно безопасности въ этой странѣ, но я не совсѣмъ довѣряю живущей здѣсь бѣднотѣ!

— Я тоже, — прибавилъ Леонъ, — и буду спокоенъ только тогда, когда наше имущество будетъ въ надежномъ мѣстѣ!

— Вы можете разсчитывать на насъ! — съ важностью произнесъ мнимый полисмэнъ Френсисъ.

— Это наша обязанность, и мы скорѣе позволимъ себя убить, чѣмъ дотронуться до вашего добра! — подтвердилъ его соучастникъ Бобъ.

— Мы вѣримъ вамъ и будемъ спать какъ могутъ спать только убитые! — заключилъ канадецъ.

VII.

Хитрость разбойниковъ.—Во время сна.—Гнѣздо самородковъ переходитъ въ другія руки.—Умерли-ли они?—Хлороформъ.—Непріятное пробужденіе. — Обокрадены. – Бѣшенство Редона. — Non bis in idem.—Поиски Леона.—Тревоги ученаго.

Полицейскіе солдаты казались очень утомленными, что для рудокоповъ, знавшихъ ихъ трудныя и утомительныя трудности, не казалось удивительнымъ. И потому, когда ужинъ подошелъ къ концу, французы предложили имъ отдохнуть; тѣ сначала отговаривались, впрочемъ, больше отъ приличія, потомъ согласились; имъ отвели мѣсто для ночлега подъ большой шелковой палаткой мужчинъ. Марта же и Жанна, какъ и въ Доусонъ-Сити, поселились въ самой маленькой палаткѣ, гдѣ былъ также складъ съѣстныхъ припасовъ.

Наступила ночь, и громадное багряное солнце скрылось за горизонтомъ, но все-таки царившій полумракъ давалъ возможность различать на извѣстномъ разстояніи окружающіе предметы, конечно, въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ.

Участки золотоискателей погрузились въ сонъ, Наши друзья Леонъ Фортенъ, Поль Редонъ, Дюшато, старый рудокопъ, Пьеръ Лестангъ, и Жанъ Грандье растянулись на своихъ постеляхъ, дружески перемѣшавшись, и крѣпко заснули. Полисмэны расположились близъ входа въ палатку, чтобы наблюдать за лошадьми, стреноженными въ десяти шагахъ и желавшими стебли злаковъ, нарѣзанныхъ по сосѣдству.

Прошло около получаса. Вдругъ на гладкой почвѣ черезъ отверстіе ткани, завѣшивавшей входъ въ палатку, показалась голова, потомъ, черезъ минуту — другая. Около колышковъ отверстіе осталось съ намѣреніемъ плотно закрытымъ, можетъ быть, съ цѣлью помѣшать воздуху проникнуть внутрь палатки. Однако, тамъ почувствовался какъ будто легкій эфирный запахъ; запахъ странный, возбуждающій, словно это были очень зрѣлые ранеты.

Прошло еще полчаса. Обѣ головы слегка зашевелились. Поднялся неясный шепотъ, невнятный разговоръ.

— Дѣло сдѣлано! Я налилъ изрядную дозу, способную прекратить ихъ въ деревянныхъ человѣчковъ.

— А собака?

— И она, кажется, готова! Теперь можно приняться за сокровище!

— У меня захвачена свѣчка, чтобы разсмотрѣть самородки.

— А если, противъ ожиданія, одинъ изъ спящихъ проснется и будетъ шумѣть?

— У меня есть ножъ; первый, попытавшійся возбудить тревогу, будетъ зарѣзанъ, какъ цыпленокъ! Но я спокоенъ!

— Идемъ-же!.. тихо и безъ малѣйшаго шума, чтобы не разбудить женщинъ въ другой палаткѣ!

Одна изъ двухъ головъ опять появилась на сценѣ, и ея обладатель наполовину выпрямился, чиркнулъ спичкой, зажегъ свѣчу и внимательно осмотрѣлся вокругъ.

Никто не просыпался, и едва замѣтное теперь дыханіе, бывшее недавно шумнымъ и глубокимъ, вылетало изъ устъ спящихъ. Всѣ они разбросались въ живописномъ и трагическомъ безпорядкѣ.

Ихъ лица, блѣдныя и вытянутыя, при колеблющемся свѣтѣ казались лицами труповъ. Губы были сжаты, ноздри раздуты, глаза плотно закрыты, руки скрещены. Одна собака лежала съ широко раскрытыми, тусклыми, мертвыми глазами.

Человѣкъ, державшій свѣчу, былъ Френсисъ, мнимый полисмэнъ. Онъ потрогалъ своими массивными сапогами со шпорами эти неподвижныя тѣла, какъ бы желая убѣдиться въ ихъ полной нечувствительности, потомъ пробормоталъ.

— Ихъ не разбудила бы и пушка... все идетъ хорошо! Бобъ, держись наготовѣ!—Бандитъ безшумно, ползкомъ выбрался изъ палатки, держа кинжалъ въ зубахъ. Къ счастію, утомленныя Жанна и Марта спали очень крѣпко, не то при малѣйшемъ словѣ или жестѣ негодяй безжалостно прирѣзалъ бы ихъ.

Самородки были раздѣлены на четыре пакета, каждый вѣсомъ около пятидесяти фунтовъ, пакеты эти лежали подъ матрацами четырехъ компаньоновъ въ маленькомъ углубленіи.

Френсисъ безъ всякаго стѣсненія воткнулъ свѣчу въ землю и, приподнимая одною рукою одно за другимъ эти неподвижныя тѣла, другою сталъ выбрасывать пакеты съ золотомъ, а его соучастникъ принималъ ихъ. Въ десять минутъ все было кончено. Обокравъ дочиста компанію золотопромышленниковъ, бандиты осѣдлали лошадей, крѣпко привязали золото къ сѣдламъ и спокойно двинулись по направленію къ сѣверу. Черезъ нѣсколько минутъ они исчезли въ пустынной дали, не будучи замѣчены рѣдкими сосѣдями, покоившимися въ своихъ палаткахъ.

Между тѣмъ, часа въ два утра молодыя дѣвушки почему-то пробудились и, удивленныя окружающею тишиной, медленно поднялись съ мѣстъ. Жанна первая, покинувъ то, что Редонъ въ шутку называлъ дамскимъ купэ, направилась къ мужскому отдѣленію и принялась звать отца, не понимая, какимъ образомъ дѣятельный канадецъ, всегда встававшій раньше другихъ, могъ спать глубокимъ сномъ.

— Ну, отецъ, вставай! Солнце уже высоко!

Но въ отвѣтъ не раздалось ни движенія, ни даже лая собаки, обыкновенно очень бдительной.

Молодую дѣвушку охватилъ страхъ; полнымъ ужаса голосомъ она позвала подругу.

— Марта! Идите скорѣе... несчастье... О, Боже мой!.. я боюсь!...

Марта, вся блѣдная, быстро откинула входъ въ палатку и при видѣ пяти неподвижныхъ, какъ трупы, мужчинъ, испустила горестный крикъ.

— Мертвы... о!.. нѣтъ... это невозможно!

Обезумѣвъ отъ ужаса, она бросилась въ палатку и остановилась, пораженная какимъ-то запахомъ, напоминавшимъ запахъ хлороформа. Въ то же время ея подруга обнаружила отсутствіе лошадей.

— Полицейскіе уѣхали!

Подозрѣніе закралось въ сердце Марты, невольно спрашивавшей себя, чѣмъ объяснить это внезапное исчезновеніе; однако,

разсуждать было не время. Какъ энергичная дѣвушка, она овладѣла собою и, призвавъ на помощь все свое хладнокровіе, закричала подругѣ.

— Воздуху!.. нужно воздуху!.. скорѣе!.. вынесемъ ихъ отсюда!

Съ силою, какой онѣ даже не подозрѣвали въ себѣ, обѣ дѣвушки по очереди вынесли изъ палатки всѣхъ четырехъ мужчинъ и положили на землю. Тѣла были еще теплыя.

— Жанна!.. холодной воды... бѣгите, пожалуйста!

Пока канадка, захвативъ кружку, бѣгала къ сосѣднему ручью, Марта разстегнула ворота больныхъ, обнажила ихъ грудь и стала ихъ растирать, но вскорѣ пришла въ отчаяніе, видя безполезность этихъ усилій. Наконецъ, когда возвратилась Жанна съ водой, она, намочивъ платокъ холодной водой, стала прикладывать его къ неподвижнымъ лицамъ.

— Дѣлайте то же, Жанна, трите сильнѣе! — сказала она подругѣ.

Розоватый оттѣнокъ показался на кожѣ,—и дѣвушка рѣшила, пытаясь вспомнить нѣкоторыя правила гигіены и подачи помощи раненымъ, примѣнить искусственное дыханіе. Она нажимала на грудь стараго рудокопа такимъ образомъ, чтобы уменьшить объемъ легкихъ, потомъ внезапно освобождала грудь, чтобы произвести такимъ образомъ сильное дыханіе. Средство оказалось дѣйствительнымъ, такъ какъ старикъ сталъ слабо шевелиться. Теперь очередь была за Леономъ.

Руки молодой дѣвушки дрожали при прикосновеніи къ доброму, преданному другу. Языкъ его былъ слегка сжатъ зубами, и пульсъ почти незамѣтенъ.

Съ изобрѣтательностью, удивившей ее саму, дѣвушка схватила желѣзную ложку, всунула ручку ея между челюстями, съ силою раскрыла ихъ и, не зная, что дѣлать, влила большой глотокъ виски въ ротъ. А нужно замѣтить, Леонъ употреблялъ только воду. Поэтому, какъ только горячительный напитокъ коснулся его рта и обжегъ его, какъ минеральной кислотой, горловые мускулы молодого человѣка подернулись, и животъ слегка поднялся. Тотчасъ послѣ этого кровь хлынула къ лицу,

легкія наполнились воздухомъ, тѣло шевельнулось, глаза открылись,—и Леонъ внезапно ожилъ.

Онъ энергичнымъ усиліемъ поднялся на ноги при видѣ молодой дѣвушки, улыбавшейся сквозь слезы, и нетвердымъ голосомъ произнесъ.

— Мадемуазель Марта, я спасенъ вами, благодарю васъ!

Тутъ онъ замѣтилъ другихъ мужчинъ, все еще распростертыхъ на землѣ, и Жанну, смачивавшую ихъ свѣжею водою. Ему тотчасъ же пришла въ голову мысль объ удушеніи ядовитыми газами, вырвавшимися изъ почвы.

— Задушены?—спросилъ онъ молодую дѣвушку.

— Преступное покушеніе, полисмэны исчезли... пробудившись мы нашли васъ умирающими!

Леонъ тотчасъ поднялся, откладывая объясненія и желая помочь Мартѣ и Жаннѣ. Онъ дотащился до Жана, насильно открылъ ему ротъ, схватилъ пальцами, обернутыми носовымъ платкомъ, языкъ его и произвелъ нѣсколько ритмическихъ движеній. Это средство, лучшее при задушеніи, подѣйствовало очень быстро и возвратило къ жизни молодого человѣка.

Въ то время какъ Марта занялась старымъ рудокопомъ, а Жанна — своимъ отцомъ, Леонъ принялся за Рена. Опять вытягиваніе языка сдѣлало чудо, но потребовало от еще слабого Леона доброй четверти часа труда.

— А Портосъ?—вспомнили тогда о собаке однако оказалось, что и ньюфаунлендъ очнулся без врачебной помощи. Онъ явился изъ глубины палатки, зевая и шатаясь какъ пьяный. Собака присоединилась к группе людей старавшихся придти в себя и утвердится на колеблющихся ногахъ.

— Гдѣ-же полицейские? спросил, едва ворочая языком, канадцы - репортер

— Уехали!

Этот отъезд слишком похожий на бегство, показался всѣмъ более, чем подозрительным. Лишь бы они не обокрали нас! - Воскликнул Леон, Эта же мысль обеспокоила других, и все нетвердыми

еще шагами бросились осматривать кладовыя подъ своими постелями. Кладовыя эти, какъ извѣстно, были пусты. Только присутствіе молодыхъ дѣвушекъ могло остановить потокъ проклятій, готовыхъ сорваться съ губъ компаньоновъ. Но отъ этой сдержанности ярость не уменьшилась.

— Насъ провели самымъ жестокимъ образомъ!—вскричалъ Дюпато.

— Но глупѣе всего,—пробурчалъ Редонъ,—что мы постыдно обокрадены въ тотъ моментъ, когда журналы Доусона публикуютъ наши интервью, наши портреты, наши фотографіи, когда всякій завидуетъ намъ, когда о насъ разсуждаютъ на всѣ лады, когда мы, наконецъ, богатѣйшіе, счастливѣйшіе, сказочные владѣльцы знаменитаго «гнѣзда самородковъ»!

— Ба!—философски вмѣшался Леонъ Фортенъ,—лучше внушать зависть, нежели жалость! Мы поквитаемся, добывъ новое богатство!

— Болтай себѣ на здоровье! — возразилъ на это съ комическимъ оттѣнкомъ Редонъ, — неужели ты думаешь, что найуется вторая землеройка, которая, зарывшись во вторую дыру, наталкнет Портоса на второе «гнѣздо»?

Попробуем! Ищи, Портосъ!... Ищи, животина...

Но собака ~~хавшаяся~~, лишь слабо вильнула хво-

Ты не расходился еще, не такъ-ли, мой бѣдный песикъ? И потом ничего не хочешь: ... in idem!

В вольном переводе это значит: нельзя дважды найти апельсинов в одной и той же корзине!

— Как знать! прервал загадочно Фортень.

— Ты думаешь?

Если не в одной и той же корзине, по крайней мере в том же клэме.

— Ты прекрасно видишь, что у Портоса нет больше нюха. Здесь надо бы перигорскую собаку, приученную искать трюфели! За недостатком Портоса я сам мог бы действовать! — Так не теряй времени и поищи! Скучно заносить в разряд убытков →

разрядъ убытковъ великолѣпную груду золота, похищеннаго полицейскими чинами! А я находилъ ихъ такими добряками!

— Ну, дай-же мнѣ начать поиски!

— Ты хочешь остаться одинъ?

— Да!

Съ этими словами Леонъ повернулся спиною къ остальнымъ членамъ группы и сталъ медленно пересѣкать клэмъ, по всѣмъ направленіямъ. Время отъ времени онъ наклонялся, потомъ на минуту становился на колѣни и вскорѣ продолжалъ поиски. Такой пріемъ, живо заинтересовавшій его друзей, продолжался около часа. Потомъ утомленный, покрытый потомъ Леонъ возвратился къ палаткѣ, гдѣ его ждалъ накрытый столъ.

Онъ сохранилъ непроницаемость, заставившую молодыхъ дѣвушекъ улыбаться, но раздражавшую мужчинъ и особенно Редона.

Завтракъ затянулся. За исключеніемъ Марты и Жанны каждый чувствовалъ боль въ головѣ, затрудненное дыханіе и боль въ членахъ. Къ физическимъ послѣдствіямъ дѣйствія хлороформа присоединилось еще уныніе по поводу кражи. Наконецъ, Редонъ, будучи не въ силахъ сдерживаться, воскликнулъ:

— Ну!.. пожалуйста, скажи намъ о золотѣ. Такъ какъ ты имѣешь даръ предвидѣнія для открытія золота, какъ «источниковъ» подземныхъ водъ, то скажи, что ты нашелъ?

— Немного! Клэмъ почти вездѣ имѣетъ золото, но въ малыхъ количествѣ!

— Ахъ, Боже мой! Мадемуазель Марта, вашъ клэмъ плохъ! Итакъ, ни малѣйшаго гнѣзда самородковъ?

— Я нашелъ кое-что, но не смѣю раскапывать. Я слишкомъ боюсь неудачи!

— Напротивъ, возьмемъ кирки и лопаты, осмотримъ мѣсто и—въ дѣло мускулы! А ты, дружище Портосъ, сопровождай насъ!

Всѣ семеро, мужчины и женщины съ ньюфаундлендомъ быстро оставили палатку и отправились къ мѣсту, указанному Леономъ Фортеномъ.

Послѣдній, слегка поблѣднѣвъ, кусалъ свой длинный усъ и казался сильно взволнованнымъ. Конечно, въ немъ сказывался

обыкновенный человѣкъ, который никогда не можетъ равнодушно смотрѣть на золото. Но ученый имѣлъ другую причину волноваться: онъ хотѣлъ знать, чего стоитъ его необычайное и геніальное открытіе, именно, открытіе особаго металла, притягивающаго золото.

VII.

Новое открытіе.—Не случайность.—Гнѣздо самородковъ.—Редонъ палъ духомъ.—Избалованный счастьемъ.—Золотая буссоль.—Періодическій законъ Манделѣева.

Итакъ, Леонъ Фортенъ направился въ клэмъ въ сопровожденіи всей компаніи, включая и дѣвушекъ; всѣ были крайне заинтересованы поведеніемъ молодого ученаго. Дюшато просто рѣшилъ, что Леонъ не въ своемъ умѣ, такъ ему показалось странно, при видѣ того, какъ тотъ размахиваетъ своимъ брелокомъ. Старый канадецъ, съ двадцатилѣтняго возраста бывшій на золотыхъ поляхъ и принадлежавшій къ числу самыхъ опытныхъ рудокоповъ континента, съ насмѣшливой ироніей улыбался затѣѣ, напоминая тѣхъ крестьянъ, которые, слушая рѣчи профессора земледѣлія, говорятъ подъ сурдинку.

— Посмотрите, этотъ прекрасный господинъ изъ города хочетъ научить насъ, какъ выращивать морковь и капусту!

Группа пересѣкла клэмъ и пошла къ западной границѣ его, до которой едва осталось два метра.

— Здѣсь!—произнесъ немного дрожащимъ голосомъ Леонъ, обозначивъ мѣсто крестомъ, начертаннымъ на почвѣ.

— Ну, будемъ рыть!—сказалъ Редонъ, дѣлая первый ударъ киркою.

Старый канадецъ пожалъ плечами и замѣтилъ вполголоса Дюшато.

— Нѣтъ!.. Это дѣтская затѣя... ничего не найдутъ!

Тотъ тономъ состраданія отвѣтилъ:

— Э, я и самъ хорошо знаю! Но если это составляетъ Удовольствіе нашимъ землякамъ!—и принялся за работу, которая теперь уже спорилась въ его рукахъ.

Рыли уже полчаса. Отверстіе увеличилось въ ширину и глубину. Черезъ минуту долженъ былъ начаться ледяной слой. Вдругъ лопата журналиста наткнулась на какое-то твердое тѣло и издала отчетливый звукъ.

— Что это?

Старый рудокопъ, бросивъ свою кирку, наклонился и, поднявъ что-то, вскричалъ съ изумленіемъ:

— Боже!.. золото!..

Потомъ, какъ будто бы взятый предметъ жегъ его, онъ бросилъ къ ногамъ Бортена прекрасный слитокъ золота, величиною съ каштанъ.

— Чортъ возьми!—вскричалъ въ свою очередь Редонъ, разрывая рукояткой своей лопаты кусокъ земли,—жила возвращается! Браво! мы вновь разбогатѣемъ!

— Это опять счастливый случай, или французъ приходится сродни дьяволу!

Леонъ подобралъ слитокъ, поднесъ его Мартѣ и съ улыбкой сказалъ ей:

— Надѣюсь, мадемуазель, что въ этомъ открытіи нѣтъ ни малѣйшей случайности, какъ думаетъ нашъ бравый товарищъ!

— О! Это было бы слишкомъ хорошо! Впрочемъ, я вѣрю вамъ!

— Это чисто научное открытіе... Если позволите, я объясню вамъ немного позднѣе поистинѣ необычайный секретъ его!

— А мнѣ, мосье Леонъ, скажете? — спросилъ Жанъ, внимательно смотрѣвшій на слитокъ въ рукѣ сестры.

— Да, другъ мой, такъ какъ, на случай несчастья, я хочу васъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, а это наслѣдство сдѣлаетъ васъ царемъ золота!

— О, не говорите такъ! Вы не знаете, какое горе причиняете мнѣ!

Восклицаніе Дюшато прервало эту бесѣду, ведущуюся вполголоса.

— Еще слитокъ!.. Меньшій по величинѣ, но такой же чистоты!

Дѣйствительно, второй кусокъ золота былъ величиною съ орѣхъ.

— Еще одинъ!— на этотъ разъ кричалъ старый рудокопъ Лестангъ.

Мало-по-малу, послѣ трехъ часовъ работы, самородковъ набралось около трехъ килограммовъ, т. е. на кругленькую сумму въ десять тысячъ франковъ (3700 рублей), чего еще никогда не видано было на участкахъ Клондика. Самые недовѣрчивые люди пришли въ энтузіазмъ отъ подобнаго результата, превосходившаго самыя смѣлыя надежды.

Однако, вскорѣ всѣ стали чувствовать сильное недомоганіе. Было-ли это слѣдствіемъ хлороформа или просто усталостью,— неизвѣстно. Только журналистъ, Леонъ и Жанъ отказались отъ работы.

— Въ такомъ случаѣ, господа, мы съ Жанной останемся здѣсь, чтобы окончить разборку земли!—проговорила Марта.

— Но, мадемуазель...

— Пожалуйста, идите отдохнуть! Мы прекрасно поработаемъ безъ васъ и... за васъ!

Мужчины медленно удалились и молча пересѣкли клэмъ наискось.

На губахъ Жана Грандье былъ вопросъ, и онъ вопросительно посматривалъ на Леона, колеблясь спросить, но все-таки въ концѣ концовъ сказалъ:— мосье Леонъ... вы обѣщали сейчасъ...

— Что, мой дорогой другъ?

— Сказать Мартѣ и мнѣ...секретъ открытія... вами золота... Марты нѣтъ, правда... но вы можете объяснить ей потомъ... Я такъ бы радъ былъ узнать...

— Шт!.. тише... войдемъ въ палатку... вы узнаете все!

Убѣдившись, что ни одно нескромное ухо не услышитъ ихъ, Леонъ вынулъ изъ внутренняго кармана своего жилета маленькій инструментъ, насаженный на прочную никкелевую цѣпочку.

— Поль, ты хочешь спать?

— О, нѣтъ! — вскричалъ журналистъ, — я узнаю штучку, помогшую намъ открыть золото... по крайней мѣрѣ твое... хотя вѣрнѣе, что Портоса!

Леонъ улыбнулся и, обращаясь къ Жану, проговорилъ:

— Видите-ли эту «штучку», какъ ее назвалъ сейчасъ этотъ шутникъ Редонъ? На самомъ дѣлѣ это—буссоль, но буссоль осо-

бенная: ничто не можетъ привести въ движеніе ея иглу. Поворачивайте ее, отклоняйте, направляйте по всѣмъ четыремъ странамъ свѣта, она останется неподвижной. Но, если, держа ее правой рукой, лѣвой я поднесу кусокъ золота, то игла приходитъ въ движеніе и направляется къ золоту, которое притягиваетъ ее, какъ магнитъ желѣзо. Видите: она вертится, отклоняется направо и налѣво по мѣрѣ того, какъ я перемѣщаю кусокъ золота. Прибавимъ еще, что способность къ движенію проявляется только въ присутствіи одного золота за исключеніемъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ металловъ.

— Но, мосье Леонъ, это, вѣдь, чудо!—съ удивленіемъ вскричалъ молодой человѣкъ.

— Въ результатѣ, да, это чудо!

— Я бы очень хотѣлъ знать причину этого страннаго явленія!

— И я также,—отвѣчалъ добродушно ученый,—я констатирую фактъ, какъ и вы... пользуюсь имъ, но не знаю больше ничего...

— Изъ какого же металла сдѣлана игла?

— Это я могу объяснить, такъ какъ самъ открылъ его. Я нашелъ его за нѣкоторое время передъ тѣми ужасными событіями, и назвалъ его «металлъ х», какъ Рентгенъ свои знаменитые лучи. Но Редонъ настоялъ, чтобы я далъ ему мое имя, и вслѣдствіе этого я окрестилъ *Леоніумъ*.

Послѣ этихъ первыхъ объясненій Леонъ продолжалъ:

— Я не думалъ поразить ученый міръ своимъ открытіемъ, съ которымъ вы теперь знакомы, а рѣшилъ испробовать его сначала здѣсь, въ Клондикѣ. Вѣдь эта игла и привела меня сегодня ко второй залежи клэма, точно указавъ мѣсто, гдѣ лежитъ «гнѣздо», разрываемое въ этотъ моментъ канадцами.

— Какъ это? Скажите, мосье Леонъ!

— Очень просто! Положивъ буссоль въ руку, я руководился ею, какъ руководятся мореплаватели магнитною буссолью. Я держалъ свой инструментъ поочередно въ вертикальномъ и горизонтальномъ положеніи. Сначала игла оставалась неподвижной, потомъ направилась прямо къ западу... Тогда я сталъ

держать ее горизонтально, и это дало мнѣ направленiе. Я поставилъ ее вертикально,—и игла, повернувшись вокругъ своей оси, какъ стрѣлка компаса, образовала нѣкоторый уголъ. Такимъ путемъ мой маленькiй инструментъ и велъ меня, пока игла не остановилась вертикально. Здѣсь обозначилась залежь золота, которая мнѣ кажется хорошимъ предвѣстникомъ нашихъ будущихъ развѣдокъ!

— Тогда мы можемъ отнестись философски къ покражѣ, совершенной мнимыми полисмэнами?—произнесъ все болѣе поражавшiйся молодой человѣкъ.

— Судите объ этомъ по себѣ!

— Что же касается *Леонiума*, вашего металла, то я воображаю, сколькихъ трудовъ и непрiятностей онъ стоилъ вамъ...

— О, нѣтъ! — возразилъ Леонъ, — у меня, вѣдь, подобно всѣмъ химикамъ, занимающимся открытiемъ новыхъ элементовъ, былъ руководитель. Вся моя заслуга, если только она была, состоитъ только въ приложенiи теорiи знаменитаго русскаго химика Менделѣева!

— Какъ это?

— Вы хотите знать?

— Чрезвычайно любопытно

— Я постараюсь, насколько возможно, объяснить вамъ. Какъ извѣстно, Леверье, исходя изъ того закона, что путь свѣтила зависитъ отъ его массы, массы окружающихъ тѣлъ и отъ разстоянiя ихъ, пришелъ къ такому заключенiю: «Въ нѣкоторомъ мѣстѣ небесной сферы существуетъ планета, которую никто не видѣлъ и существованiя которой даже никто не подозрѣвалъ. Эта планета занимаетъ такое-то положенiе, вѣситъ столько-то, описываетъ такую-то обриту... Ищите ее, направьте свои телескопы на такое-то мѣсто, и вы обязательно найдете ее».

Вычисленiя Леверье были такъ точны, что вскорѣ, дѣйствительно, астрономъ Галль нашелъ планету Нептунъ. Замѣчанiя Леверье аналогичны теорiи знаменитаго Менделѣева. Съ давнихъ поръ въ химiи было замѣчено, что нѣкоторые элементы по своимъ химическимъ и физическимъ свойствамъ представляютъ нѣкоторое сходство между собой, вслѣдствiе чего

ихъ и подраздѣлили на группы напр., группа галоидовъ,— брома, хлора и iода.

Позднѣе было установлено перiодическое отношенiе между атомными вѣсами тѣлъ и другими ихъ свойствами. Эта идея была разработана, провѣрена, приложена ко всѣмъ извѣстнымъ фактамъ и дала возможность установить болѣе рацiональную классификацiю. Менделѣевъ еще глубже изслѣдовалъ вопросъ и придалъ ему полноту, приложивъ это перiодическое отношенiе къ будущимъ открытiямъ, такъ что теперь можно безошибочно обозначить напередъ свойства неизвѣстныхъ еще элементовъ. Великiй русскiй химикъ, исходя изъ того принципа, что эти «химическiя и физическiя свойства простыхъ элементовъ составляютъ *перiодическiя* функцiи массъ атомовъ этихъ элементовъ», расположилъ элементы въ группахъ, въ порядкѣ возрастанiя ихъ атомныхъ вѣсовъ. Такимъ образомъ получилась таблица, гдѣ были собраны всѣ до сихъ поръ извѣстные элементы, но съ значительными промежутками между ними. Менделѣевъ утверждалъ, что эти промежутки будутъ заполнены вслѣдствiи открытiемъ новыхъ, еще неизвѣстныхъ элементовъ, и затѣмъ опредѣлилъ физическiя и химическiя свойства ихъ, слѣдуя закону перiодичности, связывающему эти свойства съ атомными вѣсами.

— О!—произнесъ Редонъ со вздохомъ, похожимъ на мычанiе,—кровь прилила мнѣ къ головѣ, въ глазахъ мутится, хочется рычать, дѣлать выстрѣлы изъ револьвера, разбить что-нибудь!.. Леонъ, другъ мой, говори со мной по-китайски, по-ирокезски, по-патагонски, на овернскомъ и нижне-бретонскомъ нарѣчiи, но, ради нашей дружбы, ради моего бѣднаго мозга, ради всего, что тебя трогаетъ, не говори болѣе химическимъ языкомъ!.. Умоляю тебя объ этомъ!..

— Но все это очень ясно, не правда-ли, Жанъ?—сказалъ Леонъ.—Вы хорошо поняли?

— Гм!.. немного... мнѣ кажется, я могу такъ формулировать вопросъ по моему слабому разумѣнiю: «Такъ же, какъ Леверье могъ сказать астрономамъ послѣ своихъ вычисленiй: тамъ существуетъ планета», и Менделѣевъ можетъ сказать

химикамъ: «Тамъ существуетъ простое тѣло, ищите его». И онъ оказался правъ. Упорные, настойчивые умы до... бились и, наконецъ, заполнили нѣкоторые пробѣлы въ «таблицѣ элементовъ» Менделѣева. Для примѣра назову вамъ: Галліумъ, открытый нашимъ соотечественникомъ Лекокомъ де-Буабодраномъ, Скандіумъ, открытый шведомъ Нильсономъ, и Германіумъ, открытый нѣмцемъ Винклеромъ; всѣ свойства этихъ элементовъ въ точности соотвѣтствуютъ тому, что предвидѣлъ Менделѣевъ... Съ своей стороры, и я пожелалъ прибавить звено въ эту цѣпь. Послѣ долгихъ трудовъ мнѣ удалось открыть «Леоніумъ», какъ его называетъ Поль.

Въ этотъ моментъ послышался громкій храпъ: то Редо... тщетно боровшійся противъ одолѣвавшаго его сна, поддался ему; наконецъ, тоже сдѣлалъ и Жанъ, а Леонъ, посмотрѣвъ на нихъ, рѣшилъ, что и ему не мѣшаетъ послѣдовать ихъ примѣру.

IX.

Серьезный случай.—Спасеніе.—Серьезныя раны.—Неожиданность.—Тоби № 2-й.—Выводы полицейскаго агента.—Удивленіе пострадавшихъ. — Приходится покинуть участокъ.—Возвращеніе.—Тоби не терялъ времени.

Печальный случай увѣнчалъ открытіе «золотого гнѣзда», найденнаго Леономъ Фортеномъ съ помощью таинственной буссоли.

Не подлежитъ сомнѣнію, что лѣто, дѣйствительно, не подходящее въ этихъ странахъ время для раскопокъ и земляныхъ работъ: не смотря на всѣ предосторожности, всегда слѣдуетъ опасаться обваловъ, которые могутъ заживо погребсти подъ собою неосторожныхъ рудокоповъ. Другою, не менѣе страшною опасностью для золотоискателя является выдѣленіе газовъ, которое можетъ быть вызвано каждымъ неосторожнымъ движеніемъ.

Лестангъ и Дюшато усердно работали на участкѣ. Усумнившись сначала въ таинственныхъ свойствахъ буссоли Леона, они теперь горячо увѣровали въ ея сверхъестественную, какъ имъ казалось, способность и, подстрекаемые жаждой нажи...

трудились, не жалея ни сил ни пота, откапывая почву, кое-как подпирая стены ямы и углубляясь

все дальше и дальше. На третьи сутки случилась катастрофа, ка...кую и

сле-довало предвидѣть: произошелъ обвалъ и при этомъ сильнѣйшее выдѣленіе газовъ.

Жанъ, Марта и Жанна возвращались изъ лѣса съ вязанками дровъ, а Леонъ и Поль вертѣли воротъ надъ ямой, доставая съ помощью большого ведра золотоносные комья земли со дна ямы, гдѣ работали канадцы. Вдругъ послышался какой-то глухой шумъ и страшные крики: „помогите! помогите!" Одновременно съ этимъ изъ ямы распространился удушливый, отвратительный запахъ сѣро-водорода. Не теряя времени, Леонъ спустился на дно ямы, имѣвшей всего $1\frac{1}{2}$ сажени глубины, и, убѣдившись, что рабочихъ засыпало чуть не до половины, крикнулъ: „скорѣй давай лопаты, заступы! Спѣши на помощь!" Подоспѣвшіе въ это время Жанъ и обѣ дѣвушки спустили Поля Редона въ яму. Къ счастью, выдѣленіе газовъ прекратилось, и на днѣ можно было дышать, хотя и съ трудомъ. Подгоняемые страхомъ за своихъ друзей, молодые люди работали съ удвоенной энергіей и послѣ двухъ часовъ усилій имъ удалось, наконецъ, высвободить двухъ несчастныхъ, безъ признаковъ жизни, съ запекшеюся кровью на губахъ. Со всевозможною осторожностью, совершенно изнемогая и задыхаясь, молодые люди извлекли своихъ пострадавшихъ товарищей со дна ямы и, при содѣйствіи остальныхъ, оказали первую помощь.

Удрученная горемъ, Жанна бросилась къ отцу, котораго считала уже мертвымъ, испуская раздирающіе душу крики. Къ счастью, Леонъ имѣлъ очень серьезныя медицинскія познанія и скоро отстоялъ пострадавшихъ. Послѣ двухчасовыхъ усилій Дюшато и Лестангъ были возвращены къ жизни. Къ несчастью, первый получилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раны, а второй сломалъ ногу. Съ большой ловкостью Леонъ съ помощью Жана и Поля занялся поврежденіями. Раненые испытывали большое облегченіе, но—увы!—на долгія недѣли оказались неспособны ни къ какой работѣ. Слѣдовало во что бы то ни стало возвратиться въ Доусонъ-Сити, чтобы посовѣтоваться съ врачемъ и доставить бѣднягамъ необходимый для нихъ уходъ.

Но это значило, что вся лѣтняя кампанія потеряна, т. е. новыя раскопки участковъ откладывались до конца зимы! Однако, ко всеобщему изумленію, оба канадца встрѣтили это извѣстіе скорѣе съ радостью, чѣмъ со страхомъ.

Картинка

Мельвиля. Мой добрый Тоби, друг мой Леон Фортен, первая жертва Красной Звезды!

Оба энергично пожали друг другу руки, и Роден, который еще не пришел в себя от этой встречи, прибавил опять: - Каким добрым ветром занесло вас дорогой товарищ?

- Усердным преследованием бандитов, которым я объявил беспощадную войну.

- Ах, сколько произошло необыкновенных событий,

вратиться въ Доусонъ-Сити, чтобы посовѣтоваться съ врачемъ и доставить бѣднягамъ необходимый для нихъ уходъ.

Но это значило, что вся лѣтняя кампанія потеряна, т. е. новыя раскопки участковъ откладывались до конца зимы! Однако, ко всеобщему изумленію, оба канадца встрѣтили это извѣстіе скорѣе съ радостью, чѣмъ со страхомъ.

— Наконецъ-то, мы освободились отъ дѣла!—говорилъ старикъ, съ благодарностью пожимая руки Леона.— Теперь обстоятельства не будутъ болѣе противодѣйствовать вамъ!

— Да,—прибавилъ Дюшато съ покорной философіей,—слишкомъ большое счастье искуплено теперь нашими страданіями. Требовалась жертва,—и ею явились мы!— И добрякъ продолжалъ съ улыбкой, перешедшей въ гримасу,—все шло слишкомъ хорошо; нужны были жертвы, чтобы удовлетворить судьбу. А вы, господинъ волшебникъ, будете желаннымъ человѣкомъ... человѣкомъ лагендарнымъ... Вы откроете въ долинѣ Юкона громадную сокровищницу золота... гору или пещеру... неизвѣстно... но «мать золота»... Вы найдете ее! Да, вы!

Въ этотъ моментъ бѣдно одѣтый человѣкъ, съ утомленнымъ видомъ, вѣжливо подошелъ къ нашей компаніи. Онъ былъ одинъ и, должно быть, пришелъ по дорогѣ долины, т. е. слѣдуя по рѣчкѣ.

Оба раненыхъ находились уже въ палаткѣ вмѣстѣ съ молодыми дѣвушками. Молодые люди вышли, чтобы позаботиться о возможно быстромъ переселеніи Лестанга и Дюшато въ Доусонъ, и здѣсь, увидѣвъ незнакомца, отвѣтили на его поклонъ съ замѣтною холодностью: печальное приключеніе съ мнимыми полисменами сдѣлало ихъ подозрительными. Однако, тотъ и не обратилъ вниманія на такой пріемъ и, любезно улыбнувшись, проговорилъ:

— А! мосье Редонъ... какъ я счастливъ видѣть васъ!

Удивленный журналистъ внимательно посмотрѣлъ на незнакомца и вдругъ воскликнулъ. — Тоби!.. Вы здѣсь, мой бравый Тоби!—протянулъ ему обѣ руки, обмѣнялся короткимъ и дружескимъ пожатіемъ и прибавилъ,—дорогой Леонъ, позволь представить тебѣ мастера Тоби № 2-й, правую руку знаменитаго

сем

Мельвиля. Мой добрый Тоби, другъ мой Леонъ Фортенъ, первая жертва Красной звѣзды!

Оба энергично пожали другъ другу руки, и Редонъ, который еще не пришелъ въ себя отъ этой встрѣчи, прибавилъ опять,—какимъ добрымъ вѣтромъ занесло васъ сюда, дорогой товарищъ?

— Усерднымъ преслѣдованіемъ бандитовъ, которымъ я объявилъ безпощадную войну!

— Ахъ, сколько произошло необыкновенныхъ событій, Тоби, со времени полученія вашей депеши изъ Бремена! Но скажите, пожалуйста, вы знали, что найдете насъ здѣсь, или только случайность привела васъ сюда?

— Вы забываете о Доусонскихъ журналахъ, гдѣ помѣщены и біографіи, и портреты, и автографы, и сообщеніе о вашихъ чудесныхъ работахъ. Сообщеніе очень опасное, повѣрьте мнѣ, такъ какъ лучше скрывать свое богатство, чѣмъ кричать о немъ на всѣхъ кровляхъ!..

— Кому говорите вы это?!

— Развѣ произошло уже несчастье?

— Насъ обокрали, украли все наше золото, около трехсотъ тысячъ франковъ. И это было сдѣлано съ неслыханною ловкостью и смѣлостью!

— Такъ, значитъ, я прибылъ еще разъ слишкомъ поздно. О, почему вы не написали мнѣ, какъ я просилъ, въ Ванкуверъ или въ Доусонъ-Сити!..

—Глупость съ моей стороны... непростительная [illegible]!

— Несчастье!.. большое несчастье!.. худшее, можетъ быть, чѣмъ вы думаете, если мои подозрѣнія основательны.

— Но извините, дорогой Тоби, я заставилъ васъ стоять и даже не предложилъ выпить и закусить. Извините меня и не думайте худо о нашемъ гостепріимствѣ! Удовольствіе и неожиданность вашего визита единственная причина этого. Все, что здѣсь находится, принадлежитъ вамъ. Распоряжайтесь имъ по своему!—прибавилъ Леонъ.

— Благодарю, господа, отъ всего сердца, но не сейчасъ! Поговоримъ пока, такъ какъ время не ждетъ!

— Ну, что же?

— Меня привело сюда не только желаніе увидѣть васъ: я выслѣживаю.

— И мѣстная полиція не хочетъ помочь вамъ?

— Она пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы затормазить мои усилія и даже не хочетъ признавать меня!

— Почему же?

— Потому что желаетъ во что бы то ни стало скрыть всѣ преступленія, даже мелкія, совершающіяся здѣсь ежедневно. И все это дѣлается для того, чтобы не помѣшать притоку рудокоповъ, главному удобренію Клондика. Да, надо во что бы то ни стало, чтобы люди и капиталы были въ полной безопасности... нужно, чтобы царило довѣріе, хотя воображаемое... Такимъ образомъ двое конныхъ полисмэновъ обратились въ дезертировъ...

— Чортъ возьми! наши воры!—вскричалъ Леонъ.—Они отправились въ путь сейчасъ же и, если все ѣдутъ, то должны быть далеко!

— Я имѣю основаніе думать, что ихъ исчезновеніе не будетъ оглашено. Его скроютъ съ большимъ стараніемъ и, можетъ быть, если заявятъ семейства, ихъ отнесутъ къ умершимъ случайно во время отправленія своихъ обязанностей.

— Но это преступленіе!

— Но, господа, не думаете же вы, что начальникъ полиціи будетъ разсказывать каждому встрѣчному истину, которую я подозрѣваю и которую скоро подтвердятъ новыя доказательства: оба полисмэна, завлеченные въ западню, въ Фуртѣ, были убиты въ харчевнѣ и трупы ихъ сожжены..

— Чортъ возьми! Что это вы говорите, Тоби?!

— Убійцы же, взявъ ихъ форму, вооруженіе и лошадей, отправились въ сѣверо-западный клэмъ и украли у обладателей клэма сто килограммовъ золота...

— Тоби!

— Послѣ этого они проѣхали Клондикъ, убили лошадей, сожгли форму, уничтожили оружіе и вернулись пѣшкомъ въ Доусонъ-Сити; накраденное же золото превратили въ слитки и

обмѣняли на банковые билеты... Войдя во вкусъ, бандиты остались въ Доусонѣ, часто посѣщаютъ увеселительныя заведенія, приготовляютъ новый ударъ и ждутъ благопріятнаго момента дѣйствовать, не подвергаясь излишнему риску и опасностямъ.

— Но, Тоби, вы разсказываете ужасныя вещи!

— Голые факты!

— И тогда, господа, думаете-ли вы, что подобное сообщеніе способно увеличить царящее здѣсь довѣріе, которое рѣшаетъ работы, облегчаетъ мировыя сдѣлки, содѣйствуетъ путешествіямъ и обезпечиваетъ собственность? Понятно, что ни слова не будетъ сказано, все скроютъ, какъ при появленіи эпидеміи въ гавани! Я одинъ только буду знать, что убійцы несчастныхъ полисмэновъ и ваши воры, Френсисъ Бернеттъ и Бобъ Вильсонъ, вожди Красной Звѣзды.

— Тысяча молній!—вскричалъ Леонъ Фортенъ внѣ себя,— мои палачи!

— Мошенники, продырявившіе мнѣ кожу и хотѣвшіе добросовѣстно отправить меня на тотъ свѣтъ!—прибавилъ журналистъ.

— Геніальные бандиты,—продолжалъ важно Тоби,—съ которыми я одинъ веду войну!

— Но мы поможемъ вамъ!

— О, господа! Я не сомнѣваюсь ни въ вашемъ желаніи, ни въ вашемъ мужествѣ, но...

— Въ нашей ловкости, не такъ ли?—спросилъ Редонъ.

— Или скорѣе въ вашихъ полицейскихъ способностяхъ!

— Не бойтесь, дорогой Тоби! Я сдѣлалъ донесеніе, которое, не хвастаясь скажу, возбудило удивленіе самыхъ ловкихъ полицейскихъ. Вы увидите, Тоби, увидите!..

— Если такъ, господа, то я думаю, лучше мнѣ остановиться здѣсь. Оба бандита не оставили никакого слѣда въ этой пустыни, но предчувствіе говоритъ мнѣ, что они вернулись въ Доусонъ. Сдѣлаемъ, какъ они, и нагрянемъ въ столицу!

— Ну, хорошо! Время, однако, и поѣсть!

Полицейскій агентъ, введенный въ палатку, былъ предста-

вленъ въ качествѣ преданнаго друга изъ Европы, случайно встрѣтившагося въ золотыхъ поляхъ; впрочемъ, это была совершенная правда. За столомъ ему разсказали о кражѣ, о сопровождающихъ ее обстоятельствахъ, о бѣгствѣ двухъ ложныхъ полисмэновъ. И Тоби, слушавшій внимательно, произнесъ между глотками: «кража при помощи хлороформа—одно изъ ихъ любимыхъ средствъ. Сомнѣваться долѣе невозможно, если-бы даже мое убѣжденіе не составилось раньше вашего разсказа»!

По старой привычкѣ, которую никогда не забываетъ настоящій полисмэнъ, онъ бѣгло осмотрѣлъ канадцевъ и рѣшилъ, что никогда еще не встрѣчалъ ихъ, поэтому держался на сторожѣ съ ними и побуждалъ другихъ къ тому же. Это взволновало Редона, который, по выходѣ изъ за стола и оставленіи палатки, началъ пылко протестовать:

— Дюшато—отецъ Жанны, этой удивительной дѣвушки, которая находилась около мадемуазель Грандье! Я люблю ее отъ всего сердца и выказать недовѣріе невозможно!

— Кому?.. отцу или дочери?—съ улыбкой спросилъ Тоби.

Редонъ не отвѣчалъ, засмѣялся и вернулся въ палатку, гдѣ Жанъ и Леонъ начали уже приготовленія къ отъѣзду. Они присоединились къ нимъ и помогали такъ хорошо, что черезъ шесть часовъ все было кончено, оставалось только условиться съ перевозчикомъ, что было сдѣлано въ минуту. Затѣмъ положили въ повозку обоихъ раненыхъ, и она медленно двинулась.

Это путешествіе, совершенное кое-какъ, заставляло Тоби топтаться на мѣстѣ. Наконецъ, онъ потерялъ терпѣніе, опередилъ другихъ и сказалъ:

— Я подожду васъ близъ вашей гостиницы. У меня будутъ уже, навѣрное, новости!—и онъ не ошибся.

Когда, тридцать часовъ спустя, караванъ остановился передъ скромнымъ пріютомъ, Тоби, загримированный, неузнаваемый, могъ сказать Редону:

— Я не потерялъ даромъ времени! Какъ только вы устроитесь, я покажу вамъ лицомъ къ лицу вашихъ воровъ!

X.

Увеселительныя мѣста въ Доусонъ-Сити.—Тоби сдержалъ свое слово.—Лицомъ къ лицу.—Воры и убійцы.—Скандалъ и арестъ.—Передъ судомъ. — Обвиненіе. — Свидѣтель. — Пораженіе. — Приговоръ. -Въ тюрьмѣ.—Торжество бандитовъ.

Тоби № 2 сдержалъ свое слово.

Наши друзья провели въ Доусонъ-Сити уже двадцать четыре часа. Удобно устроивъ раненыхъ во второй хижинѣ, сосѣдней съ первой, они пригласили американскаго врача,—и тѣ стали терпѣливо ожидать своего выздоровленія. Никакихъ осложненій не предвидѣлось.

Тоби прибылъ, живописно одѣтый въ широкополую шляпу, въ голубую куртку съ золочеными пуговицами, высокіе сапоги и огромный круглый воротникъ съ галстухомъ цвѣта индиго съ бѣлыми горошинами. При этомъ у него былъ монокль въ глазу, закрученные усы, довольный видъ, словомъ, онъ выглядѣлъ настоящимъ франтомъ... изъ области полярнаго круга!

— Идите!—сказалъ онъ тихо въ тотъ моментъ, когда наступила одиннадцатичасовая темнота.

Сдѣлавшись равнодушными къ обычаямъ европейской моды, одѣвъ панталоны въ сапоги, измятую шляпу, фланелевую рубашку и куртку сомнительной свѣжести, Леонъ и Поль послѣдовали за полицейскимъ.

Оборванцы, покрытые живописными лохмотьями, фланировали по улицамъ и медленно направлялись къ увеселительнымъ мѣстамъ. Салоны, кафе, отели, освѣщенные à giorno, распространяли свои соблазны даже на шоссе, гдѣ важно шлепали по грязи джентльмены въ ожиданіи удовольствій или приключеній.

Самые разнообразные инструменты раскатывались въ нестройныхъ музыкальныхъ аккордахъ, прерываемые выкриками особыхъ людей, которые за плату должны были завлекать посѣтителей въ увеселительныя мѣста. Тоби провелъ своихъ спутниковъ въ обширное помѣщеніе, раздѣленное на три части, соотвѣтствующія концертному залу, бальному и салону. Въ первомъ отдѣленіи бритые мужчины и накрашенныя дамы выкрикивали модные куплеты. Во второмъ джентльмены и леди, руководимые дирижеромъ, усердно тряслись. Въ третьемъ играли въ рулетку, трантъ-карантъ, въ покеръ и баккара, и во всѣхъ трехъ вообще пили, курили и жевали табакъ.

Однако, не замѣчалось ни тѣни веселости. Всѣ дѣлали видъ, что веселятся по заказу, апплодирують безъ увлеченія, танцують, пьютъ, не чувствуя жажды, и играютъ, не умѣя. Преобладалъ американскій элементъ, а всѣмъ извѣстно, что американская веселость далека отъ шаловливости.

Но содержатели такихъ притоновъ удовольствій, распредѣливъ въ такомъ порядкѣ развлеченія, знаютъ, что дѣлаютъ. Потребители концертнаго отдѣленія мало-по-малу приходятъ въ возбужденное состояніе, влекущее ихъ къ напиткамъ. Танцы являются кстати, а когда гости переходятъ въ игорную залу, они уже оказываются достаточно готовыми...

Леонъ, Поль и Тоби, остановившись на нѣсколько минутъ изъ любопытства въ бальной и концертной залахъ, прошли въ салонъ.

— Вы игроки? — спросилъ Тоби.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Леонъ.

— А я слегка!—сказалъ въ свою очередь журналистъ.

— Тѣмъ лучше! Здѣсь проигрываются огромныя суммы, и я подозрѣваю, что банкометы ловко передергиваютъ!

Здѣсь разсчитывались не деньгами, а жетонами, обмѣненными на золото въ кускахъ или въ видѣ песка, которые тутъ же взвѣшивали на вѣсахъ, и сведенная къ обмѣну фиктивныхъ цѣнностей, игра, несмотря на азартъ, теряла драматическую сторону, сдѣлавшею ее такой убійственной въ игорныхъ домахъ Калифорніи, Австраліи и южной Африки, со времени открытія копей. Настоящая трагедія происходила развѣ только въ вертепѣ казначея, куда стекались, дѣйствительно, въ неисчислимомъ количествѣ всевозможныя цѣнности.

Войдя въ залу, наши трое друзей положительно были оглу-

шены дымомъ папиросъ и сигаръ, спиртнымъ запахомъ и прочими подобными же имъ ароматами. Относительная тишина царила только въ обширной залѣ, среди игроковъ, тѣснившихся у столовъ, при свѣтѣ керосиновыхъ лампъ. Здѣсь слышался только шопотъ, и то скоро смолкавшій, звяканье стаканами, глухой шумъ постоянной ходьбы, прерываемый яростными криками крѣпкой брани,—и надъ всѣмъ этимъ возвышался сухой, отрывистый голосъ банкометовъ, произносившихъ таинственныя слова:

— Господа, ставки!.. Больше нельзя!.. нечетъ, четъ, красное!..

Пробывъ нѣсколько минутъ въ залѣ и привыкнувъ къ ея атмосферѣ, Поль и его другъ остановились близъ стола, передъ которымъ возсѣдали двое мужчинъ. Они были видны только на три четверти, но голоса ихъ заставили привскочить нашихъ друзей. Тоби бросилъ на нихъ быстрый взглядъ и прошепталъ одно слово:

— Подойдемъ!

Они, ловко маневрируя среди понтеровъ, скоро пробрались въ первый рядъ, и здѣсь до нихъ совершенно отчетливо долетали два голоса. Пришедшіе посмотрѣли на лица говорящихъ, и взгляды ихъ скрестились со взглядами болѣе чѣмъ когда-либо невозмутимыхъ банкометовъ. Молодые люди едва могли подавить крикъ удивленія и гнѣва.

— Но это они!.. ложные полисмэны!.. ихъ воры!.. двое негодяевъ, злоупотребившихъ ихъ гостепріимствомъ и похитившихъ ихъ самородки!

Больше сомнѣваться было невозможно. Дрожь пробѣжала по ихъ членамъ, они поблѣднѣли и не слышали даже Тоби, напоминавшаго о спокойствіи. Наконецъ, будучи не въ силахъ сдержаться, они раздвинули игроковъ, подошли къ банкометамъ и, ни слова не говоря, схватили ихъ за шиворотъ. Минутное оцѣпенѣніе приковало къ мѣсту присутствующихъ. Застигнутые врасплохъ, банкометы стали сопротивляться и призывали на помощь, но руки Поля Редона и Леона Фортена держали ихъ какъ въ тискахъ.

— Что это значитъ? Зачѣмъ это насиліе?—вмѣшались недоумѣвавшіе понтеры, готовые принять сторону банкометовъ

— Это значитъ, — вскричалъ звонкимъ голосомъ журналистъ, — что эти люди — бандиты! На этой недѣлѣ они украли у насъ двѣсти фунтовъ золота, переодѣвшись въ форму полисменовъ, которыхъ они убили!

А Леонъ подхватилъ съ еще большей горячностью:

— Да, бандиты, совершившіе въ Англіи и Франціи самыя ужасныя преступленія! Два вождя «пятидесяти тысячъ» компаньоновъ Красной Звѣзды!

При подобномъ обвиненіи первыя симпатіи общества уступили мѣсто весьма понятному негодованію. Нѣкоторые игроки стали даже награждать тычками банкометовъ, лишенныхъ возможности бѣжать. Въ интересахъ правосудія и справедливости Тоби въ свою очередь выступилъ обвинителемъ.

— Джентльмены! — вскричалъ онъ съ силою, — прошу выслушать!—Вотъ указъ объ арестѣ, подписанный лордъ-шефомъ лондонскаго суда, съ приказаніемъ задержать этихъ людей на всякомъ мѣстѣ британской территоріи...

— Хорошо! арестуемъ ихъ!—прервалъ одинъ игрокъ.

— Отведемъ ихъ къ начальнику полиціи!—прибавилъ другой.

— На судъ!—сказалъ третій.

Негодяи, лишенные возможности убѣжать и даже сопротивляться, вскричали:

— Мы лучшаго и не желаемъ! Ведите насъ къ судьѣ! Онъ оправдаетъ насъ!

Двое добровольныхъ полисменовъ, какіе всегда находятся въ подобныхъ случахъ, взяли по веревкѣ и крѣпко связали руки банкометовъ. Послѣдніе, боявшіеся сначала подвергнуться закону Линча, ободрились, подняли голову, вздернули плечи и посматривали иронически на окружающихъ, говоря: «Смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ!»

Это была невиданная дерзость, и французы едва сдержались.

Судьи не оказалось дома, какъ и начальника полиціи. Тогда, вслѣдствіе обвиненія Поля и Редона и подъ ихъ отвѣтственностью, арестъ, впрочемъ, узаконенный указомъ Тоби, былъ продолженъ.

Банкометы были посажены въ тюрьму подъ бдительный присмотръ.

Черезъ сутки, какъ предписываетъ англійскій законъ, состоялся первоначальный допросъ въ присутствіи двухъ адвокатовъ со стороны подсудимыхъ: какъ и вездѣ, въ Доусонъ-Сити появились адвокаты, ищущіе золота и кляузныхъ дѣлъ. Тоби № 2 и оба француза присутствовали здѣсь въ качествѣ обвинителей.

Плѣнники назвали себя: одинъ — Рёбенъ Смидтомъ, другой—Жоё Нортономъ.

— Это ложь! — вскричалъ Тоби. — Высокаго зовутъ Бобъ Вильсонъ, а низенькаго — Френсисъ Бернеттъ! Они извѣстны лондонской полиціи, какъ доказываютъ это примѣты, данныя въ Скогландъ-Ярдѣ и слѣдующіе листки, добытые инспекторомъ Мельвилемъ. Вотъ, впрочемъ, господинъ судья, дѣло, снабженное печатями и подписями. Я отдаю вамъ его подъ присягою.

Судья взялъ бумаги, быстро пробѣжалъ ихъ, обративъ вниманіе особенно на примѣты, и велѣлъ обвиняемымъ приблизиться, затѣмъ, сравнивъ примѣты съ подлинникомъ, сказалъ:

— Невозможно сомнѣваться... Впрочемъ, я громко прочту вамъ эти документы, чтобы всѣ, адвокаты, свидѣтели и обвиняемые могли удостовѣриться въ тожествѣ!

Когда онъ кончилъ, сами адвокаты не могли удержать многозначительной гримасы: невозможно было отрицать тожество двухъ банкометовъ съ убійцами.

— Что вы имѣете сказать?—спросилъ судья обвиняемыхъ.

— Прежде всего, въ чемъ насъ обвиняютъ? — нахально спросилъ Ребенъ Смиттъ, или Бобъ Вильсонъ, до сихъ поръ молчавшій.

— Потрудитесь формулировать свои жалобы! — обратился судья къ тремъ друзьямъ.

— Я обвиняю этихъ людей въ томъ, что они украли у насъ изъ палатки около двухсотъ фунтовъ золота, погрузивъ насъ при помощи хлороформа въ глубокій сонъ! — сказалъ Леонъ Фортенъ.

— А я,—подхватилъ Тоби,—обвиняю ихъ въ томъ, что въ деревнѣ Фуршъ они завлекли въ ловушку двухъ конныхъ полисменовъ, убили ихъ и сожгли вмѣстѣ съ домомъ, гдѣ совершили преступленіе, трупы своихъ жертвъ.

— Есть у васъ доказательства? — спросилъ судья.

— Въ свое время я представлю ихъ!

— Хорошо! Это все?

Между тѣмъ обвиняемые только улыбались, тихо переговариваясь съ адвокатами, глядѣвшими на нихъ съ изумленіемъ. Наконецъ, Редонъ заговорилъ.

— Я въ свою очередь обвиняю ихъ въ попыткѣ умертвить меня около шести мѣсяцевъ тому назадъ въ Парижѣ... въ подломъ убійствѣ ночью старика въ Мезонъ-Лафитѣ, въ преступленіяхъ, при разборѣ которыхъ предписано было британскими властями выдать преступниковъ французскому суду...

— А я,—опять поднялъ голосъ Леонъ Фортенъ,—обвиняю ихъ въ дьявольскихъ махинаціяхъ, доведшихъ до самоубійства француза Грандье... обвиняю въ томъ, что они выдали меня за виновника ихъ преступленій и засадили въ тюрьму!..

— Подтверждаю, что это истина! — прервалъ Тоби. — Я былъ тогда во Франціи по приказанію своего начальника, инспектора Мельвиля, давшаго мнѣ порученіе. Потерявъ и вновь найдя слѣдъ этихъ людей, слишкомъ поздно, къ несчастью, я плылъ вмѣстѣ съ ними пятаго мая въ Бременъ и Нью-Іоркъ на «Императорѣ Вильгельмѣ». До сихъ поръ я выслѣживалъ ихъ шагъ за шагомъ...

— Но,—спросилъ судья,—почему же вы не арестовали ихъ раньше?

— Потому, что англійскія власти не позволяютъ этого въ случаѣ, если преступленія совершены во Франціи. Кромѣ того я не получалъ еще приказа объ арестѣ, потребованнаго по телеграфу. Наконецъ, я не могъ вмѣшаться, такъ какъ они еще не совершили преступленія на канадской территоріи. Всѣ эти условія, дѣлая арестъ законнымъ, существуютъ только нѣсколько дней

— Это вѣрно!—отвѣчалъ судья и прибавилъ, обращаясь къ подсудимымъ:—Что вы имѣете сказать?

— Многое, господинъ судья!—отвѣчалъ Жоѐ Нортонъ, или Френсисъ Бернеттъ.—Прежде всего, несмотря на сходство примѣтъ, вы въ заблужденіи; я это сейчасъ докажу. Полицейскій агентъ, обвиняющій насъ, утверждаетъ, что мы пятаго мая сѣли въ Бременѣ на нѣмецкій корабль. Вотъ паспортъ и росписаніе, доказывающіе, что мы сѣли седьмого мая въ Ливерпулѣ, на «Луканію», судно общества Кунарда. Агентъ былъ, вѣроятно, жертвою сходства, или мистификаціи, такъ какъ, съ другой стороны, легко доказать, что мы были въ Ливерпулѣ между пятымъ и седьмымъ мая. Это могутъ подъ присягою подтвердить капитанъ, счетный агентъ и пассажиры «Луканіи». Далѣе, наши обвинители утверждаютъ, что мы убили въ Фуршѣ двухъ полицейскихъ и украли на клэмѣ двѣсти фунтовъ золота. Я прошу ихъ сказать, въ какой день и часъ совершены были оба преступленія. Это можно?

— Конечно! — сказалъ судья. — Господа, вы слышали вопросъ обвиняемаго, потрудитесь отвѣчать!

— Убійство полисменовъ было совершено второго іюля между четырьмя и шестью часами вечера! — сказалъ твердымъ голосомъ Тоби.

— Вы хорошо знаете день и часъ?

— Навѣрное!

— Что касается кражи,—сказалъ въ свою очередь журналистъ, — то она была совершена четвертаго іюля, между одиннадцатью часами и полночью.

— Хорошо!—проговорилъ Жоѐ Нортонъ.—Теперь мы уличимъ васъ въ клеветѣ, злоупотребленіи силою и ложномъ свидѣтельствѣ.

— Посмотримъ!

— Господинъ судья, прикажите, пожалуйста, привести всѣхъ свидѣтелей, обыкновенно посѣщающихъ нашъ домъ. Мы, мой товарищъ и я, представимъ вамъ листъ съ тридцатью подписями... можете получить и еще столько же, если пожелаете!

— Значитъ, вы не признаете себя виновными?..

— О! мы невинны, какъ новорожденные младенцы!

Судья приказалъ отвести ихъ въ тюрьму, пока не будутъ доп-
шены свидетели, и прибавил, обращаясь к друзьям: Что касается
Вас, господа, попрошу пожаловать ко мне к 12 часам. Товарищи
удалились заинтересованные, и обеспокоенные такой увер[...]
шестью бандитов, ловкость которых была им известна
Сыщик наскоро определив положение прибавил:

Надо ожидать всего, даже невозможного! И он не ошибся. На другой день 30 наиболее почтенных граждан Доусон-сити — 143 — явились в суд, спрашивая себя, зачем этот вызовъ. Здѣсь были представители всѣхъ странъ, особенно канадцы и янки, и нѣсколько правительственныхъ чиновниковъ. Къ нимъ присоединились еще другіе, такъ что къ началу засѣданія суда свидѣтелей было не меньше сорока.

Въ то же время прибыли адвокаты и обвинители; послѣдніе все больше безпокоились. Затѣмъ ввели обвиняемыхъ,—и допросъ свидѣтелей начался.

Френсисъ Бернеттъ съ ироническимъ спокойствіемъ сказалъ судьѣ:

— Мы, мой товарищъ и я, обвинены въ томъ, что совершили убійство въ деревнѣ Фуршъ, 2 іюля, между четырьмя и шестью часами вечера, и на другой день украли между одиннадцатью часами вечера и полночью двѣсти фунтовъ золота, на клэмѣ верхняго Эльдорадо. Хорошо! Я клятвенно утверждаю, что мы не покидали своего жилища съ самаго пріѣзда въ Доусонъ, что насъ никто не видѣлъ эти дни, и что, стало быть, мы не могли быть разомъ въ двухъ мѣстахъ, лежащихъ на разстояніи трехдневнаго или четырехдневнаго пути другъ отъ друга. Потрудитесь допросить свидѣтелей!

Это заявленіе произвело дѣйствіе взрыва и сразило троихъ друзей.

Первый свидѣтель сказалъ свои имена и прозвища, положилъ губы на переплетъ библіи и громко произнесъ:

— Съ перваго іюня я посѣщаю каждый день учрежденіе господъ Ребена Смита и Жое Нортона. Я утверждаю, что съ перваго іюня я видѣлъ того и другого по крайней мѣрѣ два раза въ теченіе сутокъ.

— Не помните, видѣли вы ихъ второго и четвертаго іюля?—спросилъ судья.

— Я только что сказалъ и повторяю,—всѣ дни безъ исключенія!

— Хорошо! Другой свидѣтель!

Второй свидѣтель далъ аналогичное показаніе. Онъ также часто бывалъ въ заведеніи, въ 6 часовъ и въ полночь. Никогда Смитъ и Нортонъ не отсутствовали.

Третій, четвертый видѣли ихъ каждый день, говорили съ ними, пили въ ихъ компаніи, проигрывали деньги.

Остальные, вплоть до двадцатаго, тридцатаго и далѣе, подтвердили то же.

Ни Ребенъ Смитъ, ни Жое Нортонъ, обвиняемые въ преступленіяхъ, для совершенія которыхъ необходимо было нѣсколько дней, не покидали даже на шесть часовъ Доусонъ-Сити.

Убитые Леонъ, Поль и Тоби не вѣрили своимъ глазамъ.

Конечно, свидѣтели говорили правду. Но трое друзей сохраняли, несмотря на это, увѣренность, которой ничто не могло поколебать. Къ несчастью, это загадочное явленіе было необъяснимо, а увѣренности ихъ было недостаточно; требовались доказательства. Между тѣмъ, бандиты, спасенные, благодаря алиби *), считали себя уже оскорбленными. Устами своихъ адвокатовъ они принесли на обвинителей жалобу въ преступномъ доносѣ, ложной клятвѣ, незаконномъ арестѣ, оскорбленіи чести и т. д., и т. д. Обвинители стали обвиняемыми! Толпа свидѣтелей покрыла ихъ руганью, а судья приказалъ взять подъ арестъ.

Такимъ образомъ, въ тотъ моментъ, когда убійцы получили свободу, жертвы были заключены въ тюрьму. Но и это было еще не все: Смитъ и Нортонъ, въ которыхъ наши друзья болѣе, чѣмъ когда-либо, видѣли Бернетта и Вильсона, потребовали вознагражденіе, круглую сумму въ двадцать тысячъ долларовъ (100,000 франковъ), кромѣ заключенія въ тюрьму!

Тоби, Поль и Леонъ, бывшіе только что героями дня, вооружили противъ себя общественное мнѣніе. Голосъ народа, рѣдко бывающій голосомъ Бога, осудилъ ихъ единодушно.

Судья также осудилъ ихъ, и даже жестоко, назначивъ каждому трехмѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ и десять тысячъ долларовъ (50,000 франковъ) судебныхъ издержекъ, въ пользу Ребена Смита и Жое Нортона.

Затѣмъ судья приказалъ немедленно отвести виновныхъ въ тюрьму и далъ только три дня на собраніе денегъ.

Леонъ и Поль съ твердостью приняли этотъ страшный ударъ и не произнесли ни слова, когда судейскіе служители пришли, чтобы отвести ихъ въ тюрьму.

Тоби же повернулся къ негодяямъ и, взглянувъ имъ прямо въ лицо, сказалъ на прощанье:

— Не торжествуйте слишкомъ скоро и слишкомъ сильно! Мы еще встрѣтимся!

---

*) Юридическій терминъ, означающій нахожденіе обвиняемаго на другомъ мѣстѣ въ моментъ преступленія, чѣмъ доказывается невинность его.

ЧАСТЬ III.

МАТЬ ЗОЛОТА.

I.

Восходъ и заходъ солнца.—Пятиминутный день.—При 45° ниже нуля.—Ружейный выстрѣлъ.—Возвращеніе Жана.—Караванъ.—Въ пути.—Въ странѣ холода.—Жестокое разочарованіе.

— Ну, что? Сколько градусовъ?

— Да всего только 45 ниже нуля!

— Только!? Вотъ это мило!

— Но что ни говори, а ты, мой милый Поль, какъ вижу, не такъ уже боленъ и не такъ зябокъ, какъ ты самъ старался себя увѣрить. Скажи на милость, для чего ты вылѣзъ изъ своего мѣхового мѣшка, служащаго тебѣ постелью?

— Все пріѣдается, мой милый, даже и сонъ, а я, вѣдь, проспалъ почти цѣлые сутки и теперь захотѣлъ взглянуть на восходъ солнца. Только и лѣниво же оно здѣсь! Ну, поторопись сонное свѣтило, мы ждемъ тебя!

Въ отвѣтъ на это раздался звонкій молодой смѣхъ.

Стоявшіе среди круга, образуемаго рядомъ нагруженныхъ саней, на гладкой снѣжной полянкѣ, Поль Редонъ и Леонъ Фортэнъ обернулись.

Въ десяти шагахъ отъ нихъ стояла заиндевѣвшая юрта, откуда вышли двѣ человѣческія фигуры, полъ и возрастъ которыхъ трудно было опредѣлить. Залитые красноватымъ свѣтомъ багроваго сіянія эти двѣ фигуры приближались къ молодымъ людямъ.

— Здравствуйте, мадемуазель Марта, не правда-ли, я угадалъ, что это вы?

— Ну, да, на этотъ разъ угадали!—отвѣчала Марта Грандье.

Поль Редонъ и Жанна Дюшато также обмѣнялись рукопожатіями.

— Не правда-ли, какъ мы теперь похожи на медвѣдей, поднявшихся на заднія лапы?—засмѣялась Марта.

— Редонъ и я, пожалуй... но вы...

— Да мы на васъ похожи до смѣшного въ этомъ полярномъ нарядѣ, съ поднятыми мѣховыми воротниками, доходящими до глазъ, въ этихъ шапкахъ, надвинутыхъ по самыя брови, и въ этихъ мѣховыхъ шароварахъ, замѣняющихъ юбку—отличительный признакъ нашего женскаго достоинства; въ этихъ синихъ очкахъ, скрывающихъ глаза, насъ, право, трудно отличить другъ отъ друга!

— Не желаете-ли вы прогуляться немного? — предложилъ журналистъ.

— Охотно!—согласилась уроженка Канады,— но надо надѣть наши лыжи. Не бойтесь, я не буду смѣяться, если вамъ случится разокъ-другой растянуться на снѣгу съ непривычки. Умѣнье пользоваться лыжами необходимо въ этихъ странахъ, и я увѣрена, что съ моей помощью вы научитесь очень скоро!

И обѣ молодыя пары, надѣвъ лыжи, обошли кругъ, огражденный санями и охраняемый надежною стражей изъ упряжныхъ собакъ, тоже проснувшихся и лѣниво потягивавшихся на снѣгу, зарывшись въ который, онѣ провели всю ночь на дворѣ.

Такія встрѣчи и прогулки происходятъ ежедневно во время восхода солнца, когда звѣзды постепенно блѣднѣютъ и затѣмъ исчезаютъ, а утреннія сумерки становятся все лучезарнѣе, и вдали выплываетъ изъ тумана безбрежная, снѣжная равнина, окутанная идеально чистой и прозрачной атмосферой. Въ воздухѣ такъ тихо, что не ощущается ни малѣйшаго дыханія вѣтерка. Только благодаря этому обстоятельству и можно выносить такіе страшные морозы, какіе бываютъ здѣсь. Но вотъ на краю безконечнаго горизонта появляется, наконецъ, краешекъ багрово-краснаго круга, который затѣмъ медленно

выплываетъ изъ-за снѣговой линіи горизонта, образуя громадный малиновый дискъ, окрашивающій своими лучами дѣвственно бѣлый снѣгъ въ нѣжно розовый тонъ. Соприкасаясь нижнимъ своимъ краемъ съ линіей горизонта, этотъ дискъ минуты 2—3 остается неподвижнымъ, а затѣмъ постепенно начинаетъ убывать, уходить за горизонтъ и, наконецъ, совершенно исчезаетъ.

Это внезапное исчезновеніе дневного свѣтила невольно производитъ удручающее впечатлѣніе какъ на людей, такъ и на животныхъ и, хотя послѣ того нѣсколько часовъ длятся сумерки, но все-таки день, въ астрономическомъ смыслѣ этого слова, уже прошелъ, и до слѣдующаго восхода остается ждать ни болѣе, ни менѣе, какъ 23 часа и пятьдесятъ минутъ.

За это время наши друзья готовили обѣдъ, снимали кое-что изъ верхней одежды, грѣлись у печки, затѣмъ опять выходили на дворъ кормить собакъ, а въ промежуткахъ между дѣломъ дрогли на мѣстѣ, въ юртѣ и на дворѣ у печки и въ постелѣ, словомъ, повсюду и вездѣ.

— Бррр! Однако, не сладко зарабатывать свой насущный хлѣбъ въ этомъ Ледяномъ аду!

— Не грѣши, мы получили 120 тысячъ долларовъ за нашъ клэмъ (участокъ). Развѣ это худо? Право, намъ уже не такъ плохо живется здѣсь!

— О, ты неисправимый оптимистъ! По твоему, вѣдь, все прекрасно!

— Да это потому, что я счастливъ!—сказалъ Леонъ Фортэнъ, кинувъ многозначительный взглядъ Мартѣ, опиравшейся на его руку.

— Да, конечно! Ты счастливъ... но при всемъ этомъ, страшный холодъ и наше счастье—слишкомъ много ниже нуля. Впередъ, m-lle Жанна, не то я чувствую, что сейчасъ превращусь въ ледяной столбъ.

— Во всякомъ случаѣ вашъ языкъ еще не замерзъ, мосье Поль, это не подлежитъ сомнѣнію!—отвѣчала дѣвушка, и всѣ трое весело разсмѣялись.

— Вы называете эту страну льдовъ и морозовъ Ледянымъ

адомъ, господа?—но, право, грѣшники въ этомъ аду—люди веселые, хотя иные и ропщутъ порою на свою судьбу!

— Какъ долго нѣтъ Жана! — проговорила вдругъ Марта, слегка озабоченная его продолжительнымъ отсутствіемъ.

— Не безпокойтесь о немъ,—сказала Жанна,—вѣдь, онъ ужъ не ребенокъ: ему шестнадцать лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ наши молодые канадцы предпринимаютъ въ одиночку такія экспедиціи, которыя продолжаются иногда цѣлыя недѣли. Къ тому же онъ, вѣроятно, скоро вернется!

Въ этотъ моментъ, какъ бы въ подтвержденіе ея словъ, въ тощихъ кустарникахъ, росшихъ на грядѣ низенькихъ возвышенностей, тянувшихся къ западу, раздался выстрѣлъ.

— Вотъ видите!—воскликнула Жанна.—Это его винчестеръ... а тамъ вонъ и дымокъ отъ его выстрѣла!

— Я рѣшительно ничего не вижу,—произнесъ журналистъ,— и положительно не понимаю, какъ вы можете отличить выстрѣлъ изъ его ружья отъ выстрѣла такого же винчестера вашего батюшки или Лестанга!

— Выстрѣлъ — это голосъ ружья, и каждое ружье имѣетъ свой характерный, особый звукъ, который для насъ, дѣтей страны охоты, представляетъ ту же разницу, какъ и голоса людей!—наставительно проговорила канадка.—Что же касается отца или Лестанга, то они не могутъ вернуться раньше, чѣмъ черезъ два дня, съ тѣмъ индѣйцемъ, который покажетъ намъ дорогу къ Золотой Горѣ.

— У васъ рѣшительно на все имѣются отвѣты, и мнѣ волей-неволей приходится молчать!—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Между тѣмъ Жанъ на своихъ легкихъ лыжахъ съ удивительною быстротой приближался къ нимъ. Чувствуя себя превосходно въ своемъ нарядѣ эскимоса, бодрый и румяный, юный лицеистъ казался сильнымъ, здоровымъ мужчиной въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Ну, что? Какова была нынче охота?—спросилъ Леонъ.

— Очень удачна, — весело отозвался юноша, — я уложилъ двухъ зайцевъ, бѣлыхъ какъ горностаи, и кромѣ того, прелестное животное, которое по нѣкоторымъ соображеніямъ принялъ за вапити *), ростомъ съ жеребенка съ роскошными рогами. Я захватилъ съ собой всего одинъ окорочекъ, но и тотъ вѣситъ не менѣе 20 фунтовъ!

— Ну, да, конечно, это вапити,—подтвердила молодая канадка,—съ такимъ трофеемъ можно поздравить васъ: имъ гордятся даже самые ловкіе и смѣлые охотники моей страны.

— Нѣтъ, право, удивительный молодчина нашъ юный Немвродъ: по двадцати часовъ кряду проводитъ въ снѣгахъ, безъ всякихъ путеводителей, кромѣ небесныхъ звѣздъ да своего компаса, спитъ подъ открытымъ небомъ при морозѣ, когда и бѣлые медвѣди замерзаютъ,—и все это ему ни по чемъ!

— Нѣтъ, мосье Поль, прошу извинить на этотъ разъ, я спалъ не подъ открытымъ небомъ, а въ чудномъ гротѣ или, вѣрнѣе, пещерѣ съ песчаной почвой, гдѣ температура даже безъ костра и печей весьма сносная, чтобы не сказать болѣе. Туда я стащилъ, какъ могъ, разрубленнаго топоромъ на части вапити и, заваливъ входъ въ пещеру снѣгомъ, явился сюда, чтобы захватить здѣсь салазки или санки и затѣмъ отправиться туда обратно за остальнымъ мясомъ, которое, судя по всему, должно быть превосходнѣйшаго вкуса!

— О, ваше открытіе, Жанъ, неоцѣненно для насъ! Мы превратимъ вашу пещеру въ складъ для провіанта и, если она достаточно велика, то можемъ даже поселиться въ ней на время, пока будемъ разыскивать «Мать Золота».

— По всей вѣроятности, она должна быть очень велика, такъ какъ надъ нею возвышается цѣлый холмъ!

— А далеко это отсюда?

— Да часовъ семь хотьбы для привычнаго человѣка, а для нашего каравана съ собаками и санями не менѣе полусутокъ!

— Ну, все равно, какъ только Жанъ успѣетъ обогрѣться и отдохнуть, надо будетъ пуститься въ путь. Въ этой пещерѣ, если только въ ней можно будетъ поселиться, намъ будетъ несравненно лучше, чѣмъ подъ открытымъ небомъ!

— Я готовъ хоть сейчасъ!—сказалъ Жанъ.

*) Вапити—канадскій олень.

— Нѣтъ, нѣтъ,—необходимо плотно покушать на дорогу и собраться!

Послѣ хорошей, основательной закуски стали снимать палатку и вырывать желѣзныя скобы, служившія для ея установки; все это сложили, равно какъ и всю домашнюю утварь и пожитки, затѣмъ маленькій караванъ, состоявшій изъ пяти саней, запряженныхъ двадцатью эскимосскими собаками, бодро тронулся въ путь.

Почва почти повсюду была совершенно ровная, а плотный снѣгъ былъ настолько твердъ, что полозья саней почти вовсе не уходили въ него, и сани легко скользили по поверхности, что значительно облегчало путь. Собаки, дружно налегая на свои хомуты, бодро везли свои далеко не легкія саночки, люди же, всѣ на лыжахъ, идя за санями, частію управляли, частію подсобляли имъ, подталкивая сани сзади. Жанна направляла переднія сани, и собаки, повинуясь ея голосу, весело бѣжали по направленію къ востоку. Луна свѣтила, что называется, во всю, и на снѣжной равнинѣ было свѣтло, какъ днемъ. Время отъ времени Жанна останавливала свои передовыя сани, причемъ разомъ останавливались и остальныя. Кто-нибудь изъ мужчинъ бралъ привязанную сверху къ санямъ лопату, взрывалъ ею снѣгъ такъ, чтобы изъ него образовалась небольшая, но высокая кучка,—и поѣздъ трогался дальше. Эти возвышенія или кучки должны были служить путеводными столбами для отсутствующихъ, когда они вернутся къ мѣсту прежней стоянки.

Конечно, и отъ саней остается слѣдъ на снѣгу, но всегда могъ выпасть новый снѣгъ и занести этотъ слѣдъ; вотъ почему молодая дѣвушка указала своимъ товарищамъ на этотъ столь простой и вмѣстѣ столь вѣрный способъ указать отсутствующимъ то направленіе, по которому слѣдовалъ маленькій караванъ къ своему новому становищу.

Долгое время путь былъ ровный и гладкій, томительно-однообразный, но удобный; вдругъ мѣстность совершенно измѣнилась: со всѣхъ сторонъ тѣснились темныя глыбы камней, казавшихся черными при яркомъ свѣтѣ мѣсяца. Руководствуясь

указаніями Жана, маленькій поѣздъ спустился въ небольшую ложбинку, окруженную со всѣхъ сторонъ безпорядочно разбросанными скалами и замыкаемую высокимъ холмомъ, почти горою, у подножья котораго, точно туннель, чернѣлъ входъ въ пещеру.

— Вотъ она!—воскликнулъ Жанъ.

Еще минута, — и всѣ принялись весело отрывать входъ, который молодой охотникъ изъ предусмотрительности завалилъ снѣгомъ. Туша вапити была здѣсь, только успѣла уже совершенно окостенѣть подъ вліяніемъ мороза. Собакъ поспѣшно выпрягли, предоставивъ ихъ самихъ себѣ, а сани выстроили полукругомъ передъ входомъ; затѣмъ только наши друзья начали осматривать свое новое жилище.

Всѣ они сильно утомились, и каждый думалъ прежде всего о своей постелѣ. Всѣ спѣшили достать изъ саней предметы первой необходимости и устроиться на ночлегъ, а Жанъ, вооружившись маленькой лампочкой, проникъ въ глубь пещеры. Съуженная у входа до ширины $1^1/_2$ аршина, и менѣе сажени вышины, пещера эта представляла собою вначалѣ родъ корридора, затѣмъ вдругъ расширялась настолько, что образовала большую круглую залу, стѣнъ которой не было видно въ первый моментъ.

Здѣсь было настолько тепло, что мѣховыя одежды стали излишни. Всѣ стали восторгаться открытіемъ Жана, сознавая, что впослѣдствіи, когда входное отверстіе будетъ завѣшено какой-нибудь шкурой, ничего лучшаго не останется и желать. Поставили печку, зажгли лампу и стали готовить чай. А въ это время Леонъ сталъ справляться со своей «буссолью для золота». Чувствительность леоніума къ золоту и удивительная точность прибора, изобрѣтеннаго молодымъ ученымъ, была такова, что ни разу съ того момента, какъ наши путешественники вступили на золотоносную почву, игла этой буссоли ни минуты не оставалась абсолютно неподвижной. Такъ какъ золото здѣсь встрѣчается почти повсюду, то игла эта постоянно отклонялась то въ ту, то въ другую сторону, то внизъ, то вверхъ, указывая на присутствіе драгоцѣннаго металла. Но вотъ,

на этотъ разъ Леонъ впервые замѣтилъ, что его стрѣлка стала совершенно неподвижно. Напрасно онъ наклонялъ и встряхивалъ свою буссоль, напрасно постукивалъ по ней ногтемъ,—ничто не помогало; онъ встревожился, ужъ не испортился-ли этотъ удивительный инструментъ, и, доставъ изъ маленькаго кожанаго мѣшечка самородокъ золота величиной съ орѣхъ, поднесъ его къ своей буссоли. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ игла дѣлала быстрый поворотъ и слѣдовала направленію самородка, но теперь она осталась неподвижна. Холодный потъ выступилъ на лбу у молодого человѣка:—очевидно, его Леоніумъ утратилъ свою удивительную способность, такъ какъ золото уже не дѣйствовало на него... Что же теперь дѣлать?

II.

Фанатики золота.—Тайна индѣйца Атна.—Отправленіе.—Въ пути.—Ожиданіе.—Надо воздѣйствовать.—Первая побѣда.—Подвиги школьника.—Пиръ.—Кошмаръ. - Смертельная опасность.

Всѣ золотоискатели Клондика одержимы мечтою найти «Мать золота», ту сказочную залежь драгоцѣннаго металла, которая, по разсказамъ, должна содержать золота болѣе, чѣмъ на цѣлый мильліардъ. На эту тему существуетъ даже цѣлая легенда, извѣстная индѣйцамъ съ незапамятныхъ временъ и распространяемая теперь съ особымъ усердіемъ золотоискателями. Многіе уже стали жертвой своего легковѣрія, но легенда эта по прежнему находитъ все новыхъ приверженцевъ и фанатиковъ, которые добровольно переносили самыя страшныя мученія и погибали, не отказавшись отъ своей золотой мечты.

Это—тѣ же алхимики среднихъ вѣковъ, ищущіе философскій камень: имъ мало богатѣйшихъ розсыпей золотоноснаго песку, мало даже и самыхъ крупныхъ самородковъ; подавай тѣ сказочныя залежи, тѣ сплошные пласты драгоцѣннаго металла, что прозваны здѣсь «Матерью золота». Другое почти не трогаетъ ихъ и не представляетъ въ ихъ глазахъ почти никакой цѣнности. Это какіе-то маніаки, загипнотизированные жаждою

несмѣтныхъ богатствъ. Однимъ изъ такихъ фанатиковъ былъ и старый Пьеръ Лестангъ, канадскій рудокопъ и страстный золотоискатель, всю свою жизнь преслѣдовавшій ту же химеру о «Матери золота». Между тѣмъ онъ былъ, пожалуй, единственнымъ человѣкомъ, невѣроятныя, упорныя усилія котораго могли въ концѣ концовъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ долгіе годы жилъ среди индѣйцевъ, самыхъ скрытныхъ и недовѣрчивыхъ по отношенію къ бѣлолицымъ; въ концѣ концовъ ему удалось войти съ ними въ дружбу, но и этого еще было мало, и только въ прошломъ году, когда ему посчастливилось спасти жизнь одного изъ вождей, съ опасностью жизни для себя, индѣйскій вождь еще разъ доказалъ свѣту, что благодарность и признательность—добродѣтели, присущія и краснокожимъ.

— Я знаю, что ты хотѣлъ бы найти «желтое желѣзо», до котораго такъ жадны всѣ блѣднолицые,—сказалъ ему однажды индѣецъ,—и укажу тебѣ мѣсто, гдѣ его такъ же много, какъ простыхъ камней, и гдѣ глыбы его такъ велики, какъ вотъ эти обломки скалъ!

Лестангъ слушалъ его съ замираніемъ сердца. Затѣмъ индѣецъ далъ ему понять, что эти залежи «желтаго желѣза» *) находятся очень далеко, что доступъ въ тѣ мѣста трудный и опасный, но что человѣкъ, упорный въ трудѣ и настойчивый, смѣлый и отважный, всегда въ концѣ концовъ можетъ достигнуть желаемаго.

— О, это, навѣрное, «Мать золота»! Да! Да! Это не подлежитъ сомнѣнію!—мышленно повторялъ Лестангъ, обезумѣвъ при этой мысли.

— Знаешь, братъ мой, надо идти отыскать это желтое желѣзо!—обратился онъ къ краснокожему.

— Если мой братъ хочетъ, пойдемъ!—просто отвѣчалъ тотъ.

Дѣло было зимою, а въ томъ году холода доходили до 52° ниже нуля. Но это не помѣшало имъ пуститься въ дальній и трудный путь. Претерпѣвая страшныя мученія и лишенія, эти отважные люди упорно шли къ своей цѣли; однако, не-

*) Желѣзомъ индѣйцы называютъ всякій металлъ. Желѣзо желтое—золото; желѣзо бѣлое—серебро; желѣзо сѣрое—свинецъ.

смотря на всѣ усилія, имъ не удалось достигнуть обѣтованной земли. Лишившись всего необходимаго, полуживые отъ холода и голода, съѣвъ по дорогѣ своихъ собакъ, даже ременную кожаную упряжку саней и самыя шкуры этихъ собакъ, они вернулись къ индѣйцамъ болѣе похожіе на живые скелеты, чѣмъ на людей, состоящихъ изъ мяса и костей.

Тогда Лестангъ понялъ, что для достиженія его цѣли необходимы другія средства и условія, и, разставшись со своими друзьями Атнасами (индѣйцами), отправился въ Юконъ, гдѣ нанялся въ землекопы и сталъ копить деньги, въ надеждѣ собрать необходимую сумму для снаряженія новой экспедиціи, затѣянной имъ и его другомъ индѣйцемъ.

Случай столкнулъ его съ нашей маленькой дружественной компаніей франко-канадцевъ, и вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ членовъ этой тѣсной семьи, окружившей его уходомъ, ласками и заботами, какъ родного, и вызвавшей въ немъ чувство глубочайшей признательности и безграничной преданности, которое побудило его, подобно другу его индѣйцу, открыть его друзьямъ все, что онъ зналъ о «Матери золота». И всѣ въ одинъ голосъ воскликнули то же, что воскликнулъ и онъ, въ отвѣтъ на сообщеніе индѣйца.

— Надо идти туда, надо отыскать эти чудовищныя залежи золота!

Теперь, какъ разъ теперь такого рода экспедиція являлась желанной. Послѣ перваго блистательнаго дебюта въ странѣ золота и льдовъ наше маленькое общество испытало не мало тяжелыхъ неудачъ: во-первыхъ, покража «гнѣзда самородковъ», затѣмъ ужасный случай съ двумя канадцами, чуть было не стоившій имъ жизни, потомъ несправедливое и возмутительное обвиненіе, арестъ, трехмѣсячное тюремное заключеніе, и штрафъ въ пятьдесятъ франковъ, которымъ подверглись Леонъ Фортенъ, Поль Редонъ и Тоби. Когда же имъ вернули свободу, а пострадавшіе во время катастрофы совершенно оправились, пришла уже зима, холодная, упорная, суровая.

Правда, это самая благопріятная пора для раскопокъ, но, не говоря уже о томъ, что наше маленькое франко-канадское

общество было не особенно склонно къ этого рода работѣ, громадное большинство золотоискателей, англо-саксонцевъ или космополитовъ, смотрѣло на нихъ косо и недовѣрчиво послѣ ихъ пребыванія въ тюрьмѣ. Благодаря подпольнымъ интригамъ тѣхъ двухъ господъ, въ которыхъ наши друзья по прежнему упорно продолжали видѣть Боба Вильсона и Френсиса Бернетта, общественное мнѣніе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возставало на нихъ. Имъ не хотѣли сдавать въ наемъ ни одной, даже самой жалкой лачуги подъ жилье, никто не соглашался наняться даже и за большія деньги работать на ихъ клэмъ; при случаѣ они наталкивались даже на публичныя оскорбленія. Все это заставило ихъ понять, что дальнѣйшее пребываніе въ Доусонъ-Сити для нихъ невозможно, и они рѣшили пустить въ продажу свой великолѣпный участокъ золотыхъ пріисковъ. За него они получили 120,000 долларовъ чистоганомъ, хотя эта концессія стоила вчетверо больше. И вотъ ничѣмъ не связанные болѣе, они рѣшились, не взирая на всѣ ужасы «ледяного ада», отправиться на розыски «Матери золота». Поспѣшно снарядили экспедицію, сдѣлали громадные запасы провіанта, необходимой одежды, динамита, орудій и оружія, снарядовъ и керосина, предназначенной служить и топливомъ, и освѣтительнымъ матеріаломъ въ одно и то же время. Все это было размѣщено на шести саняхъ, такимъ образомъ, чтобы на каждыя изъ нихъ приходилось по одной шестой долѣ всего что везли съ собой наши отважные золотоискатели. Такого рода мѣра являлась крайне разумной на случай гибели или пропажи однихъ или даже нѣсколькихъ саней.

Каждыя сани должны были везти пять сильныхъ, здоровыхъ и привычныхъ къ этому дѣлу упряжныхъ собакъ, но въ виду сбереженія ихъ силъ, столь необходимыхъ для успѣха всякой полярной экспедиціи, Лестангъ предложилъ, чтобы по крайней мѣрѣ первую часть пути собаки были замѣщены лошадьми. Съ этою цѣлью ему удалось нанять, правда, за неслыханно высокую плату, достаточное количество лошадей, на которыхъ рѣшено было везти всю кладь на разстояніе 80 миль отъ Доусонъ-Сити къ востоку.

Маленькій караванъ двинулся черезъ проходъ Юкона по льду толщиною 12 вершковъ; лошади везли кладь, а сами участники экспедиціи шли пѣшкомъ, почти по колѣно въ снѣгу.

Въ шесть дней они успѣли пройти условленныя 80 миль, затѣмъ лошади и проводники ихъ вернулись обратно въ Доусонъ-Сити, а наши друзья были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Планъ стараго Лестанга, избраннаго единогласно начальникомъ экспедиціи, заключался въ томъ, чтобы прежде всего достигнуть со всѣмъ караваномъ того мѣста, до котораго они въ предыдущемъ году доходили съ индѣйцемъ, затѣмъ, выбравъ подходящее мѣсто для болѣе продолжительнаго пребыванія и оставивъ тамъ весь караванъ и все маленькое общество, вдвоемъ съ Дюшато отправиться въ индѣйскую деревню за старымъ другомъ, индѣйцемъ Атна. Когда оба канадца и индѣецъ вернутся, то все маленькое общество двинется дальше подъ предводительствомъ послѣдняго, къ тому таинственному мѣсту, гдѣ, по словамъ легенды, находится та золотая житница Юкона, та «Матерь золота», о которой такъ страстно мечтаютъ всѣ золотоискатели.

Теперь уже вся первая половина программы была выполнена, и молодые люди вмѣстѣ со своими мужественными спутницами ожидали только возвращенія двухъ канадцевъ съ индѣйцемъ Атна. Прошло болѣе двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Лестангъ и Дюшато ушли, а остальные проводили однообразную жизнь среди снѣговой равнины въ своихъ палаткахъ.

Чтобы избѣжать слишкомъ сидячей жизни, столь пагубной во всѣхъ полярныхъ экспедиціяхъ, наши молодые люди ежедневно посвящали нѣсколько часовъ движенію на вольномъ воздухѣ.

Леонъ и Марта совершали длинныя прогулки, бесѣдуя о прошломъ и строя предположенія о будущемъ, при сорока пяти градусахъ мороза. Что же касается журналиста, то онъ сначала предпочиталъ оставаться въ палаткѣ, грѣясь у печки и пассивно выдерживая всѣ нападки товарищей, желавшихъ заставить и его посвящать нѣкоторое время движенію на воздухѣ. Только упорству Жанны удалось въ концѣ концовъ переупрямить его. Это была первая победа молодой уроженки Канады над этим мнимо расслабленным и девушка в душе очень гордилась ею. Ей удалось заставить его выходить ежедневно хоть на полчаса и с этого времени здоровье его улучшилось. Он стал привыкать к морозу, и хотя иногда впадая в свой прежний грех, но

все же находил в себе силу противиться этой ~~приве~~ привычке, и побеждать

её, как того желала Жанна. Напротив, Жан Грандье превосходно мирился со всеми ужасами „ледяного ада“ и чувствовалъ себя въ этой насквозь промерзшей странѣ, какъ въ родной стихіи. Смѣлый и отважный, полный силъ и здоровья, онъ не пугался никакой стужи, никакой непогоды, охотился цѣлыми днями и почти никогда не возвращался безъ добычи. Этотъ шестнадцатилѣтній мальчикъ, не поморщившись, шелъ на медвѣдя, на вапити, на карибу и большого сѣвернаго оленя, который, даже раненый на смерть, обыкновенно кидается на охотника и однимъ ударомъ роговъ пропарываетъ ему животъ. Презирая всякую опасность, юноша уходилъ одинъ, въ сопровожденіи только своего вѣрнаго ньюфаунленда Портоса, который также чувствовалъ себя прекрасно въ этой странѣ морозовъ и снѣговъ.

Во время одной изъ своихъ экскурсій юношѣ и удалось, какъ мы знаемъ, найти пещеру, гдѣ теперь все маленькое общество могло поселиться съ неменьшими удобствами, чѣмъ въ любомъ, даже лучшемъ изъ мѣстныхъ жилищъ. Здѣсь имъ уже не грозила никакая опасность ни отъ мороза, ни отъ дикихъ звѣрей, ни отъ людей. При болѣе основательномъ осмотрѣ оказалось, что уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ входа, температура была не ниже—3, а немного подальше вглубь термометръ стоялъ на нулѣ, тогда какъ въ палаткѣ, несмотря на раскаленную печь, температура никогда не подымалась выше—15°.

Пещера эта уходила очень далеко вглубь и развѣтвлялась въ разныя стороны въ видѣ гусиной лапы тремя узкими коридорами.

Наши друзья не дали себѣ труда осмотрѣть эти коридоры, не имѣя въ нихъ никакой надобности, а размѣстились въ средней круглой залѣ, достаточно помѣстительной и просторной. Собаки устроились у входа на мягкомъ пескѣ и тутъ же принялись пожирать отбросы и остатки отъ убитаго Жаномъ вапити. Между тѣмъ хозяева ихъ принялись съ особымъ наслажденіемъ жарить на вертелѣ, приспособленномъ къ печкѣ, сочный окорокъ этой дичины. Вкусный запахъ жаренаго мяса распространился по всей пещерѣ, проникая и во всѣ темные коридоры. Послѣ долгой, веселой бесѣды всѣ съ особымъ удовольствіемъ предались сну.

Только одна маленькая лампочка, налитая керосиномъ и надѣтая на высокую бамбуковую трость, освѣщала эту общую

спальную, раздѣленную надвое занавѣской изъ полотнищъ той же палатки.

Всѣ мирно спали въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ.

Вдругъ Поль Редонъ, спавшій въ глубинѣ пещеры, внезапно пробудился отъ страшнаго кошмара. Какая-то страшная тяжесть налегла ему на грудь и давила его. Онъ чувствовалъ, какъ кто-то перекатываетъ его съ бока на бокъ и топчетъ ногами, хотѣлъ кричать и не могъ. Въ вискахъ у него застучало, сердце усиленно забилось, наконецъ, онъ сдѣлалъ страшное усиліе и открылъ глаза.

Ужаснѣйшее зрѣлище представилось ему при свѣтѣ маленькой лампочки и вызвало изъ груди страшный хрипъ: его кошмаръ оказался дѣйствительностью; страшная, смертельная опасность грозила ему и всѣмъ его друзьямъ.

ГЛАВА III.

Сѣрый медвѣдь.—Прерванный сонъ.—Выстрѣлъ.—Жанъ и Леонъ.—Редонъ представляетъ собою поле битвы.—Героиня.—Самообладаніе.—Свойство минеральной эссенціи.—Необычайная смерть гризли.

Безъ сомнѣнія, самое страшное, самое громадное, самое сильное и свирѣпое животное изъ всѣхъ дикихъ обитателей дремучихъ лѣсовъ Новаго Свѣта—сѣрый медвѣдь, или гризли. Несмотря на свои громадные размѣры, онъ проворенъ и ловокъ, какъ пантера, сильнѣе, чѣмъ бизонъ, и всегда находится въ ярости, всегда готовъ съ остервенѣніемъ накинуться на всякое препятствіе и всюду оставляетъ за собою смерть и разрушеніе. Средней величины гризли имѣетъ въ длину сажень и двѣнадцать вершковъ и вѣситъ около 40 пудовъ, притомъ отличается необычайной живучестью: были примѣры, что пробитый нѣсколькими пулями медвѣдь, изъ котораго кровь лилась какъ вино изъ бочки, нагонялъ коня, пущеннаго вскачь, ударомъ своей могучей лапы переламывалъ ему хребетъ, сбрасывалъ всадника и, растоптавъ его ногами, раздиралъ въ клочья и коня, и человѣка.

Облаченный почти непроницаемой бронею изъ мускуловъ, жира и толстой, плотной шкуры, онъ почти неуязвимъ; не только холодное оружіе, а даже и пули рѣдко могутъ проникнуть до главныхъ жизненныхъ органовъ этого страшнаго звѣря. Чтобы уложить его, необходимо, чтобы пуля прошла ему въ глазъ, въ ухо или прямо въ сердце.

«Облачившись въ костюмы эскимосовъ и взявъ сани, запряженныя собаками, наши друзья тронулись въ путь»... (къ стр. 170).

Несмотря на свои громадные размеры, онъ проворенъ и вокъ, какъ пантера, сильнѣе, чѣмъ бизонъ, и всегда находится въ ярости, всегда готовъ съ остервенѣніемъ накинуться на всякое препятствіе и всюду оставляетъ за собою смерть и разрушеніе. Средней величины гризли имѣетъ въ длину сажень и двѣнадцать вершковъ и вѣситъ около 40 пудовъ, при томъ отличается необычайной живучестью: были примѣры, что пробитый нѣсколькими пулями медвѣдь, изъ котораго кровь лилась какъ вино изъ бочки, нагонялъ коня, пущеннаго вскачь, ударомъ своей могучей лапы переламывалъ ему хребетъ, сбрасывалъ всадника и, растоптавъ его ногами, раздиралъ въ клочья и коня, и человѣка.

Облеченный почти непроницаемой бронею изъ мускуловъ, жира и толстой, плотной шкуры, онъ почти неуязвимъ; не только холодное оружіе, а даже и пули рѣдко могутъ проникнуть до главныхъ жизненныхъ органовъ этого страшнаго звѣря. Чтобы уложить его, необходимо, чтобы пуля прошла ему въ глазъ, въ ухо или прямо въ сердце.

Вотъ почему ожерелье изъ когтей сѣраго медвѣдя считается самымъ славнымъ и драгоцѣннымъ украшеніемъ у индѣйскаго воина, какъ явное доказательство несомнѣннаго мужества, ловкости и силы. Къ счастію, эти страшные звѣри встрѣчаются рѣдко, но за то тамъ, гдѣ они появляются, они наводятъ ужасъ на цѣлую окрестность.

Благодаря какой-то чрезвычайно несчастной случайности, пещера, открытая Жаномъ, оказалась берлогой пары такихъ страшныхъ звѣрей. Находясь въ состояніи полуспячки, эти медвѣди, вѣроятно, еще недавно поселились въ одномъ изъ темныхъ ходовъ, выходящихъ въ среднюю круглую залу пещеры, но такъ какъ зимняя спячка у нѣкоторыхъ медвѣдей довольно слабая, то они весьма легко пробуждаются отъ нея, а подъ вліяніемъ пріятной теплоты, распространяемой печкой и вкуснаго запаха жаренаго мяса, и совсѣмъ пробудились. Кромѣ того, быть можетъ, гризли, отличающіеся вообще чрезвычайно тонкимъ обоняніемъ, почуяли и присутствіе человѣка, и такъ какъ они весьма лакомы до человѣческаго мяса, то

не мудрено, что одинъ изъ нихъ, пробудившись и руководствуясь присущимъ ему инктинктомъ, отправился прямо туда, гдѣ наши друзья такъ прекрасно расположились на ночлегъ.

Въ первый моментъ этотъ обитатель полярныхъ странъ остановился, удивленный видомъ столькихъ непривычныхъ ему предметовъ новой и дикой для него обстановки, среди которой лежали на землѣ неподвижныя фигуры спящихъ. Поднявшись на заднія лапы, медвѣдь какъ-будто размышлялъ; нѣчто похожее на звѣрскую усмѣшку исказило на мгновеніе его громадную пасть. Но любопытство взяло верхъ, и онъ сталъ оглядывать все. Вотъ опустившись на всѣ четыре лапы, страшный звѣрь осторожно поднялся къ ближайшему отъ него мѣховому мѣшку, гдѣ лежала вся укутанная въ мѣха фигура Поля Редона.

— Медвѣдь! Медвѣдь! Помогите!!—закричалъ не своимъ голосомъ несчастный, какъ только успѣлъ придти въ себя.

Однимъ прыжкомъ Леонъ выскочилъ изъ своего мѣшка и сталъ озираться кругомъ, отыскивая оружія. Жанъ сдѣлалъ то же. Крикъ ужаса невольно вырвался у нихъ при видѣ страшной опасности, грозившей ихъ другу.

Отъ этого крика пробудились и обѣ дѣвушки. Не понимая, что случилось, онѣ съ минуту стали растерянно суетиться, опрокидывая кое какія вещи на своемъ пути, и произведенный ими переполохъ смутилъ на мгновеніе страшнаго гостя. Тѣмъ временемъ Жанъ схватилъ свое ружье, а у Леона очутился въ рукахъ один ножъ; между тѣмъ звѣрь, при видѣ враговъ, съ яростнымъ ревомъ всталъ на заднія лапы.

— Не стрѣляйте!—крикнула Жанна, къ которой теперь вернулось все ея обычное самообладаніе.

Но уже было поздно. Раздался выстрѣлъ,—и густое облако дыма застлало на минуту все кругомъ. Жанна пустила лампу какъ можно ярче, чтобы борющіеся не поранили другъ друга. Выстрѣлъ раздробилъ звѣрю челюсть, но это сдѣлало его только еще болѣе опаснымъ. Онъ конвульсивно замоталъ головою, страшный ревъ огласилъ всю пещеру, кровь ручьемъ полилась изъ страшной раны, но чудовище продолжало стоять на заднихъ лапахъ и какъ будто топтало что-то подъ ногами.

— Боже правый! Да, вѣдь, это—Леонъ, кинувшійся съ ножемъ на медвѣдя, Леонъ, который одной рукой вцѣпился въ косматую шерсть звѣря, а другой наносилъ ему бѣшеные удары ножомъ въ грудную полость и животъ! Самъ того не подозрѣвая, отважный молодой человѣкъ повторилъ въ данномъ случаѣ пріемъ индѣйцевъ-охотниковъ, рѣшающихся вступать въ рукопашный бой съ страшнымъ гризли. Помертвѣвъ отъ страха, блѣдная, какъ саванъ, Марта, полагая, что Леонъ безвозвратно погибъ, отчаянно протянула къ нему руки и съ душу раздирающимъ воплемъ опрокинулась навзничь, лишившись чувствъ. Жанна подхватила ее, брызнула ей въ лицо водой, не успѣвшей еще замерзнуть послѣ ужина, и стала тереть виски, съ замираніемъ сердца слѣдя за ходомъ борьбы. Вдругъ среди наступившей минуты затишья, когда слышалось одно тяжелое дыханіе борющихся, раздался прерывающійся подавленный голосъ:

— Чортъ возьми, господа! Я никакъ не могу выбраться изъ своего мѣшка... Пощадите, вы совсѣмъ растоптали меня; я положительно все время представляю собой поле битвы!

Это былъ голосъ Поля Редонъ, принужденнаго лежать неподвижно въ полномъ бездѣйствіи, такъ какъ онъ не могъ шевельнуться, не только что подняться: гигантскій медвѣдь и оба борца топтали его ногами. Все это разомъ стало яснымъ для его товарищей. Жанъ сдѣлалъ другой выстрѣлъ; на этотъ разъ пуля снесла половину морды и глазъ, но все-таки не проникла въ мозгъ, и потому чудовище все еще осталось на ногахъ, хотя, повидимому, уже не на долго.

Тогда, почти задыхаясь подъ тяжестью громаднаго звѣря, Леонъ всадилъ ножъ по самую рукоятку въ животъ медвѣдя. Звѣрь разжалъ свои лапы, пошатнулся и опрокинулся навзничь. Все было кончено. Опасность миновала; теперь можно было свободно вздохнуть. Жанъ, бросивъ ружье, поспѣшилъ на помощь къ Леону, который хотѣлъ помочь Полю Редонъ, на половину раздавленному тяжестью топтавшаго его медвѣдя. Вдругъ изъ глубины пещеры появился другой медвѣдь, еще большихъ размѣровъ. Однимъ прыжкомъ свирѣпое животное бросилось на путешественниковъ,—и вся пещера огласилась страшнымъ ревомъ. Трое мужчинъ, которымъ все еще приходилось бороться съ издыхающимъ врагомъ, не могли прійти на помощь двумъ бѣднымъ дѣвушкамъ, а на нихъ-то и шелъ теперь второй медвѣдь. При видѣ грозящей ей неминуемой гибели, Марта, непривычная къ такого рода ужасамъ, снова лишилась чувствъ. Жанна же, болѣе сильная, находчивая и энергичная, не найдя подъ рукою оружія и видя опасность, схватила висѣвшую надъ печкой салфетку, смочила ее въ керосинѣ, затѣмъ, обмотавъ ею конецъ бамбуковой палки съ желѣзнымъ остріемъ, служившей для установки палатокъ и валявшейся теперь безъ употребленія, воспользовалась моментомъ, когда косматый звѣрь съ громкимъ рычаніемъ, широко раскрывъ пасть, двинулся на Марту, всунула ему въ пасть по самую глотку этотъ импровизованный горящій банникъ, который она успѣла зажечь надъ лампочкой. Смоченная горючимъ веществомъ салфетка мигомъ воспламенилась и, подобно факелу, разомъ озарила всю внутренность пещеры. Смущенный въ первый моментъ видомъ столь высокаго пламени медвѣдь съ минуту пріостановился, но затѣмъ разсвирѣпѣлъ еще болѣе. Тогда мужественная дѣвушка, собравъ всѣ свои силы, стала толкать шестъ какъ можно глубже. Мгновенно шерсть на мордѣ звѣря опалилась, языкъ, небо, гортань и бронхи, въ которыя проникло горючее вещество, столь сильно выпламеняющееся, что горитъ даже въ водѣ, все было охвачено огнемъ, опалено и сожжено. Несчастное животное опрокинулось, забарахталось, сжимая передними лапами обгорѣлую морду, затѣмъ началась страшная мучительная агонія, длившаяся, впрочемъ, всего нѣсколько минутъ, послѣ чего страшное чудовище осталось неподвижно.

Между тѣмъ и Леонъ, весь залитый кровью, поднялся на ноги, также и Жанъ, опрокинутые медвѣдемъ при паденіи; оглушенные ревомъ, силясь выбиться изъ желѣзныхъ когтей чудовища, подавленные его непомѣрной тяжестью, они почти не замѣтили появленія второго медвѣдя и не видѣли того, что здѣсь произошло. Марта въ нѣсколькихъ словахъ разсказала

про смѣлый подвигъ своей пріятельницы, встрѣченный всеобщимъ восторгомъ.

— Въ минуту опасности всякій дѣлаетъ, что можетъ и что знаетъ! — скромно отвѣчала молодая героиня въ отвѣтъ на общія поздравленія.

— Да, — сказалъ Редонъ, — я служилъ только подмостками для трагической сцены, въ которой вы, господа, были героями и героинями!

— Тутъ добрыхъ 75 пудовъ мяса и пара славныхъ шкуръ на одѣяла, постели или плащи, смотря по желанію! — замѣтилъ Жанъ, задумчиво слѣдя за послѣдними конвульсіями двухъ гризли.

— Эти чудовища не менѣе ужасны, чѣмъ даже пресловутая «Красная Здѣзда»!

Леонъ невольно содрогнулся при упоминаніи этого имени, изъ-за котораго онъ столько выстрадалъ и столько пережилъ.

— Впрочемъ, что вспоминать объ этихъ негодяяхъ теперь, когда они нашли въ Доусонѣ свою «Мать Золота», имъ, вѣроятно, нѣтъ никакой охоты преслѣдовать насъ еще здѣсь! — закончилъ Поль Редонъ.

Леонъ задумчиво покачалъ головой, промолвивъ:

— Какъ знать!

IV.

Возвращеніе.—Канадцы и краснокожій. Ожерелье вождя.—Неутомимые. — Въ пути. — Стрѣлка вновь вращается. — Сомнѣнія. — Кто правъ? — „Здѣсь!“ — сказалъ индѣецъ.

Четыре дня или, вѣрнѣе, четыре ночи, длившіяся каждая 23 часа и 55 минутъ, прошли съ тѣхъ поръ, какъ новые обитатели медвѣжьей пещеры поселились въ ней. Людямъ, рожденнымъ въ болѣе среднихъ широтахъ, очень трудно бываетъ привыкать къ этому упорному мраку полярныхъ странъ во время зимовокъ. Мерцающій звѣздный свѣтъ, лучезарные сумерки и пламенѣющія сѣверныя сіянія.—все это вноситъ лишь кратко-

временное разнообразіе свѣта въ почти сплошной мракъ этихъ полярныхъ зимъ, такъ удручающе дѣйствующій на нервы. Трудно себѣ представить, какъ, послѣ безконечныхъ лѣтнихъ дней эти постоянныя сумерки, среди которыхъ люди двигаются, какъ тѣни, въ туманѣ своихъ испареній въ морозномъ воздухѣ, среди этой снѣжной равнины, заглушающей шумъ шаговъ и всякій другой живой звукъ, удручающе дѣйствуютъ даже и на самыхъ бодрыхъ. Кажется, что и духъ, и тѣло начинаютъ погружаться въ спячку, и единственнымъ, хотя и весьма однообразнымъ, развлеченіемъ является восходъ и баснословно быстрый закатъ солнца. Но и это развлеченіе вскорѣ должно было прекратиться, такъ какъ солнце, подымавшееся все меньше и меньше надъ горизонтомъ, вскорѣ должно было окончательно уйти за линію горизонта.

Прошло уже четверо сутокъ со дня нападенія гризли, шкуры которыхъ были содраны и превращены въ покрывала, а мясо разрублено на части, заморожено и убрано въ одной изъ боковыхъ галлерей, превращенныхъ въ кладовыя.

Наступила ночь. Обитатели медвѣжьей пещеры спали. За то вблизи пещеры слышались человѣческіе голоса, собаки глухо рычали, проворныя тѣни сновали у входа въ пещеру въ облакѣ бѣловатаго тумана. Наконецъ, наши друзья вышли на этотъ шумъ, — и у нихъ вырвались шумные крики радости.

— Отецъ! Это вы, да? — воскликнула Жанна.

— Да, да дитя мое!

— Ну, все благополучно? Никакихъ бѣдъ?

— Все какъ по маслу! — отвѣчалъ Лестангъ.

Собаки вновь прибывшихъ путниковъ тоже братались съ остальными собаками, только одинъ Портосъ продолжалъ рычать: съ двумя вовратившимися канадцами былъ еще третій, и Портосъ не могъ успокоиться относительно этого незнакомца.

— Молчи, Портосъ! — крикнулъ на него Жанъ, а васъ, друзья, прошу пожаловать въ нашу хату! — добавилъ онъ, указывая рукою на внутренность пещеры, ярко освѣщенной двумя лампочками въ честь прибывшихъ.

Почти закоченѣвъ отъ холода, трое путниковъ прежде всего

отпрягли своихъ собакъ и прибрали сани, въ чемъ имъ помогли и остальные, затѣмъ уже осторожно направились внутрь пещеры, чтобы не задохнуться отъ внезапнаго перехода къ теплу послѣ пятидесяти-градуснаго мороза. Очутившись въ круглой залѣ пещеры, гдѣ весело топилась печь, они сбросили съ себя свой мѣховой нарядъ и ощутили неописанное чувство благосостоянія и отдохновенія послѣ всѣхъ трудностей своего пути.

— А вотъ и грогъ готовъ! Какъ мы рады, что вы вернулись и что все обошлось благополучно!

— Грогъ — дѣло доброе, — произнесъ Лестангъ, — но всему свое время, позвольте мнѣ прежде всего познакомить васъ съ моимъ другомъ Сѣрымъ Медвѣдемъ, которому извѣстна тайна мѣстонахожденія «Матери Золота», тайна, которою онъ готовъ подѣлиться съ нами!

— Ахъ, такъ его зовутъ Сѣрый Медвѣдь! Какое странное совпаденіе! — воскликнулъ журналистъ, кидая испытующій взглядъ на вновь прибывшаго, типичнѣйшаго представителя краснокожей расы, съ горбоносымъ профилемъ древне-римскихъ медалей и монетъ, съ желѣзными мускулами, тѣломъ, точно вылитымъ изъ бронзы, съ глазами черными, какъ уголь, и блестящими какъ алмазъ. Одѣтъ онъ былъ въ простую охотничью блузу, индѣйскіе штаны съ кисточками и мокассины, а на плечахъ носилъ шерстяной плащъ, заколотый спереди длинной косточкой.

— Да... этотъ человѣкъ не зябкій, — подумалъ про себя Редонъ, — въ такой морозъ и такъ налегкѣ! — При этомъ онъ замѣтилъ на шеѣ индѣйца любопытное ожерелье изъ медвѣжьихъ когтей.

— Это ожерелье вождя! По немъ узнаютъ человѣка отважнаго, героя! — пояснилъ Лестангъ, давно уже знакомый съ нравами и обычаями краснокожихъ, среди которыхъ ему много приходилось вращаться.

— А, вѣдь, и мы, Лестангъ, герои и героини: мы здѣсь убили двухъ сѣрыхъ медвѣдей! — произнесъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Дѣвушки въ это время разносили кипящій грогъ. Индѣецъ,

постоянно жившій среди канадскихъ охотниковъ, научился понимать по-французски.

— Ахъ! — воскликнулъ онъ, — братъ мой убилъ двухъ гризли? Братъ мой — великій вождь!

— О, восторгъ! Онъ говоритъ языкомъ героевъ Купера и Эмара! — воскликнулъ журналистъ. — Нѣтъ, уважаемый краснокожій, не я могу похвастать этимъ славнымъ подвигомъ, а вотъ эта молодая дѣвушка, m-lle Дюшато, и мой товарищъ Леонъ Фортенъ, этотъ отважный галлъ, воинъ, ученый знахарь, да вотъ еще этотъ юноша! — указалъ онъ на Жана, — настоящій прирожденный трапперъ и вольный охотникъ!

Заинтересованный индѣецъ попросилъ подробно разсказать ему все, какъ было. Леонъ тотчасъ же согласился удовлетворить его любопытство, и старый вождь почувствовалъ невольное сердечное влеченіе къ этимъ блѣднолицымъ, совершившимъ тотъ же подвигъ, какимъ самъ онъ снискалъ свою славу и званіе великаго вождя.

Затѣмъ мало-по-малу разговоръ перешелъ къ вопросу, наиболѣе занимавшему всѣхъ, т. е. къ вопросу о золотѣ. Подъ вліяніемъ общаго дружескаго настроенія, единодушнаго сердечнаго пріема и ласки, какія встрѣтилъ здѣсь угрюмый краснокожій, онъ сталъ и самъ дружелюбнѣй и сообщительнѣй и разсказалъ, что «желтаго желѣза» тамъ, куда онъ хочетъ ихъ свести, много-много.

— Такъ много, что вотъ настолько отъ земли! — говорилъ онъ, показывая рукою на добрыя три четверти аршина отъ земли. — Тянется оно далеко-далеко! — И онъ принялся шагать большими шагами по пещерѣ, приговаривая: «вотъ столько и еще больше, еще больше!..»

Очевидно, индѣецъ говорилъ о цѣломъ пластѣ золота такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что это превосходило всякія вѣроятія.

— Нѣтъ сомнѣнія, что это и есть самая «Мать Золота»! — воскликнулъ Лестангъ.

— Да, да! — произнесъ Редонъ — и это все будетъ наше, и золото, и его мамаша!

— Надо посмотрѣть, такъ-ли это! — замѣтилъ вполголоса Леонъ. — Во всякомъ случаѣ такіе пласты золота — нѣчто невѣроятное, но если моя стрѣлка оживетъ и къ ней вернется ея прежняя чувствительность, то мнѣ весьма любопытно знать, на какомъ разстояніи леоніумъ укажетъ намъ присутствіе золота въ этой золотой равнинѣ!

— Скажите, краснокожій братъ мой, далеко ли отсюда это золото?—спросилъ онъ вождя.

— На разстояніи приблизительно восьми дней пути!

— Да, но какихъ дней? Какъ теперь, въ пять минутъ солнца и свѣта, и три часа сумерекъ, или же лѣтнихъ дней, когда солнце стоитъ полные 24 часа надъ горизонтомъ?

— Не слишкомъ длинныхъ и не слишкомъ короткихъ дней!—серьезно отвѣчалъ индѣецъ.

— Ну, если такъ, отправимтесь теперь же! — произнесъ журналистъ,—впрочемъ, вы, можетъ быть, утомились съ пути?

Индѣецъ разсмѣялся, какъ будто Редонъ высказалъ какое-нибудь дѣтски забавное и совершенно невѣроятное предположеніе.

— Утомился? Я не знаю, что значитъ это слово, хотя и понимаю, что другіе такъ называютъ!—сказалъ онъ,—я готовъ сію же минуту идти, куда надо!

— Тогда, отдохнувъ часовъ десять, мы тронемся въ путь. На этомъ и порѣшимъ!

. . . .

Такъ какъ путешествіе должно было продолжаться всего какихъ-нибудь 20 дней, то рѣшено было часть багажа и запасовъ оставить въ пещерѣ, гдѣ ихъ зарыли въ мелкій сыпучій песокъ, представлявшій собою почву пещеры. Затѣмъ, облачившись въ костюмы эскимосовъ, наши друзья стали припрягать собакъ къ санкамъ и, когда все было готово, весело пустились въ путь, разсчитывая недѣли черезъ три, въ крайнемъ случаѣ черезъ мѣсяцъ, вернуться сюда и провести въ медвѣжьей пещерѣ всю остальную часть зимы. Поѣздъ тронулся бодро и весело по твердому, хрусткому снѣгу. Морозъ былъ настолько силенъ, что, несмотря на мѣха и усиленное движеніе, казалось, что кровь стыла въ жилахъ и дыханіе спиралось въ груди.

— Пятьдесятъ градусовъ ниже нуля! — пробормоталъ журналистъ, взглянувъ на минимальный термометръ, прикрѣпленный къ первымъ санямъ

— Да что вы смотрите на эту мѣрилку мороза! Смотрите лучше на индѣйца: глядя на него, не повѣришь въ морозъ!—проговорилъ Лестангъ.

Дѣйствительно, «Сѣрый Медвѣдь».—такъ звали индѣйца,—продѣлывалъ довольно своеобразную гимнастику. Отойдя немного въ сторону, вѣроятно, изъ чувства стыдливости, онъ раздѣлся до нага и сталъ кататься въ снѣгу, кувыркаясь, подскакивая и ныряя съ удивительнымъ проворствомъ; и это на морозѣ, отъ котораго трескаются камни, трещатъ и распадаются на щепки громадныя деревья! Поль Редонъ смотрѣлъ и положительно не вѣрилъ своимъ глазамъ, а между тѣмъ Сѣрый Медвѣдь, вдоволь набарахтавшись и накувыркавшись, проворно надѣлъ свой несложный нарядъ, накинулъ на плечи свой плащъ, и бодрый и веселый, разгоряченный движеніемъ, присоединился къ остальнымъ.

— Ну, что?—спросилъ его Редонъ.

— Даже жарко теперь!—отвѣчалъ индѣецъ.

Мало-по-малу путешественники стали немного согрѣваться отъ усталости и упорнаго движенія, но очень, очень мало. Малѣйшее прикосновеніе къ чему-либо металлическому производило страшный, болѣзненный ожогъ на такомъ морозѣ. Это испыталъ на себѣ Леонъ: вѣчно озабоченный своей буссолью для золота, онъ вздумалъ взглянуть на нее, чтобы еще разъ убѣдиться, окончательно ли она утратила свою способность. Снявъ на мгновеніе перчатку, онъ досталъ ее изъ внутренняго кармана своей мѣховой куртки, разсчитывая, что морозъ не сразу успѣетъ остудить металлическую оправу буссели настолько, чтобы она могла примерзнуть къ его пальцамъ. Но, увы! Прежде чѣмъ онъ успѣлъ произвести желаемый опытъ, онъ уже ощутилъ страшный ожогъ пальцевъ, и кожа пристала такъ крѣпко къ металлу, что пришлось ее отодрать отъ пальцевъ. Не-

смотря на сильную боль, Леонъ поспѣшно натянулъ перчатку и все же продолжалъ свой опытъ.

Теперь стрѣлка вращалась и дрожала, но все-таки упорно останавливалась на одномъ и томъ же мѣстѣ, — и странное дѣло, — указывала отнюдь не то направленіе, по которому теперь двигался маленькій караванъ, а направленіе той медвѣжьей пещеры, которую наши путешественники покинули шесть часовъ тому назадъ.

Удивленный до крайности этимъ обстоятельствомъ, Леонъ положилъ свою буссоль обратно въ свой карманчикъ и долго оставался задумчивъ и молчаливъ.

— Куда ведетъ ихъ этотъ индѣецъ, который, повидимому, совершенно увѣренъ въ себѣ? Слѣдуетъ ли такъ слѣпо довѣряться ему? Ужъ не хочетъ ли онъ завести ихъ въ какія-нибудь дебри, чтобы завладѣть ихъ санями и упряжками, несравненно болѣе драгоцѣнными для него, чѣмъ самыя громадныя глыбы золота?—невольно приходило ему въ голову.—Кому вѣрить, индѣйцу или его непогрѣшимой до сихъ поръ буссоли?

Наконецъ, Леонъ пришелъ къ тому заключенію, что его стрѣлка послѣ необъяснимаго, страннаго поврежденія тамъ, въ медвѣжьей пещерѣ, хотя и стала снова дѣйствовать, но уже въ обратномъ смыслѣ, какъ это бываетъ иногда и съ магнитной стрѣлкой послѣ сильной бури и грозы.

Усталые и истомленные труднымъ и длиннымъ переходомъ, наши путники сдѣлали привалъ подъ защитою снѣговой стѣны, нанесенной недавнимъ бураномъ. Голодные, главное, мучимые жаждой, они съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждали горячаго грога, который готовили тутъ же на маленькой печкѣ, нагрѣваемой тѣмъ же керосиномъ. Жажда, даже еще болѣе мучительная, чѣмъ та, какою страдаютъ путники въ песчаныхъ пустыняхъ, здѣсь, въ снѣговыхъ пустыняхъ, тѣмъ болѣе ужасна, что искушеніе утолить ее горстью снѣга представляется на каждомъ шагу, но стоитъ только поддаться этому искушенію, чтобы минутное облегченіе превратилось въ настоящую нестерпимую пытку: вся внутренность начинаетъ горѣть, слюна пересыхаетъ, языкъ прилипаетъ къ гортани, словомъ, человѣкъ на-

чинаетъ испытывать такія мученія, какія не поддаются никакому описанію.

Наши друзья, зная это, не поддавались искушенію, и съ нетерпѣніемъ дожидались грога. Кромѣ того, имъ предстояла еще мучительная работа откупорить жестянки съ консервами или сварить сушеный картофель.

Подъ вліяніемъ печки, въ шатрѣ получилась пріятная для нашихъ путниковъ температура, всего — 10°. Расположившись на своихъ мѣховыхъ мѣшкахъ, служащихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и постелями, и коврами, по-татарски сложивъ ноги калачикомъ подъ себя, они съ особымъ удовольствіемъ принялись за свой скромный ужинъ. Разговоръ не клеился: всѣ были измучены и устали; печку зарядили на 24 часа и затѣмъ каждый, зарывшись въ свой тройной мѣховой мѣшокъ-постель, постарался заснуть. Индѣецъ же, которому была не по душѣ атмосфера шатра съ запахомъ керосина, пріютился подъ открытымъ небомъ между собаками, сбившимися въ кучу, и только по настоянію друзей согласился укрыться медвѣжьей шкурой. И то ему было жарко, и онъ время отъ времени вставалъ, чтобы освѣжиться, и затѣмъ снова ложился на свое прежнее мѣсто.

Послѣ восьмичасового сна краснокожій разбудилъ своихъ пріятелей-канадцевъ, и тѣ принялись за стряпню; затѣмъ, мало-по-малу, пробудились и остальные. Жанъ, босой, безъ перчатокъ и съ непокрытой головой, вышелъ изъ шатра.

— Куда ты, Жанъ?—встревоженно спросила его сестра.

— Иду снѣгомъ умыться! Это прекрасно: разомъ нагрѣешься, лучше чѣмъ у печки!—отвѣтилъ онъ, и, дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, возвратился въ шатеръ бодрый, веселый и румяный, такъ что остальнымъ было просто завидно смотрѣть на него. Индѣецъ глядѣлъ на него съ восхищеніемъ и, подойдя къ нему, крѣпко пожалъ руки. Всѣ сѣли за завтракъ, съ утра у всѣхъ на душѣ было веселѣе, и всѣ ѣли съ охотой, особенно Поль Редонъ. Леонъ, замѣтивъ это, сказалъ:

— Здѣсь ты не можешь похвастать отсутствіемъ аппетита!

— Да, моя диспепсія, отъ которой я столько лѣчился, глотая пилюли и всякія другія лѣкарства, излѣчилась 50° моро-

зомъ! Въ Парижѣ годъ-другой, и меня пришлось бы, навѣрное, тащить на кладбище, а между тѣмъ здѣсь я становлюсь настоящимъ обжорой! Жаль только, что это лѣченіе такое архигиперборейскре!

Всѣ разсмѣялись.

— Ну, пора въ путь! — И поѣздъ саней съ провожатыми на легкихъ, большихъ лыжахъ тронулся въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ.

Дни шли за днями безъ малѣйшаго разнообразія: все та же безпредѣльная снѣговая равнина, тѣ же привалы, тѣ же ночлеги подъ открытымъ небомъ, тѣ же утомительные переходы и тотъ же морозъ. Прошло три, четыре, пять дней; люди шли впередъ, все дальше и дальше, какъ автоматы, почти не сознавая своей усталости, но съ какимъ-то ноющимъ чувствомъ томленія, шли потому, что остановиться было нельзя и невозможно идти обратно, потому, что самый организмъ ихъ требовалъ движенія, потому, что надо было бороться со стужей, проникавшей повсюду. Несмотря на это, Леонъ еще разъ справился со своей буссолью, и стрѣлка ея опять показала направленіе обратное, какому они слѣдовали, т. е. направленіе медвѣжьей пещеры.

Прошло еще два дня. Путь становился все труднѣе и труднѣе; вмѣсто снѣжной равнины нашимъ путешественникамъ приходилось теперь идти какою-то взрытой холмистой мѣстностью, напоминавшей взбаломученное море съ внезапно оледенѣвшими волнами. Затѣмъ пришлось подниматься въ гору; наши друзья стали уже падать духомъ, но индѣецъ поддерживалъ ихъ бодрость.

— Еще, братья, немного терпѣнія, — и мы будемъ у цѣли! — говоритъ онъ.

Наконецъ, путественники пришли къ такому мѣсту, гдѣ уже не было никакой возможности идти дальше. Тутъ вдругъ все небо зардѣлось великолѣпнѣйшимъ сѣвернымъ сіяніемъ. Окрестность озарилась чуднымъ пурпурнымъ заревомъ, придававшимъ всему окружающему и всѣмъ предметамъ какіе-то фантастическіе размѣры и очертанія.

Тогда краснокожій, вытянувшись во весь свой богатырскій ростъ, указалъ величественнымъ жестомъ на откосъ скалы, залитый отблескомъ красноватаго сіянія и издававшій металлическій блескъ, и воскликнулъ:

— Блѣднолицые братья, я сдержалъ свое слово! Вотъ желтое желѣзо!

— Теперь свѣтло, какъ днемъ. Очевидно, эти роскошные бенгальскіе огни предназначены для того, чтобы освѣтить наше торжество! — произнесъ журналистъ.

— Оо! Такъ это «Мать Золота»! — воскликнулъ Дюшато громовымъ голосомъ.

— Тотъ кошель съ золотомъ, котораго я искалъ въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ! — бормоталъ Лестангъ.

Что касается Леона, то онъ, вопреки всѣмъ, думалъ только о своей буссоли и своей леоніумовой стрѣлкѣ, упорно направленной и теперь въ сторону Медвѣжьей пещеры, и вмѣсто крика радости, крика торжества, съ губъ его сорвалось слово сомнѣнія: — «Какъ знать»?!

V.

Золотой бредъ.—Вожделѣнія.—Взрывъ динамита.—Недоумѣніе.—Разочарованіе.—Мѣдь.—Легенда объ Эльдорадо.—Вознагражденіе.—Возвращеніе.—По пути къ Медвѣжьей пещерѣ.

Какое-то безуміе, какой-то золотой бредъ охватилъ разомъ всѣхъ, при вѣсти объ открытіи «Матери Золота»; только безстрастный индѣецъ, не знавшій цѣны золота, и разсудительный ученый, Леонъ Фортенъ не раздѣляли общаго восторга Между тѣмъ благородный металлъ, дѣйствительно, былъ здѣсь въ изобиліи, виднѣясь всюду толстыми пластами среди каменныхъ глыбъ.

Индѣецъ былъ правъ: они видѣли передъ собою настоящую, феноменальную залежь чистаго золота, сплошной слитокъ, представлявшій собой цѣлый пластъ, на высотѣ полутора саженъ отъ земли.

Лестангъ съ неописуемымъ восторгомъ простеръ руки, воскликнувъ: «Вотъ именно такъ я и представлялъ себѣ эту «Мать Золота!» Да! сразу видно, что здѣсь золота на многіе милліоны.

Дюшато тоже обезумѣлъ. «Жанна, дитя мое,—кричалъ онъ въ восторгѣ,—теперь мы съ тобой богачи! Теперь мы будемъ счастливы и можемъ дѣлать много добра»!..

Жанъ на радостяхъ далъ нѣсколько выстрѣловъ въ воздухъ, а Редонъ громко воскликнулъ.

— Да здравствуютъ морозы и мы... и все, и всѣ!.. Ура!

— Всѣ они обезумѣли, ихъ хоть веревкой вяжи!—шепнулъ Леонъ Мартѣ.

— А васъ, другъ мой, это нисколько не волнуетъ?

— Нѣтъ, я даже самъ себѣ удивляюсь, или быть можетъ видъ этихъ маніаковъ, изображающихъ въ данный моментъ что-то очень похожее на пляску медвѣдей, такъ расхолаживаетъ меня, только я не испытываю ни малѣйшаго волненія при видѣ этихъ сказочныхъ богатствъ!

Между тѣмъ проводникъ, указавшій это сказочное богатство, безучастно смотрѣлъ на все, происходившее вокругъ его, небрежно прислонившись къ откосу скалы.

Послѣ первыхъ минутъ дикаго восторга, доходившаго до безумія, разумъ началъ входить въ свои права, и Дюшато первый заявилъ, что необходимо придумать какое-нибудь средство добыть хоть часть этого золота.

— Добыть! Но какъ? Никакія металлическія орудія не возьмутъ этого кварца,—всѣ наши усилія будутъ тщетны!—вздыхалъ Лестангъ.

— Нѣсколько снарядовъ динамита сдѣлаютъ свое дѣло въ нѣсколько минутъ!—утѣшилъ его Леонъ.

— Да, правда! Динамитъ разомъ поможетъ нашему горю!

Дѣйствительно, въ ледяныхъ равнинахъ Клондика, гдѣ рабочія руки такъ дороги и работа такъ страшно тяжела, горящіе нетерпѣніемъ золотоискатели постоянно прибѣгаютъ къ помощи динамита, запасъ котораго имѣлся подъ рукою и у нашихъ друзей. Они заблаговременно позаботились захватить съ собою его, предвидя необходимость взрыва, но оказалось, что дина-

«Окрестности озарились чуднымъ пурпуровымъ пламенемъ»...
(къ стр. 174).

митные снаряды совершенно замерзли. Тогда Дюшато, Поль, Леонъ, Жанъ и Лестангъ, всѣ взяли по снаряду и запрятали каждый свой снарядъ подъ свои одежды, чтобы дать ему оттаять. Затѣмъ старый Лестангъ и Леонъ стали отыскивать въ скалѣ трещину или щель, куда бы можно было подвести мину. Случай помогъ имъ; между тѣмъ чрезъ полчаса снаряды уже достаточно оттаяли отъ соприкосновенія съ человѣческимъ тѣломъ. Немедленно принялись за дѣло. Пока Леонъ, съ помощью Лестанга, подготовлялъ взрывъ, другіе отводили подальше сани и собакъ. Наконецъ, когда все было готово, Леонъ одинъ подошелъ къ фитилямъ съ дымящимся трутомъ, спокойно зажегъ ихъ и потомъ самъ отошелъ въ сторону. Прошло минуты четыре. Вдругъ послышалось что-то похожее на глухой подземный ударъ, затѣмъ послѣдовало непродолжительное землетрясеніе, земля какъ-будто дрогнула подъ своимъ снѣжнымъ покровомъ, и высокій бѣлыйстолбъ дыма поднялся къ небу. Послѣ этого раздалось еще нѣсколько глухихъ раскатовъ, наконецъ, цѣлый градъ обломковъ взлетѣлъ на воздухъ и посыпался во всѣ стороны, какъ при изверженіи вулкана. Собаки страшно взвыли и пустились бѣжать; люди же, точно повинуясь могучему инстинкту, ринулись впередъ къ мѣсту взрыва. Часть отвѣсной скалы оказалась взорванной и ея черные, еще дымившіеся обломки валялись всюду, на пространствѣ 15-ти саженъ. Часть металлическаго пласта также отдѣлилась, и обнаженный разрѣзъ выступилъ ярко желтой, блестящей полосой на темномъ фонѣ скалы. Индѣецъ не можетъ надивиться тому, что только что видѣлъ: взрывъ представлялся ему невѣроятнымъ, сверхъестественнымъ колдовствомъ.

Всѣ устремились къ громадной глыбѣ металла, вѣсомъ не менѣе 20 пудовъ, и прежній безумный восторгъ былъ уже готовъ снова охватить ихъ, но нѣсколько недовѣрчивыхъ словъ Леона и его скептическое отношеніе къ этому сказочному богатству невольно остановили этотъ новый порывъ. Нагнувшись и поднявъ съ земли осколокъ величиною съ крупный орѣхъ, онъ съ минуту внимательно разсматривалъ его, затѣмъ проговорилъ какъ бы про себя: «Дурной цвѣтъ и скверный видъ»!

Всѣ сердца ускоренно забились, дыханіе стѣснилось въ горлѣ, всѣ подвинулись ближе къ нему. Между тѣмъ онъ, сильно потеревъ кусокъ металла о свою мѣховую куртку, затѣмъ поднеся его къ носу, продолжалъ: «Скверный запахъ»!

— Что вы хотите этимъ сказать?..—спросилъ его дрожащимъ отъ волненія голосомъ Лестангъ, у котораго даже въ глазахъ стало мутиться отъ волненія.—Вы пугаете меня... Скажите же намъ что-нибудь... голова у меня идетъ кругомъ!..

— Увы, мой бѣдный другъ,—произнесъ Леонъ,—какъ ни непріятно мнѣ разочаровывать васъ, но я долженъ сказать, что это не золото... а просто мѣдь!

— Мѣдь! Мѣдь!—воскликнуло нѣсколько голосовъ, полныхъ отчаянія.—Возможно-ли, о Боже!..

— Правда, за то это превосходнѣйшая руда, когда-либо существовавшая въ цѣломъ мірѣ!—продолжалъ Леонъ, который до извѣстной степени былъ уже подготовленъ къ подобному разочарованію, благодаря упорству своей непогрѣшимой леоніумовой стрѣлки.

— Мѣдь! Это мѣдь! Значитъ, этотъ индѣецъ—наглый лжецъ и обманщикъ!—раздраженно воскликнулъ Дюшато,—значитъ, онъ надсмѣхался надъ нами!

— Но ты вполнѣ увѣренъ въ томъ, что это мѣдь?—спросилъ Поль Редонъ своего пріятеля,—докажи намъ!

— Смотри,—отвѣтилъ молодой ученый,—ты, вѣрно, слышалъ о существованіи пробирнаго камня?! Это—особаго рода твердый базальтовый камень, посредствомъ котораго испытываютъ золото! Кусокъ испытуемаго металла трутъ о пробирный камень, на которомъ остается желтая полоса отъ легкаго слоя металла, приставшаго къ шероховатой поверхности камня. На эту-то желтую полосу наливаютъ нѣсколько капель соляной кислоты, и, если данный металлъ—мѣдь, то она мгновенно исчезаетъ, такъ какъ мѣдь растворяется въ соляной кислотѣ; если же золото, то оно останется безъ измѣненія вслѣдствіе своей безусловной нерастворимости... Все это мы имѣемъ здѣсь подъ рукою, стоитъ только достать изъ саней...

— Не утруждайте себя напрасно, мосье Леонъ,—вмѣшался

старый Лестангъ разбитымъ голосомъ,—я могу похвалиться двадцатилѣтнимъ опытомъ рудокопа и могу смѣло подтвердить, что вы правы! Это, дѣйствительно, мѣдь... стоитъ только попробовать на языкъ... Да и какъ можно серьезно смѣшивать такой подлый металлъ съ настоящимъ золотомъ?!—презрительно добавилъ онъ.—Правда, въ первый моментъ я хотѣлъ себя увѣрить, что это и есть та самая «Мать Золота», о которой я мечталъ столько лѣтъ, цѣлую четверть столѣтія. Да, но...

— Все это вина этого индѣйца!—воскликнулъ Дюшато, не находившій въ себѣ этой покорности волѣ судебъ, какую проявлялъ его пріятель, старый рудокопъ.

— Какъ же ты обѣщалъ намъ золото, а, вѣдь, это простая мѣдь?!—съ раздраженіемъ обратился старый канадецъ къ индѣйцу.

— Я не знаю, что значитъ золото и мѣдь,—спокойно отвѣчалъ тотъ,—знаю только, что я обѣщалъ Лестангу указать ему и его блѣднолицымъ друзьямъ мѣсто, гдѣ много-много желтаго желѣза или, какъ вы говорите, желтаго металла! Скажи же, развѣ это не металлъ? Развѣ онъ не желтый? Развѣ его здѣсь не много? Не страшно много?—Отвѣчай, такъ это или нѣтъ?

— Да, такъ!

— Такъ на что же ты жалуешься?

— И ради этого мы претерпѣли столько мученій!..—задумчиво проговорилъ Лестангъ.—А все-таки существуетъ пресловутая легенда о «Матери Золота»,—и легенда эта не пустой вымыселъ!—закончилъ онъ.

— Что ни говори, а я весьма опасаюсь, что эта «Мать Золота»—то-же Эльдорадо полярныхъ странъ; иначе говоря, плодъ воображенія!—произнесла Жанна—Но вы не знаете, что такое Эльдорадо? Я сейчасъ объясню. Близъ Экватора, въ Гвіанѣ, также странѣ золота, но гдѣ царитъ не морозъ, а страшная жара и невыносимый зной, сохранилось преданіе, что гдѣ-то въ таинственномъ, почти никому недоступномъ мѣстѣ, стоитъ громаднѣйшій, великолѣпнѣйшій дворецъ—Эльдорадо, т. е. золотой, принадлежащій одному знатному властелину, богатствъ котораго нельзя было даже и счесть. Весь его дворецъ,—гла-

сила молва,—былъ изъ литого золота, вся мебель, утварь, украшенія, словомъ, все, даже статуи, изображавшія людей въ натуральный ростъ, были всѣ изъ литого золота. Замокъ этотъ, или дворецъ, люди отыскивали въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, и многіе пали жертвой своей страсти. Но вотъ однажды кому-то случайно посчастливилось найти громаднѣйшій гротъ, поддерживаемый безчисленными колоннами, гдѣ все горѣло и блестѣло, какъ чистое золото; въ пещерѣ двигались люди, совершенно нагіе, но походившіе на золотыя статуи въ натуральную величину. Оказалось, что стѣны грота, колонны и самый гротъ снаружи и даже люди, все это было натерто порошкомъ мика (блестняка).

— Что же теперь дѣлать?—задали всѣ вопросъ.

— Забыть о своемъ разочарованіи, не оглядываться назадъ и бодро идти впередъ!—отвѣчала Жанна.

— Да, дитя мое, ты—права! Я былъ жестокій безумецъ, когда такъ рѣзко и неблагодарно отнесся къ этому бѣдному индѣйцу!—произнесъ Дюшато,—онъ неповиненъ, такъ какъ для него нѣтъ разницы между золотомъ и мѣдью. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и самоотверженно переносилъ ради насъ все, не расчитывая ни на какое вознагражденіе. Я того мнѣнія, что его слѣдуетъ вознаградить за его труды и доброе намѣреніе!

— Да, да!—хоромъ воскликнули всѣ.

— Братъ мой, ты сдержалъ твое слово; не твоя вина, что и ты, и мы обманулись!—продолжалъ онъ, обращаясь къ краснокожему,—видишь эти сани со всѣмъ ихъ снаряженіемъ, съ поклажей и собаками? Возьми ихъ: они твои!

Такого рода подарокъ въ полярной странѣ представляетъ собою громадную цѣнность, особенно для индѣйца, который ничего не имѣетъ и постоянно ведетъ самое жалкое существованіе. Индѣецъ едва могъ вымолвить нѣсколько словъ благодарности отъ душевнаго его волненія; долго-долго смотрѣлъ онъ на свои санки, на собакъ, на тщательно увязанные тюки и на всю упряжку и, наконецъ, произнесъ: Ахъ... бѣлые люди—добры и щедры! Сѣрый медвѣдь никогда не забудетъ этого:

онъ будетъ братомъ для бѣлыхъ. Прощайте!—Съ этими словами онъ одинъ тронулся въ путь и вскорѣ исчезъ во мракѣ.

— А мы что будемъ дѣлать?—освѣдомился Редонъ.

— Вернемся немедленно въ Медвѣжью пещеру!—былъ отвѣтъ Леона.

VI.

Стая волковъ. — Нападеніе. — Рѣзня.—Какъ Редонъ грѣетъ свои пальцы.—Отступленіе.—Они пожираютъ другъ друга.—Медвѣжья пещера.—Взрывъ.—Исчезли.—Замурованы живьемъ.

Возвращеніе при такихъ условіяхъ, когда температура упорно держится на 50° ниже нуля, когда возбужденіе, поддерживавшее бодрость и силы, исчезло, смѣнившись уныніемъ, было не легко. Ко всему этому присоединились еще опасности, грозившія со стороны свирѣпаго, хитраго врага—волковъ, ужасныхъ полярныхъ волковъ. Животныя эти, обладающія по истинѣ удивительнымъ обоняніемъ, чуютъ на громадномъ разстояніи всякую живность, человѣка, собаку или какое-либо другое животное, и потому неудивительно, что уже на второй день обратнаго путешествія нашихъ друзей они появились вблизи ихъ поѣзда. Рѣзкій, хриплый вой этихъ вѣчно голодныхъ разбойниковъ преслѣдовалъ нашихъ друзей среди томительнаго полумрака полярной ночи. Къ счастью, мужчины скорѣе, впрочемъ, по привычкѣ, чѣмъ изъ предусмотрительности, имѣли при себѣ ружья и потому не испугались непрошенныхъ гостей. За то собаки, охваченныя паническимъ ужасомъ, вдругъ остановились и, сбившись въ кучу, жались къ ногамъ людей или прятались за сани.

— Берегите заряды!—вскричалъ канадецъ, видя, что его товарищи готовы дать общій залпъ въ громадную стаю волковъ, выдѣлявшуюся темнымъ пятномъ на бѣломъ снѣгѣ.

Мужчины и женщины выстроились полукругомъ, представляя сплошной рядъ ружейныхъ стволовъ; но противъ нихъ была цѣлая армія волковъ, по меньшей мѣрѣ штукъ двѣсти.

Фосфорическій блескъ ихъ глазъ виднѣлся уже на разстояніи пятидесяти шаговъ. Лестангъ первый далъ выстрѣлъ,—и одинъ изъ волковъ передовой линіи упалъ на мѣстѣ, раненый на смерть. За этимъ первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ цѣлый рядъ выстрѣловъ,—и полдюжины волковъ не стало. Выстрѣлы раздавались подобно грому среди морознаго воздуха снѣжной пустыни. Испуганные въ первый моментъ волки на минуту пріостановились, но затѣмъ устремились съ новою силой на нашихъ друзей.

Пальба продолжалась. Но скоро изъ семи зарядовъ каждаго Винчестра могло не остаться ни одного. Что тогда дѣлать имъ, какъ отвазить страшное нападеніе голодныхъ волковъ?

— Вотъ заряженный Винчестръ! — проговорилъ Редонъ, принимая изъ рукъ сосѣда уже разряженное ружье и вручая ему свое, съ полнымъ рядомъ патроновъ, и такъ продолжалъ заряжать для другихъ одно ружье за другимъ, изъ большого ящика съ патронами, который онъ умѣлъ достать изъ саней и держалъ открытымъ передъ собой.

Еще двѣ атаки были съ успѣхомъ отражены отважными путешественниками,—и болѣе половины волковъ полегло подъ этимъ почти непрерывнымъ огнемъ. Наконецъ, звѣри перестали подступать; фасфорическій блескъ ихъ глазъ какъ будто угасъ, затѣмъ послышался хрупъ костей и слабый вой, точно плачъ ребенка: очевидно, уцѣлѣвшіе пожирали теперь убитыхъ и раненыхъ собратій.

— Ну, я думала, что намъ пришелъ конецъ!—сказала Жанна, съ видимымъ облегченіемъ опуская свое ружье.

— Однако, какъ это ни прекрасно, что они отстали отъ насъ, а все-таки у меня руки замерзли, особенно правая!—сказалъ Жанъ.

— И у меня тоже!... И у меня!... И у меня!... — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— А у меня руки теплыя!—подсмѣивался надъ ними Редонъ.

— Быть не можетъ?! Вы—вѣчный зябликъ!

— Честное слово! Послѣдуйте только моему примѣру и вы

легко повѣрите: грѣйте руки о горячіе стволы вашихъ ружей! Это прекраснѣйшій способъ!

— Да, но что намъ дѣлать теперь?

— Бѣжать, какъ англичане, — отвѣчаетъ Лестангъ, — теперь волки занялись своимъ дѣломъ,—и дня два ихъ не отгонать отъ этого мѣста, а мы за это время успѣемъ далеко уйти, такъ что, когда они опять проголадаются и вспомнятъ о насъ, о насъ и помину не будетъ. Не такъ ли, друзья?

— Да! да! Впередъ, не теряя времени!—согласились всѣ.

Собаки, обезумѣвшія отъ близости волковъ и безъ того такъ и рвались впередъ; ихъ едва можно было держать на мѣстѣ. Вся маленькая экспедиція тронулась съ мѣста и безъ оглядки полетѣла впередъ, сколько хватало силъ.

Изнеможенные, разбитые отъ усталости наши путники остановились на ночлегъ среди равнины, гдѣ, разбивъ палатку и сваривъ ужинъ, обогрѣлись, насколько было возможно. Собакъ же пришлось стреножить, чтобы онѣ не разбѣжались: воспоминаніе о волкахъ, очевидно, преслѣдовало ихъ и теперь. Къ счастью, ночь прошла благополучно, и послѣ десятичасового отдыха наши друзья снова пустились въ путь. Новый день прошелъ такъ же, какъ и остальные дни ихъ пути: тотъ же привалъ, та же процедура, но теперь они уже стали немного успокаиваться, такъ какъ волки не показывались. Однако, многіе, особенно канадцы, знавшіе упорство волчьей натуры, не разсчитывали, что опасность совершенно миновала, и были постоянно настороже.

Вдругъ Жанъ, шедшій въ хвостѣ поѣзда и поминутно оборачивавшійся назадъ, крикнулъ «волки», затѣмъ, не теряя минуты, вскинулъ свое ружье къ плечу и выстрѣлилъ. Дюшато сдѣлалъ то же. Послѣ этого они стали стрѣлять поочередно, и каждый выстрѣлъ убавлялъ число враговъ. По прошествіи нѣсколькихъ секундъ штукъ 12 ихъ уже выбыло изъ строя; уцѣлѣвшіе волки пріостановились, но все-таки не обратились въ бѣгство: очевидно, голодъ ихъ былъ сильнѣе страха, они стали подъ выстрѣлами, какъ и въ тотъ разъ, пожирать своихъ павшихъ собратьевъ.

«Наши друзья вошли въ корридоръ»... (къ стр. 189).

Этимъ временемъ и воспользовались наши друзья, поспѣвъ къ своей Медвѣжьей пещерѣ, гдѣ они могли быть въ полной безопасности и отъ стужи, и отъ звѣрей, и отъ людей, особенно съ такими большими запасами всего необходимаго, какіе имѣлись у нихъ. Но, увы!—по мѣрѣ того, какъ они стали подвигаться на своемъ пути, и волки послѣдовали за ними; только, наученные горькимъ опытомъ, они не нападали сплошною стаей, а отдѣльными, разрозненными группами, въ пять шесть штукъ, за то разомъ со всѣхъ сторонъ. Пришлось разстрѣливать ихъ чуть-что не по одиночкѣ, что подъ руку только искуснымъ стрѣлкамъ. Наконецъ, четвероногіе хищники какъ будто поотстали; пользуясь этимъ, истомленные путешественники сдѣлали привалъ, поужинали и расположились на ночлегъ. Пока они спали, собаки перегрызли свои путы и пустились бѣжать въ разныя стороны, чуя за собой близость погони. Но на каждую изъ нихъ пришлось по десятку волковъ... Между тѣмъ наши друзья только пробудившись, съ ужасомъ замѣтили отсутствіе собакъ. Какъ же быть съ санями? Волей-неволей пришлось тащить ихъ на себѣ, тащить по глубокому снѣгу и вмѣстѣ съ тѣмъ обороняться отъ волковъ и быть насторожѣ каждую минуту.

До Медвѣжьей пещеры оставалось еще два дня пути. Въ первую очередь впрягались въ сани Леонъ, Дюшато и Редонъ, а обѣ дѣвушки, Жанъ и Лестангъ подталкивали сани сзади. Это было очень трудно, и не разъ наши друзья спотыкались и падали, проклиная убѣжавшихъ собакъ. Но дѣлать было нечего,—и скрѣпя сердце, обливаясь потомъ, всѣ продолжали путь. Наконецъ, показалась и Медвѣжья пещера.

— О!—со стономъ вырвалось изъ груди каждаго, — мы спасены!

Напрягая послѣднія силы, несчастные достали изъ саней свои мѣховые мѣшки, служившіе имъ постелями, втащили ихъ подъ своды пещеры, гдѣ царила сравнительно сносная температура, затопили печь, зажгли лампу. Но ни у кого не хватило силъ приняться за приготовленіе ужина; ни у кого не хватило силъ бороться противъ непреодолимой сонливости, и всѣ, кой какъ устроившись, немедленно завалились спать. Тяжелый

крѣпкій сонъ сковалъ ихъ вѣжды; казалось даже, пушечный выстрѣлъ былъ бы не въ состояніи разбудить теперь измученныхъ людей. Между тѣмъ Портосъ, единственный вѣрный песъ, оставшійся при своемъ господинѣ, давно уже сталъ рычать и злиться, наконецъ, громко залаялъ и выскочилъ наружу, оскаливъ зубы и ощетинившись, какъ ежъ.

Болѣе сильный и чуткій, чѣмъ остальные, Жанъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, всталъ, едва держась на ногахъ. Вдругъ ему стало ясно, что тамъ передъ пещерой происходитъ нѣчто необычайное. Очнувшись окончательно, онъ ползкомъ направился къ выходу, слѣдомъ за своимъ вѣрнымъ Портосомъ; здѣсь, потеревъ лицо снѣгомъ, чтобы отогнать одолѣвающій его сонъ, онъ доползъ до собаки, схватилъ ея за ошейникъ и вмѣстѣ съ нею исчезъ во мракѣ. Остальные продолжали спать мертвымъ сномъ.

VII.

Пробужденіе.—Это—динамитъ!—Опять враги.—Быть можетъ, Красная Звѣзда?—Золото!—Вотъ она — „Мать Золота“! — Суждено-ли погибнуть?

Трудно сказать, сколько времени продолжался этотъ тяжелый сонъ, похожій скорѣе на летаргію, во всякомъ случаѣ, нѣсколько часовъ, послѣ чего наступило ужасное пробужденіе. Жанъ не вернулся въ пещеру, но никто даже не подозрѣвалъ его отсутствія. Вдругъ почва заколебалась, точно при началѣ землетрясенія, какъ будто готовая разсѣяться подъ спящими,—и пещера потряслась до самаго основанія. Одновременно съ этимъ раздался оглушительный ударъ,—и цѣлый градъ обломковъ обрушился внутри пещеры какъ при взрывѣ. Душу раздирающіе крики вырвались у внезапно пробудившихся, они стали окликать другъ друга голосомъ, полнымъ ужаса и отчаянія.

— Жанна! Жанна, гдѣ ты? Гдѣ вы?—восклицали одновременно Дюшато и Редонъ.

— Марта! Жанъ!—звалъ Леонъ.

Но никто изъ нихъ не получилъ ни звука, ни слова въ отвѣтъ.

— Лестангъ! Лестангъ!—кричали несчастные.

— Я здѣсь!—отозвался старый рудокопъ,—а молодежь-то гдѣ? Господи Боже! Да гдѣ же они?

— Огня! Огня! Скорѣе огня!—кричалъ Редонъ.

У каждаго были постоянно при себѣ кремень и огниво, коробка спичекъ и свѣча въ небольшомъ футлярчикѣ. Канадецъ проворно зажегъ свою свѣчу и прежде всего осмотрѣлъ постели. Постель Жана не только была пуста, но и совершенно холодная, также и постели обѣихъ дѣвушекъ; слѣдовательно, ихъ отсутствіе продолжалось уже нѣсколько времени. Это необъяснимое исчезновеніе товарищей до того поразило нашихъ друзей, что они даже забыли на мгновеніе о страшномъ взрывѣ.

Мужчины направились къ выходу, чтобы взглянуть, что стало снаружи, но, къ ихъ удивленію, выхода уже не оказалось: взрывъ уничтожилъ его, заваливъ громадными обломками. Несчастные были теперь заживо замурованы въ этой пещерѣ.

— Чортъ побери! Что же случилось здѣсь?—воскликнулъ журналистъ.—Вѣроятно, произошелъ какой-нибудь обвалъ вслѣдствіе геологическихъ явленій. Но у насъ есть орудія, мы дружно примемся за дѣло и откроемъ себѣ выходъ и...

— Да развѣ ты не чувствуешь запаха?—прервалъ его встревоженнымъ голосомъ Леонъ,—вѣдь, это—запахъ динамита!

— Да, да... но неужели ты полагаешь, что это былъ умышленно подготовленный взрывъ? кто же могъ это сдѣлать?

— Кто?! Да тѣ, кто везли наши сани, похитили нашихъ дорогихъ спутницъ и Жана...

— Эхъ, чортъ возьми! А, вѣдь, ты, пожалуй, правъ! Насъ предварительно ограбили: вѣдь, и сани исчезли.., а я готовъ былъ допустить все, что угодно, кромѣ умышленнаго злодѣянія.. Это весьма похоже на дѣло рукъ «Красной Звѣзды»!

— Да, я то же думаю, и это-то именно и пугаетъ меня!—сказалъ Леонъ.

— Какъ-бы то ни было, но намъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе приняться за дѣло! Гдѣ наши заступы и кирки?

— Да я же тебѣ говорю, что они унесли рѣшительно все: и оружіе, и орудія, и съѣстные припасы, словомъ, все!

— Будемъ искать выхода,—заявилъ рѣшительнымъ тономъ Дюшато,—здѣсь ютились двое медвѣдей, слѣдовательно, въ пещерѣ долженъ быть еще другой выходъ!

— Да, это весьма возможно, надо постараться найти! Прежде всего осмотримъ корридоръ, изъ котораго проникли къ намъ въ пещеру эти медвѣди. Я пойду впередъ, слѣдуйте за мной, друзья!—произнесъ канадецъ.

Они вышли въ корридоръ, широкій и высокій вначалѣ, но затѣмъ постепенно съуживавшійся и шедшій книзу, такъ что мѣстами приходилось пролѣзать ползкомъ. Кромѣ того, временами становилось настолько душно, что несчастные стали бояться задохнуться отъ недостатка воздуха. Наконецъ, они очутились въ своего рода ямѣ, гдѣ можно было стоять во весь ростъ. Яма эта съ почвой мелкаго, мягкаго песку имѣла отъ двухъ съ половиной до трехъ саженъ въ діаметрѣ и вся была устлана мягкимъ мхомъ, на которомъ еще валялись тамъ и сямъ обглоданныя кости.

— Это—спальня медвѣдей,—объявилъ Лестангъ.—Какъ видите, этотъ звѣрь любитъ удобства! Какая у него мягкая постель!

Стѣны этой ямы состояли изъ мягкаго сыпучаго песку, и Редонъ, машинально поскребши по нимъ ногтями, заявилъ: «будь у насъ когти, какъ у медвѣдей, мы могли-бы прорыть себѣ выходъ!

— Ничего здѣсь не подѣлаешь!—проговорилъ Леонъ,—выхода нѣтъ: я осмотрѣлъ все!

— Надо осмотрѣть еще и другой корридоръ!—произнесъ Дюшато,—не отчаявайтесь, посмотримъ тамъ!

И они снова отправились гдѣ ползкомъ, гдѣ на четверенькахъ, и, наконецъ, вышли въ главную круглую залу пещеры. Второй корридоръ былъ гораздо ближе къ мѣсту взрыва и потому значительно пострадалъ отъ него: сводъ его былъ сильно расшатанъ и нѣкоторыя глыбы надъ проходомъ едва держались, грозя ежеминутно обрушиться. Въ виду этого, прежде чѣмъ рѣшиться войти сюда, наши друзья сочли необходимымъ уда-

лить эти отдѣлившіяся отъ свода глыбы, для чего было достаточно малѣйшаго прикосновенія къ нимъ. Леонъ, какъ самый сильный и самый рослый, принялъ эту задачу на себя.

— Берегись!—крикнулъ онъ, схватываясь руками за одну глыбу.

Всѣ посторонились. Раздался трескъ, оглушительный шумъ. Когда поднятая паденіемъ пыль немного улеглась, изъ устъ нашихъ друзей единодушно вырвался громкій крикъ при видѣ цѣлой груды мутно желтыхъ комьевъ величиной не меньше двухъ здоровыхъ кулаковъ. При свѣтѣ одной свѣчи, бывшей въ рукахъ путешественниковъ, трудно было хорошенько разобраться, сколько было тутъ золота, во всякомъ случаѣ, на цѣлые милліоны, если не милліарды. У всѣхъ мелькнула одна и та же мысль. Лестангъ первый высказалъ ее. «Мать Золота»! Вотъ она, «Мать Золота»! На этотъ разъ привычный глазъ рудокопа не ошибался: это было, дѣйствительно, золото, чистое золото, а не «желтое желѣзо» простодушнаго индѣйца.

Старикъ Лестангъ набросился на эти глыбы, прижимая ихъ къ груди, смѣясь и плача въ одно и то же время, лепеталъ, точно ребенокъ.

— Да... да... это она, кого я такъ искалъ и уже не надѣялся болѣе найти.. Теперь я могу умереть спокойно... О, какъ это чудесно!..

Несмотря на весь ужасъ своего положенія, и остальные невольно поддались этому странному, опьяняющему обаянію золота. Всѣхъ невольно тянуло взглянуть на это сказочное богатство. Поль Редонъ и Леонъ зажгли свои свѣчи, чтобы также насладиться этимъ зрѣлищемъ. И предъ этими грудами всѣ забыли про грозящую имъ ужасную смерть; а этотъ любящій отецъ забылъ про свое дитя, свою единственную дочь, эти безкорыстные въ сущности и прекрасные молодые люди забыли про своихъ исчезнувшихъ невѣстъ. Все было забыто, все, кромѣ какого-то безотчетнаго чувства алчности, какого-то опьяненія золотомъ!

— Глыба эта свалилась оттуда,—точно въ бреду бормоталъ Лестангъ.—Тамъ, можетъ быть, есть еще золото... можетъ быть еще много, много!

Несчастному золотоискателю показалось уже мало этихъ милліоновъ, мало всѣхъ этихъ несмѣтныхъ богатствъ, валяющихся подъ его ногами; онъ простиралъ свои дрожащія отъ волненія руки къ своду, сверкавшему самородками, при свѣтѣ поднятой вверхъ свѣчи. «О, сколько золота! Его такъ много, до пресыщенія, до отвращенія, до переутомленія глазъ»! Дикій порывъ безумія снова охватилъ всѣхъ этихъ людей, но вскорѣ Дюшато и двое молодыхъ людей очнулись подъ вліяніемъ мысли о дорогихъ ихъ сердцу существахъ.

— О, Жанна, дитя мое ненаглядное, гдѣ ты?—Вѣдь, всего этого я желалъ только для тебя!—воскликнулъ несчастный отецъ.

— Марта, это все было для васъ!—прошепталъ Леонъ.

— Какая злая насмѣшка судьбы! Теперь, когда мы стали царями золота, мы пойманы здѣсь, какъ въ ловушкѣ, зарыты, замурованы!

— Надо придумать что нибудь, чтобы выбраться отсюда, если мы не хотимъ умереть съ голода!

— Умереть! Теперь? Кто сказалъ это страшное слово?—воскликнулъ старикъ Лестангъ,—теперь, когда мы стали царями земными, когда мы овладѣли «Матерью Золота»! Я ничего болѣе не желаю... ничего не хочу... это золото теперь наше!..

— А, вѣдь, моя стрѣлка была права,—думалъ между тѣмъ Леонъ,—вотъ почему она оставалась неподвижной здѣсь: здѣсь повсюду золото; напротивъ во все время нашего злополучнаго путешествія она упорно сохраняла направленіе этой пещеры!

Наконецъ, и старый Лестангъ пришелъ въ себя и понялъ весь ужасъ положенія: эти архи-милліонеры были несчастнѣйшими изъ людей, такъ какъ имъ среди грудъ золота грозила голодная смерть! У нихъ не было ни одной капли воды, ни крохи пищи, а между тѣмъ, вѣдь, всѣ они легли безъ ужина, и голодъ начиналъ уже давать себя чувствовать. А выхода все-таки не было: второй корридоръ былъ совершенно заваленъ обрушившимися обломками. Итакъ, приходилось возложить всѣ надежды на главный выходъ, который теперь также

былъ заваленъ, такъ что при самомъ тщательномъ осмотрѣ нигдѣ не оказалось ни малѣйшей скважины, чрезъ которую можно бы было вырваться изъ этой тюрьмы. Видя, что всѣ ихъ усилія не приведутъ ни къ чему, Леонъ мрачно произнесъ:

— Нѣтъ, друзья, то, что создалъ динамитъ, можетъ разрушить только динамитъ же, а тѣ, кто думали похоронить насъ здѣсь заживо, позаботились, чтобы у насъ не осталось ни крохи его!

— Стало быть намъ остается только ожидать помощи извнѣ?

— Да, но могутъ пройти десятки лѣтъ, прежде чѣмъ явится эта помощь!—съ горькою усмѣшкою отвѣчалъ Леонъ.

— Какъ знать?! Вѣдь, все можетъ случиться, даже и невозможное!—произнесъ Лестангъ.—А Жанъ, а наши барышни?

— Но, быть можетъ, они болѣе насъ нуждаются въ помощи!

— А мнѣ кажется, что они помогутъ намъ, и на нихъ я и разсчитываю, такъ какъ они на волѣ, а мы здѣсь—въ заключеніи!

— Дай Богъ, чтобы стало по вашему!—проговорилъ съ глубокимъ вздохомъ Дюшато.

VIII.

Подвигъ лицеиста.—Человѣкъ и собака.—Слѣдъ.—Подъ сѣнью шатра.—Бандиты и ихъ жертвы.—Мертвецки-пьяные.—Отъ жизни къ смерти.—Новый подвигъ Жана.—Тѣ, кого не ожидали.

Встревоженный сердитымъ ворчаніемъ Портоса, Жанъ, наконецъ, преодолѣлъ свой сонъ и въ сопровожденіи собаки вышелъ изъ пещеры, чтобы убѣдиться, въ чемъ дѣло. Онъ отошелъ уже сажень на двѣсти отъ пещеры, когда вдругъ спохватился, что при немъ не было ни оружія, ни даже простой палки, а вблизи, можетъ быть, бродятъ волки, и рѣшилъ вернуться обратно. Но едва успѣлъ онъ повернуться, какъ Портосъ, вырвавшись отъ него, съ громкимъ, яростнымъ лаемъ кинулся впередъ. Вслѣдъ за этимъ изъ мрака раздался чей-то рѣзкій и странный голосъ.

«На снѣгу обрисовалось пять окровавленныхъ тѣлъ, объятыхъ пламенемъ» . (къ стр. 203).

— Да возьмите-же вашу собаку: мы—друзья!

— Люди, здѣсь!—подумалъ удивленный молодой человѣкъ.— Портосъ! сюда! ко мнѣ!

Собака съ видимой неохотой повиновалась, но продолжала рычать; за нею появилась кучка людей, похожихъ на тѣни въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Вскорѣ Жанъ ясно могъ различить очертанія пяти мужчинъ, укутанныхъ въ мѣха. Одинъ изъ нихъ обратился къ нему по французски, но съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ.

— Мы—золотоискатели; наши сани и собаки немного поотстали! Мы возвращаемся въ Доусонъ-Сити и ищемъ, гдѣ бы намъ укрыться на ночь!

Голосъ незнакомца показался знакомымъ Жану, и какое-то предчувствіе дало знать, что эти люди—враги. Тѣмъ не менѣе онъ вѣжливо отвѣчалъ:

— Здѣсь неподалеку есть пещера, гдѣ находятся мои товарищи! Если хотите, я провожу васъ туда!

Съ этими словами онъ кинулся къ пещерѣ, надѣясь добѣжать туда раньше и поднять тревогу, чтобы встрѣтить, какъ должно, этихъ людей. Но, увы, — его окружили со всѣхъ сторонъ.

— Уложите его на мѣстѣ, какъ молодого волченка,—крикнулъ тотъ же жесткій голосъ,—это—маленькій братецъ: я призналъ его!

Сильный ударъ въ голову ошеломилъ Жана; инстинктивнымъ движеніемъ онъ протянулъ было впередъ руки, но тутъ же упалъ, шепча: «Они убили меня... Марта! Леонъ! Я умираю!»

Вѣрный Портосъ съ остервенѣніемъ кинулся на злодѣевъ, но сильный ударъ заставилъ его выпустить свою жертву, которую онъ успѣлъ было схватить за горло,—и вѣрный песъ упалъ почти замертво подлѣ своего безжизненнаго господина.

— Ну, а теперь въ пещеру!—скомандовалъ злодѣй, которому безпрекословно повиновались остальные. — Надо воспользоваться минутой, пока они еще не пробудились!

— Но этотъ-то, по крайней мѣрѣ, не встанетъ?

— Этотъ?—презрительно повторилъ бандитъ,—о немъ нечего безпокоиться, — молокососъ, мальчишка! Такихъ-ли я разомъ отправлялъ на тотъ свѣтъ!

И они поспѣшили далѣе, оставивъ па снѣгу, въ лужѣ крови, несчастнаго мальчика и его вѣрную собаку безъ признаковъ жизни.

. . . .

Однако, Портосъ остался живъ. Эти громадныя сильныя собаки вообще очень живучи. Вскорѣ онъ сталъ шевелиться, сопѣть, чихать и, наконецъ, совершенно пришелъ въ себя. Увидѣвъ своего господина, вѣрный песъ сталъ лизать ему лицо, отогрѣвая его дыханіемъ, но такъ какъ это не дѣйствовало, и юноша не оживалъ, то умная собака стала разрывать вокругъ него снѣгъ и легла къ нему какъ можно ближе, стараясь отогрѣть его теплотой своего тѣла. Затѣмъ она опять стала лизать ему лицо... Вдругъ раздался глухой подземный гулъ, затѣмъ звукъ страшнаго выстрѣла, и почва заколыхалась, дрогнула; вмѣстѣ съ этимъ юноша вдругъ очнулся,—и слабый крикъ вырвался изъ его груди. Портосъ, услыхавъ этотъ крикъ, сталъ всячески выражать свою радость, визжать и ластиться къ своему господину. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, Жанъ разомъ припомнилъ все,—и ужасъ охватилъ его при мысли о страшной опасности, какой подверглись остальные тамъ, въ пещерѣ. Онъ хотѣлъ встать, бѣжать къ нимъ на помощь, пожертвовать для нихъ послѣдней каплей жизни, но не могъ подняться: подтаявшій подъ нимъ снѣгъ успѣлъ уже снова оледѣнѣть; мѣховыя одежды его примерзли къ снѣгу, и, несмотря на его сла-быя усилія, онъ остался неподвиженъ. Сознаніе своей слабос и безпомощности вызвало невольныя слезы у смѣлаго юнош

— Но, вѣдь, мнѣ надо же идти! Надо спасти ихъ и умереть вмѣстѣ съ ними!—шепталъ онъ и снова сталъ ше-литься, дѣлая попытки приподняться; ему удалось ухватить за ошейникъ Портоса, и доброе животное стало тянуть со всей силы и, наконецъ, оторвало его отъ почвы.

Жанъ приподнялся; въ ушахъ у него шумѣло, въ головѣ ощущалась страшная боль, въ глазахъ стоялъ туманъ, въ груди онъ чувствовалъ леденящій холодъ, и что-то тепловатое, мокрое, липкое смачивало его рубашку и нижнюю одежду.—Вѣроятно,

кровь!—думалъ мальчикъ. Мучительная жажда томила его, но онъ не поддавался соблазну, чтобы утолить ее снѣгомъ.

Вдругъ вдали послышался легкій скрипъ лыжъ. Портосъ глухо зарычалъ.

— Молчи, Портосъ, молчи! — сталъ унимать его Жанъ и, опасаясь, чтобы собака не выдала его своимъ лаемъ, онъ одной рукой зажалъ ему морду. Слышны были и голоса. Онъ узналъ ихъ: это—голосъ убійцы, угрожающій, злобный, и голосъ Марты, его сестры, молящій и рыдающій.

— Боже, они уводятъ мою сестру!.. О, я найду въ себѣ силы послѣдовать за ними! Я еще мальчикъ, но съумѣю справиться съ этими негодяями!—думалъ отважный юноша.

Да, Марта плакала и вырывалась изъ рукъ злодѣевъ. Съ нею была и Жанна, и никто не могъ помочь имъ!..

При этой мысли у бѣднаго раненаго какъ будто выросли силы, изъ слабаго ребенка онъ сталъ гигантомъ. Забывая и голодъ, и жажду, и слабость, и раны, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго пса, который, хотя и сильно хромалъ, тѣмъ не менѣе не хотѣлъ отстать отъ своего господина. Шатаясь, точно хмѣльной, спотыкаясь на каждомъ шагу, Жанъ сталъ подвигаться ползкомъ, слѣдуя за похитителями и не упуская ихъ изъ вида.

Умная собака поняла, что надо слѣдовать крадучись, и перестала рычать.

Голосовъ уже не стало слышно, но Портосъ безошибочно велъ своего господина по слѣду похитителей, руководствуясь своимъ чутьемъ. Несмотря, однако, на всю энергію, бѣдный юноша чувствовалъ, что силы его уходятъ съ каждымъ шагомъ, но онъ все больше и больше слабѣетъ.

— Но я дойду, дойду!..—шепталъ геройскій юноша, несмотря на то, что дыханіе хриплымъ свистомъ вырывалось у него изъ груди.

Вскорѣ онъ увидѣлъ передъ собой большое темное пятно на снѣгу. Ему показалось, что это—рядъ саней, а за ними палатка. Не подлежало сомнѣнію, что это былъ лагерь бандитовъ. Полотняная, хоть и шелковая палатка. Жанъ припалъ къ ней ухомъ и

сталъ слушать съ замирающимъ сердцемъ. Оттуда доносились отвратительный запахъ спиртныхъ напитковъ и грубые, пьяные голоса.

— Итакъ, милыя курочки, вы не хотите пунша? — кричали они.

— Да, полно, пейте-же, пуншъ прекрасный! Эй, да не плачьте-же! У меня сердце чувствительное: я не могу видѣть женскихъ слезъ!

— Да скажите-же, негодяи, чего вы отъ насъ хотите? — слышался голосъ, дрожавшій отъ негодованія.

— Чего мы хотимъ? Да жениться на васъ. Мы люди честныхъ правилъ и къ тому-же бравые парни! Посмотрите-ка лучше на насъ. Я и Бобъ молодцы, хоть куда!.. — Будь здоровъ, Бобъ!

— За твое здоровье, Фрэнсисъ!

Но слова эти едва можно было разобрать юношѣ. Да и опьяненіе настолько усилилось, что негодяи перестали даже понимать другъ друга и теряли сознаніе...

Несмотря на страшный холодъ, Жанъ продолжалъ стоять и прислушиваться, едва держась на ногахъ отъ слабости.

— Да, имѣйте въ виду, что товарищи ваши не спасутъ васъ: мы разъ навсегда отбили имъ охоту тягаться съ нами!— продолжалъ разбойникъ.

— Вы убили ихъ! — воскликнулъ голосъ, полный ужаса и отвращенія.— О, будьте прокляты, прокляты навсегда! — громко воскликнула Жанна.

— Пустяки, пейте! Это и грѣетъ, и утѣшаетъ! Вы не хотите? Ну, и не надо... Постойте, я разкажу кое-что: все равно, вы—наши будущія жены... Мы, конечно, не безъ грѣха, но хотимъ быть богаты... Вотъ съ этою-то цѣлью мы и основали общество... Красной Звѣзды... Но что же изъ того?! Мы—корректны... мы —настоящіе джентльмены... Да, что это я хотѣлъ сказать?!.. Ну, словомъ, эти ваши гг. Редонъ и Фортенъ, ваши покойные друзья, такъ подгадили намъ, что намъ пришлось покинуть Доусонъ-Сити... Но мы не такъ просты... мы слѣдили за вами, какъ краснокожіе, подстерегающіе врага. Вы

много говорили въ своей хибаркѣ въ Доусонъ-Сити, и мы изъ вашихъ словъ узнали о чудесной буссоли, о вашемъ намѣреніи отыскать пресловутую «Мать Золота» и о тѣхъ шансахъ, какіе вы имѣли на успѣхъ. Мы предоставили вамъ работать, чтобы впослѣдствіи воспользоваться вашими трудами, словомъ, заставить васъ таскать для насъ каштаны изъ печки. Вы видите, какъ я откровененъ съ вами, мои голубки!..

— Ну, и вы нашли эту «Мать Золота?.. Нашли?.. Да отвѣчайте же!.. А, вы не хотите сказать... ну, такъ мы заставимъ васъ. Знайте, что ваши друзья всѣ до одного покоятся подъ развалинами вашей пещеры, которую мы разрушили до основанія взрывомъ динамита. Знайте это! Вы плачете! — пробормоталъ Френсисъ съ пьяной икотой, прерывавшей его слова,— плачете... А эти канальи всѣ спятъ... да всѣ... не плачьте... у меня сердце... доброе... я настоящій джентльменъ... покойной ночи... меня клонитъ ко сну!

Негодяй грузно свалился на медвѣжью шкуру, разостланную на полу, и почти тотчасъ же захрапѣлъ.

Бѣдныя дѣвушки, связанныя веревками по рукамъ и ногамъ, тихо плакали, прижавшись къ углу шатра. Вдругъ легкій звукъ привлекъ ихъ вниманіе, и струя холоднаго воздуха разомъ охватила ихъ: острое лезвіе ножа пропороло тонкую шелковую ткань палатки, и покрытый инеемъ человѣкъ въ сопровожденіи такой же заиндевѣвшей косматой собаки вошелъ въ шатеръ.

— Жанъ!—прошептала Марта.

— Тихо! ни звука! — проговорилъ онъ чуть слышно. И этотъ мальчикъ, этотъ умирающій раненый, исходящій кровью, склонился надъ спящимъ разбойникомъ, схватилъ его за бороду и хладнокровно, какъ присяжный палачъ, перерѣзалъ ему горло отъ одного уха до другого. Слабый храпъ, фонтанъ крови,—и дѣло было сдѣлано. Затѣмъ онъ точно также поступилъ и съ слѣдующимъ. Обе [illegible] отъ ужаса и чувства отвращенія при видѣ этихъ лу[illegible] крови дѣвушки закрыли лицо руками и прижались еще плотнѣе одна къ другой. Между тѣмъ Жанъ продолжалъ свою кровавую расправу.

— Хватитъ-ли только силъ!..—прошепталъ онъ, снова принимаясь за кровавое дѣло.

Еще одинъ изъ негодяевъ отправился на тотъ свѣтъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ совершенно безъ всякихъ признаковъ сознанія его сообщникъ, и его сталъ прирѣзывать Жанъ, собравъ остатокъ силъ. Теперь остался еще одинъ. Надо покончить и съ нимъ! Онъ уже занесъ ножъ и нанесъ ударъ, но ослабѣвшая рука юноши не имѣла силы заколоть негодяя, а только ранила его, при томъ легко. Тотъ вскочилъ на ноги и, схвативъ юношу поперекъ тѣла, въ одинъ мигъ обезоружилъ его.

Еще секунда, — и отважный мальчикъ сталъ-бы жертвой злодѣя, но Портосъ, видя, что его господину грозитъ опасность, оскаливъ зубы и ощетинивъ шерсть, сильнымъ прыжкомъ кинулся на негодяя, опрокинулъ его, схватилъ за горло и довершилъ дѣло своего господина. Въ этотъ моментъ за палаткой послышались запыхавшіеся голоса.

— Сдавайтесь или всѣ вы не сойдете съ мѣста! — И трое мужчинъ ворвались въ палатку съ заряженными пистолетами въ рукахъ.

Марта узнала этотъ голосъ.

— Мистеръ Тоби!—воскликнула она,—о, мистеръ Тоби! помогите ему, пока еще не поздно... Жанъ лишился чувствъ!

— Вы здѣсь?! Какъ вы сюда попали, милыя барышни?

— Послѣ, послѣ, помогите ему!

Но Жанъ уже очнулся; шатаясь, поднялся онъ на ноги и съ довольной улыбкой оглянулся кругомъ. Мистеръ Тоби разрѣзалъ веревки, которыми были связаны молодыя дѣвушки.

— О! мы опоздали!—проговорилъ онъ, — все дѣло сдѣлалъ одинъ мистеръ Жанъ! Вы—герой, мистеръ Жанъ!

IX.

Сила воли.—Возвращенiе къ пещерѣ.—Живы.—Опять динамитъ!—На свободѣ.—Разсказъ Тоби.—Вознагражденiе.—Выяснившаяся тайна.—При свѣтѣ пламени.—Красная звѣзда.—Послѣднее открытiе.

— Жанъ! Жанъ!—воскликнула Марта, кинувшись на шею брата.—Боже! ты раненъ, на тебѣ кровь! Жанна, помогите мнѣ сдѣлать ему перевязку!

— Да, да, дорогая Марта, но какой холодъ! Надо закрыть эту щель какой-нибудь шкурой!—проговорилъ юноша.

— Сейчасъ, барышни, дайте намъ только убрать отсюда эту падаль! Тутъ можно потонуть въ крови!—проговорилъ Тоби и принялся вмѣстѣ со своими товарищами вытаскивать одно за другимъ тѣла убитыхъ изъ шатра.

Между тѣмъ дѣвушки суетились около Жана, желая ему помочь.

— Не надо,—сказалъ онъ,—я чувствую только нѣкоторую тяжесть въ головѣ, но это пройдетъ на морозѣ. Здѣсь душно и смрадно! Я ничего не ощущаю теперь въ груди; если и есть тамъ рана, такъ кровь на ней запеклась и теперь она заживетъ сама собою. Поспѣшимъ скорѣе туда, къ пещерѣ, гдѣ остались наши друзья! Пока оставимъ все такъ, какъ есть, но захватимъ съ собою одни сани: они ограбили все до-чиста!

— Зато у насъ наши сани въ полной исправности!—возразилъ мистеръ Тоби.

— Тѣмъ лучше, избытокъ имущества никогда не мѣшаетъ, захватимъ всѣ!

Порѣшивъ на этомъ, всѣ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ направились къ Медвѣжьей пещерѣ, отстоявшей въ полумилѣ отсюда. Жанъ и обѣ дѣвушки слышали, что имъ говорили разбойники, но имъ положительно не вѣрилось, что ихъ друзья безвозвратно погибли, хотя всѣ они слышали взрывъ и трескъ разрушенiя. Но вотъ они на мѣстѣ преступленiя; кругомъ царила мертвая тишина и безмолвiе.

Тѣмъ не менѣе Тоби схватилъ кирку и принялся ударять, что есть силы, по стѣнѣ,—и вдругъ, о, радость,—изнутри также послышались отвѣтные удары и крики.

— Они живы! живы! Скорѣе сюда петарду!

Чтобы избѣжать обвала, Тоби помѣстилъ снарядъ какъ можно выше и при этомъ крикнулъ, что есть мочи:

— Отойдите, господа, въ самую глубь пещеры: сейчасъ мы взорвемъ верхнiй сводъ!

Спустя нѣсколько минутъ послышался взрывъ, и когда дымъ разсѣялся, Тоби воскликнулъ:

— Ура! друзья мои!

— Ура!—отозвались изнутри знакомые голоса.

— Всѣ-ли живы?

— Всѣ! Живы и невредимы!

Погребенные заживо вышли чрезъ брешь, сдѣланную взрывомъ; послѣдовали объятiя, безсвязныя, радостныя восклицанiя, поцѣлуи.

Выждавъ, пока эти первые моменты волненiя прошли, мистеръ Тоби, со свойственной англичанамъ корректностью, поспѣшилъ представить своимъ друзьямъ своихъ товарищей, мистера Паскаля Робена и мистера Франсуа Жюно, канадцевъ родомъ.

Всѣ въ теплыхъ выраженiямъ принялись благодарить ихъ, при чемъ Леонъ добавилъ:

— Всѣ мы, мистеръ Тоби, обязаны вамъ и вашимъ товарищамъ своею жизнью, а потому одной голословной благодарности мало, и, хотя мы останемся вашими неоплатными должниками, но все-таки просимъ васъ, мистеръ Тоби, принять отъ насъ миллiонъ, а васъ, господа, каждаго по 500,000!

— Да! Да!—подтвердили всѣ остальные.

Затѣмъ всѣ отправились въ пещеру, затопили печь, стали готовить ужинъ. Здѣсь, расположившись на медвѣжьихъ шкурахъ у печки, Тоби разсказалъ своимъ друзьямъ, какимъ образомъ онъ явился такъ кстати.

— Я принадлежу къ числу тѣхъ людей,—говорилъ онъ,—которые, начавъ какое-нибудь дѣло, любятъ непремѣнно до-

вести его до конца. И вотъ эта исторія съ Жое Нортономъ и Рейбенъ Смисомъ не давала мнѣ покоя. Я рѣшилъ во что бы то ни стало разъяснить эту мистификацію.

— И вамъ удалось?

— Вотъ вы сейчасъ узнаете. Конечно, это было не легко; я слѣдилъ, выслѣживалъ и въ концѣ-концовъ убѣдился, что Жое Нортонъ и Рейбенъ Смисъ не одно и то же, что Бобъ Вильсонъ и Фрэнсисъ Бернеттъ, какъ мы полагали!

— Значитъ, судьи были правы?

— И да, и нѣтъ! Существуютъ всѣ четверо: и Смисъ, и Вильсонъ, и Нортонъ, и Бернеттъ, при чемъ Жое — двойникъ Боба, а Рейбенъ—двойникъ Френсиса. Сходство между этими негодяями до того поразительно, что при помощи легкаго грима, каблуковъ повыше или пониже, подкрашенной бороды и волосъ, ихъ нельзя было отличить другъ отъ друга. Въ этомъ и весь секретъ! Узналъ я это посредствомъ цѣлаго ряда фотографическихъ снимковъ. Фотографія показала и сходство, и нѣкоторое характерное различіе этихъ столь сходныхъ на взглядъ личностей, которыя, надо замѣтить, никогда не бываютъ въ присутствіи другъ друга!

— Вы просто геній, Тоби! Интересно оч.

Тотъ самодовольно улыбнулся и продолжалъ:

— Заручившись этими снимками и сдружившись вотъ съ этими господами, которые во всемъ оказывали мнѣ помощь и содѣйствіе, я обратился къ суду, и такъ какъ послѣдній отнесся къ этому дѣлу довольно холодно, то я написалъ большую обличительную статью, въ которой безпощадно громилъ и судъ, и судей, изобличалъ и всѣхъ четверыхъ негодяевъ, означая всѣ ихъ преступленія, злодѣянія и продѣлки. Одна изъ болѣе распространенныхъ газетъ приняла статью и тутъ же напечатала ее, уплативъ мнѣ громадный гонораръ.

Статья эта имѣла такой успѣхъ и такъ подѣйствовала на судей и на общественное мнѣніе, что немедленно были приняты мѣры для ареста четырехъ негодяевъ, но тѣ успѣли бѣжать. Тогда судъ пересмотрѣлъ дѣло,—и мы были объявлены невинно пострадавшими. Негодяевъ преслѣдовали, но они

успѣли скрыться и только такимъ образомъ избѣгли закона Линча.

Тогда я и двое моихъ товарищей, съ тремя санями и полнымъ снаряженіемъ полярной экспедиціи, пустились преслѣдовать ихъ по снѣжной пустынѣ. Вдругъ мы замѣтили, что ихъ слѣдъ сливается съ другимъ слѣдомъ, съ вашимъ. Это такъ напугало насъ, что мы съ удвоенной быстротой стали нагонять ихъ, но, несмотря на всѣ наши усилія, если-бы не мистеръ Жанъ, явились-бы слишкомъ поздно!

— Но скажите, что же сталось съ Красной звѣздой?

— Вы желаете знать, что съ нею сталось? Прекрасно! Потрудитесь послѣдовать за мной!

Всѣ вышли и быстро направились къ шелковой палаткѣ.

Не доходя пятидесяти шаговъ до нея, Тоби попросилъ всѣхъ остановиться и подождать немного, а самъ побѣжалъ впередъ, вылилъ на снѣгъ свою бутыль керосина и зажегъ его. Громадное пламя взвилось къ верху и озарило кровавымъ заревомъ снѣговую равнину. Крикъ ужаса вырвался изъ груди зрителей: на снѣгу обрисовалось пять окровавленныхъ тѣлъ. Случайно-ли, или умышленно, эти объятыя пламенемъ тѣла расположены были правильной пятигранной звѣздой.

— Вотъ она, Красная звѣзда!—воскликнулъ Тоби, указывая на нихъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь нашимъ друзьямъ предстоялъ выборъ между зимовкой въ Медвѣжьей пещерѣ и зимовкой въ Доусонъ-Сити. Всѣ единогласно рѣшили вернуться въ блестящую молодую столицу Клондика, гдѣ они могли найти всѣ удобства жизни; выждали только нѣсколько дней, пока Жанъ совершенно оправился отъ своей раны, а за это время добыли большое количество золотыхъ слитковъ и нагрузили ими сани умершихъ членовъ Красной звѣзды. Золота оказалось по меньшей мѣрѣ на 9.000,000 франковъ, но, произведя расчистку старой галлереи или корридора, старикъ Лестангъ воскликн

— О, нѣтъ, это ужъ слишкомъ много! Смотрите! Вѣдь, здѣсь всѣ своды и стѣны изъ чистаго золота! Право, я умру! Тутъ болѣе чѣмъ на сотни милліоновъ!

— Да, это поистинѣ сонъ изъ «тысяча и одной ночи»!—согласились съ нимъ остальные, но теперь видъ этихъ несмѣтныхъ богатствъ уже не опьянялъ ихъ; теперь ихъ всецѣло охватило лихорадочное желаніе вернуться скорѣй на родину и бѣжать изъ этой безлюдной пустыни, изъ этого «ледяного ада», гдѣ жизнь была одною сплошною пыткой какъ для тѣла, такъ и для души.

И они поспѣшили захватить изъ таинственной сокровищницы столько золота, сколько только могли увезти ихъ сани. Наваливъ его цѣлыми грудами, они тотчасъ же отправились въ путь.

Возвращеніе совершилось сравнительно благополучно, безъ особыхъ печальныхъ приключеній, а въѣздъ въ столицу Клондика явился настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. За время ихъ отсутствія успѣлъ совершиться полный переворотъ въ образѣ мыслей обитателей этого города: ихъ враждебное отношеніе смѣнилось восторженнымъ благоговѣніемъ къ счастливымъ обладателямъ безчисленныхъ милліоновъ. Но эти шумныя оваціи, эти празднества и даже самая сказочная роскошь обстановки лучшей гостиницы, оплачиваемая 100 франками въ сутки съ каждой персоны,—все это не удовлетворяло нашихъ друзей. Не занималъ и не радовалъ ихъ и Доусонъ-Сити; они считали его первымъ этапомъ на пути въ возлюбленную Францію, о которой всѣ они мечтали и куда стремились всей душой.

— Мы всѣ, всѣ ѣдемъ во Францію!—говорили они.

Одинъ только старый Лестангъ пожелалъ здѣсь и умереть, въ этой странѣ золота.

— Я, видите-ли,—говорилъ онъ,—долженъ остаться здѣсь! Я буду вашимъ довѣреннымъ, управляющимъ и уполномоченнымъ, и повѣрьте, никто лучше меня не съумѣетъ вести ваше дѣло! Кромѣ того никто, кромѣ меня, не долженъ эксплоатировать «Мать золота»!

...лись со старымъ оригиналомъ.

Предстоящее путешествіе во Францію приводило въ восторгъ и Дюшато, и его дочь: вѣдь, это—осуществленіе ихъ завѣтной мечты, мечты каждаго канадца французскаго происхожденія; всѣ они мечтаютъ хоть разъ въ жизни повидать свою старую родину».

Надо понять ту страстную привязанность, какую эти люди питаютъ къ своей далекой прежней родинѣ, чтобы повѣрить, насколько сильно въ нихъ это желаніе. Кромѣ того, наши искатели золота такъ сроднились за это время, что не могли даже и подумать о разлукѣ: самая мысль объ этомъ казалась до того ужасной для Поля Редона, что онъ лучше готовъ былъ разстаться съ жизнью, чѣмъ съ отважной, мужественной ... красной дѣвушкой, уроженкой далекой ... стало ясно, что безъ нея онъ не можетъ жить!

Всѣ эти общія печали и радости, общія волне... и опасности до того сблизили ихъ, что даже Ж... не сантиментальная, положительно не могла себѣ предс... разлуки съ своими друзьями.

У нихъ у всѣхъ была какъ бы одна душа. И все эт... чилось какъ бы само-собой и, по словамъ Леона, само-со... стало ясно, что Поль Редонъ и Жанна созданы другъ для друга, такъ же какъ и Леонъ и m-lle Марта.

— Не подлежитъ сомнѣнію,—добавилъ онъ,—что по возвращеніи во Францію, все это кончится, какъ въ романѣ, двойною свадьбой, и если ты ничего не имѣешь противъ, то мы поженимся въ одинъ и тотъ же день!

— Браво! Во всякомъ случаѣ, я благословляю эту страну морозовъ, гдѣ я нашелъ свое счастіе!—вскричалъ Поль.

— До сихъ поръ ты, кажется, только проклиналъ этотъ «ледяной адъ»!

— Пусть же онъ отнынѣ будетъ «снѣжнымъ раемъ»!—воскликнулъ журналистъ,—я никогда не буду называть его иначе!

КОНЕЦЪ.